

ЙОН КОЛФЕР

84(3)
К 61

ФЛЕТЧЕР
ШУН—

ЧАСТНЫЙ ДЕТЕКТИВ

ФЛЕТЧЕР
ШУН

ЙОН КОЛФЕР

ФЛЕТЧЕР
ШУН—
ЧАСТНЫЙ
ДЕТЕКТИВ

Москва

Санкт-Петербург
«ИД Домино»

2007

УДК 82(1-87)
ББК 84 (4Вел)
К 60

Eoin Colfer
HALF MOON INVESTIGATIONS

Copyright © 2006 by Eoin Colfer

Руководитель проекта *Александр Жикаренцев*

Художник *Анастасия Васильева*

Колфер Й.
К 60 Флетчер Мун — частный детектив: Роман / Йон Колфер; [пер. с англ. Б. Жужунавы]. — М.: Эксмо; СПб.: Домино, 2007. — 368 с.

ISBN 978-5-699-22028-1

Не каждый может стать детективом. Необходим особый склад ума, наметанный глаз, независимый характер, но главное — любопытство. Желание во что бы то ни стало выяснить истину, пусть ради этого придется лазать через заборы, получать по голове и даже рисковать оказаться посмешищем. Флетчеру Муну недавно исполнилось двенадцать. Он блестяще закончил Академию частных сыщиков (через Интернет) и получил самый настоящий значок детектива. Этот значок дает Флетчеру право заниматься частными расследованиями... Честно говоря, только после совершеннолетия, но это не важно. Важно то, что порой дело само находит детектива, и расследование принимает весьма неожиданный оборот.

В отличие от Артемиса Фаула, другого знаменитого героя книг Йона Колфера, Флетчеру Муну пока не довелось столкнуться с волшебным народцем. Но обладателя по-настоящему незаурядного ума приключения подстерегают даже на школьном дворе!

УДК 82(1-87)
ББК 84(4Вел)

© Б. Жужунава,
перевод с английского, 2007
© Текст. ООО «ИД «Домино», 2007
© Оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2007

ISBN 978-5-699-22028-1

Лиаму и Джону,
а также их «Четверговому клубу
мыслителей»

ГЛАВА 1

ПЕРВОЕ ПРАВИЛО ДЕТЕКТИВА

Меня зовут Мун. Флетчер Мун. И я частный детектив. За двенадцать лет жизни на этом неутомимо вращающемся шарике под названием Земля я повидал много такого, что вам и в страшном сне не приснится. Я видел вывернутые наизнанку коробки для школьных завтраков с единственным жалким апельсином, чудом уцелевшим на дне. Я видел самодельные радиовещательные установки с территорией охвата в пять графств и тележки украденных у малышей сладостей...

Я думал, что повидал все. Разыскивая потерянные «валентинки», мне столько раз приходилось опускаться на самое дно, что я начал думать, будто меня уже ничем не проймешь. В конце концов, тому, кто сталкивался с темной стороной школьных задворков, жизнь способна преподнести не так уж много сюрпризов.

ГЛАВА 1

Так мне казалось. Но я ошибался. Очень сильно ошибался.

Месяц назад в мою дверь постучался случай, который заставил меня задуматься, не бросить ли вообще сыщицкое дело. Мне только что исполнилось двенадцать, и на моем счету уже было с десяток успешных расследований. Дела шли хорошо, но мне хотелось большего: у меня руки чесались заняться действительно серьезными преступлениями. Я был по горло сыт всеми этими ребяческими приключениями. Мне требовалось настоящее дело и настоящий гонорар, а не та мелочь, что родители дают детям на карманные расходы.

Все пошло наперекосяк в тот день, когда мне вздумалось нарушить первое правило Бернстайна: «Будь невидимкой. Складывай вместе куски головоломки, но никогда не становись одним из них».

Ирод Шарки заставил меня забыть это правило.

Каждому частному детективу известно имя Боба Бернстайна, легендарного агента ФБР (в отставке), основателя Академии Бернстайна в Вашингтоне, где обучают будущих детективов. Еще он написал «Руководство Бернстайна», которое каждый студент Академии должен знать наизусть, если надеется пройти аттестацию. Я вы-

ПЕРВОЕ ПРАВИЛО ДЕТЕКТИВА

учил «Руководство» от корки до корки и прошел аттестацию первым в своем онлайн-классе, хотя для этого мне пришлось использовать дедушкино свидетельство о рождении. Хорошо, что имена у нас одинаковые.

Двадцать седьмое сентября. Этот день навсегда врезался в мою память, каждое его мгновение будто бы запечатлено на фотографиях с высоким разрешением. Прошел почти месяц после летних каникул. К сожалению, лето не знало, что оно уже закончилось, и солнце светило всюю. С разогретой бетонной площадки двора накатывал жар, окутывая волнами тяжелой духоты учеников начальной и средней школы Святого Иеремии.

Я появился в воротах школы в обычное время, то есть в восемь пятьдесят. У меня привычка: куда бы я ни шел, приходиться на десять минут раньше. Это позволяет держать руку на пульсе событий. Частные детективы должны всегда оставаться начеку и прислушиваться к голосу интуиции. В «Руководстве» Бернстайна сказано: «Детектив никогда не знает, откуда появится его следующее дело». Если постоянно держать ухо востро, то, когда дело наклюнется, запросто может оказаться, что ты эту головоломку уже разрешил. Я всегда держу ухо востро. Могу рассказать, у кого из ребят на пальцах бородавки.

Знаю, кто передает любовные записки старшеклассникам и даже кто из учителей по дороге в школу заглядывает в «Макбургер».

Однако даже легендарный детектив Боб Бернстайн не способен заметить все. Вот почему мне требовались информаторы. Самым лучшим у меня был Дуби Дойль, восьмилетний сопляк с зоркими глазами и большущим ртом. Дуби из тех, кто за горсть монет продаст мать родную. К несчастью, когда я назвал его сопляком, это были не просто слова. Где бы Дуби ни болтался, из ноздрей у него всегда свисает пара зеленых соплей, которые он постоянно с шумом втягивает обратно. Хотя вообще-то это отличная маскировка. Люди не замечают в нем ничего, кроме соплей. Если когда-нибудь Дуби наконец утрет нос, его даже мама не узнает.

В то утро, двадцать седьмого, он торчал у ворот, дожидаясь меня. Я удивился. Обычно мне приходилось разыскивать его. Должно быть, случилось что-то важное, понял я.

— Привет, Флетчер, — сказал Дуби и, поскольку я не остановился, потрусил рядом со мной.

Я не смотрел в его сторону. Увидеть физиономию Дуби с близкого расстояния — не лучшее начало дня.

— Что у тебя есть для меня? — небрежно спросил я.

ПЕРВОЕ ПРАВИЛО ДЕТЕКТИВА

— Смотрел «Капитана Лазера» вчера? Где про помойного монстра было?

Дуби хороший информатор, но очень уж легко отвлекается.

— О мультиках поговорим позже, Дуби. У тебя есть информация?

— Ага. Но сначала я хочу посмотреть значок.

Я вздохнул. Дуби всегда хочет посмотреть значок. Значок такой блестящий, а Дуби всего восемь.

— Ладно. Но только один раз, а потом ты мне все выложишь.

Я достал из кармана брюк маленький кожаный футляр, открыл его и придвинул к лицу Дуби. Внутри была ламинированная карточка и позолоченный значок детектива. Значок вспыхнул в солнечных лучах, и на мгновение я сам замер, завороженный этим зрелищем. Даже тогда, спустя целых полгода после того, как я получил значок, мне временами не верилось, что он и вправду мой.

— Здорово! — благоговейно ахнул Дуби и тут же недоверчиво спросил: — А он настоящий?

Я постучал пальцем по карточке.

— Все честь по чести, Дуби. Флетчер Мун. Закончил частную детективную Академию Боба Бернстайна.

— А можно и мне такой же?

Это вопрос Дойль задавал каждый раз, когда видел значок.

— Нет. — Я сунул футляр в карман. — Я два года учился, чтобы его получить. Даже если бы ты и заполучил значок, он все равно не был бы твоим.

Дуби сосредоточенно насупился, переваривая услышанное. Освоение столь сложной информации потребовало от него значительного умственного напряжения, учитывая, что пока ему не удалось освоить даже технику обращения с носовым платком.

— Ну так что ты хотел мне сказать, Дуби? Надеюсь, что-то стоящее.

— Ничего, — ответил он. — Я пришел, потому что все знают, что я на тебя работаю, вот они и сказали найти тебя.

Я остановился.

— Кто сказал?

— Ирод Шарки, — ответил Дуби. — А второго не знаю, как зовут, он здоровенный такой. Жуть какой здоровенный.

Ирод Шарки. По правилам школьного двора это имя не должно было вызывать у меня ни малейшего беспокойства, ведь я учусь в шестом классе, а Ирод всего-навсего в четвертом. Од-

ПЕРВОЕ ПРАВИЛО ДЕТЕКТИВА

нако правила писаны не для семьи Шарки. На самом деле, если и найдется какое-то нерушимое правило, Шарки не поленятся сделать крюк в несколько сот миль, только чтобы нарушить его.

Ирод — один из самых неуправляемых парней в нашей школе. Таких, как он, учителя прозвали «обычные подозреваемые». Что бы где бы ни пропало, его тут же вызывают к директору для допроса. И в девяти случаях из десяти Ирод вынимает пропавшую вещь из кармана. А если не вынимает — это наверняка означает, что он зарыл украденное на спортплощадке. Рано или поздно в школу начнет названивать полиция, разыскивая его. Это всего лишь вопрос времени.

Ну и с какой, интересно, стати Ироду Шарки понадобился я? Ничего ценного у меня нет... если не считать значка детектива! Я в панике проверил карман, но футляр пока был на месте. Тогда я решил для верности проверять его каждые полминуты.

Я оставил сумку у стены, и Дуби повел меня вокруг школы, мимо масляного бака, разрисованного Паровозиком Томасом, на баскетбольную площадку, где обычно улаживают свои дела старшеклассники. Если вам требуется нанять кого-то, чтобы сообщить о своих нежных чувст-

вах, вы идете сюда и находите нужного человека. Кроме того, именно на баскетбольной площадке происходят все школьные драки, таков неписанный закон. Судя по тому, что теперь там собралась небольшая толпа, кто-то с утра пораньше уже выяснял отношения.

— Где Ирод? — спросил я Дуби, хотя заранее знал ответ.

Ирод ведь Шарки, и, значит, есть только одно место, где он может быть.

— Он дерется. «Замóк».

Ну, «замок» все же лучше, чем «колесо». «Колесо» — опасная штука, можно пострадать.

Школьные драки бывают разных типов. Самые популярные из них это «колесо», «не подходи» и «замок». В «колесе» противники бегут друг другу навстречу, закрыв глаза и вращая руками, как мельница. Если повезет, можно здорово врезать противнику, однако гораздо чаще оба дерущихся промахиваются. «Колесо» в особенности популярно у мальчишек из младших классов.

«Не подходи» — это, строго говоря, вообще не драка, поскольку цель в данном случае как раз в том, чтобы избежать потасовки. Противники орут «Не подходи!» как можно громче и чаще, пока на шум не явится кто-нибудь из учителей. Как только это происходит, друзья уводят не-

ПЕРВОЕ ПРАВИЛО ДЕТЕКТИВА

состоявшихся драчунов, которые втайне вполне довольны таким исходом дела, хотя и продолжают выкрикивать что-нибудь вроде: «Тебе крупно повезло, осел! А то я бы тебя прибил!»

Сейчас на площадке происходила драка типа «замок». Она в точности соответствует своему названию. Двое парней вцепляются друг в друга, и тот, кто первым ослабит хватку, проиграл. В «замке» очень важно, как ухватиться. Некоторые предпочитают сцепляться пальцами, другие — хватать друг друга за запястья. Все зависит от длины и силы пальцев. Проиграть можно по многим причинам. Одна — если тебя зажмут так, что не можешь дышать, а другая, если приспичит в туалет. По школьному двору гуляет легенда о Бартоне Макхейле и Джерри Кэнти, заклятых врагах, которые продержались в «замке» двадцать часов подряд. Еду им приносили друзья, а без туалета они обходились, как могли, если вы понимаете, о чем **я. Те**, кто пытался повторить их подвиг, говорят, что стыдно только в первый раз.

Ноги сами несли меня к месту драки, хотя, казалось бы, что я там забыл? Что здесь делать детективу? Честно говоря, терпеть не могу насилия. Не то чтобы я никогда не дрался... просто никогда не побеждал. И все же какой-то могучий инстинкт гнал меня вперед. Я чувствовал

запах тайны, и нюх детектива заставлял меня подойти ближе. Я не мог противиться этому зову, прямо как сорока при виде кольца с бриллиантом, забытого на подоконнике.

Дуби локтями прокладывал себе путь через толпу.

— Я привел его! Привел Муна!

Зрелище носа Дуби заставляло зевак шараться в стороны — еще бы, кому охота рисковать коснуться липких зеленых висюлек! Таким образом я оказался в «оке тайфуна» и беспрепятственно прошел через кольцо зрителей. Все взгляды были устремлены на меня, а такого следовало всячески избегать. Детектив не должен находиться в центре событий. Наше дело — заявиться на место преступления, когда все уже позади, и задавать вопросы. Самое близкое знакомство сыщика с пулей — это когда он посыпает гильзу специальным порошком, чтобы снять отпечатки пальцев. И вот, вопреки всему этому, я вслед за восьмилетним мальчишкой прошел в центр круга.

Один из противников и впрямь был Ирод Шарки, маленький, тощий и, как все Шарки, огненно-рыжий. А вот второй оказался вовсе не парнем, как решил простак Дуби, — это была Белла Барнес, самая крупная ученица в школе. Ростом метр восемьдесят, она носила шерстяные чулки и играла в регби за команду парней.

Никто не связывался с Беллой. Никогда. Даже учителя. И вот, нате вам: Ирод Шарки висит у нее на спине, вцепившись, как клещ.

На мгновение я буквально остолбенел, но потом собрался и мысленно «сфотографировал» сцену, запоминая детали. Согласно «Руководству» Бернстайна, «никогда не знаешь, какой из на первый взгляд незначительных фактов поможет разобраться в деле».

Итак, детали. Белла Барнес. Метр восемьдесят. Около семидесяти пяти килограммов. Может, восемьдесят. Школьная форма установленного образца, если не считать серег. Серьги категорически запрещены, поскольку, по мнению миссис Куинн, нашей директрисы, могут зацепиться за дверную ручку и порвать мочку уха. Хотя никто никогда не слышал, чтобы такое произошло.

И Ирод Шарки, которого в семье называют Родди (не путать с его старшим братом, Редом). Рост примерно метр тридцать семь, серебристый тренировочный костюм и коричневые ботинки. Никакой школьной формы: для парня десяти лет от роду Шарки был образцом крутизны. В данный момент он висел на Белле, обхватив ее за шею сзади тощими руками и сцепив пальцы у нее под подбородком. Строго говоря, это не был классический «замок», потому что вцепился в другого только один из противников.

Ирод поднял взгляд. Лицо у него покраснело от натуги, но он был полон решимости. Толпа зрителей умолкла, повисла тишина, плотная, как ватное одеяло. Все замерли в ожидании того, что скажет Шарки. У меня возникло предчувствие, что мне это не понравится.

— Мун, ты баран, — пропыхтел он.

Пока мои ожидания оправдывались. Но Шарки не остановился на достигнутом.

— Ты крутой детектив. Докажи этой гиппопотамике, что я не брал ее органайзер.

Белла вскинулась, подбросив Ирода, словно лошадь жокея, но он держался крепко.

— Это ты взял его, — прохрипела Белла. — Эйприл видела.

— Барби врет! Ничего я не брал!

Изящная девочка, стоявшая в первом ряду зрителей, ткнула в Ирода пальцем.

— Ложь и снова ложь! — торжествующе заявила она. — Ты сделал это, и я все видела. Вы со своим братцем годами нас обворовываете.

Это была Эйприл Деверо, в свои десять лет уже успевшая стать вождем племени таких же «барби», как она. То, как Ирод обозвал ее, было, может, и не очень вежливо, зато точно. Если бы кукла Барби прошла сквозь увеличительный туннель, с другого конца появилась бы Эйприл Деверо.

ПЕРВОЕ ПРАВИЛО ДЕТЕКТИВА

— Брехня! — завопил Ирод. — Минимум докажет это.

Я все время ждал, когда наконец кто-нибудь произнесет мое прозвище. Минимумом меня обозвал Ред Шарки, когда я учился еще в третьем классе. Уже тогда я был одним из самых низкорослых.

— Чего ты от меня хочешь? — спросил я.

— Ты же всегда носишься со своим знаменитым сыщицким значком! Так давай, расследуй хоть что-нибудь!

Нелепая ситуация. Детективы так не работают.

— Давай, Флетчер, — сказала Эйприл Деве-ро, надув губки. — Будь уж так любезен, докажи, что я говорю правду.

Я поморщился.

— Что я могу сделать? У меня нет никаких фактов. Даже неясно, откуда начинать.

Белла злобно уставилась на меня.

— И все же лучше тебе начать, — прохрипела она. — А иначе я грохнусь на спину и раздавлю этого червяка. А потом отберу твой драгоценный значок и засуну тебе в одно место.

Я побледнел, но не так сильно, как Ирод.

— Пошевеливайся, Мун, — сказал он. — Если она меня раздавит, моя семья до тебя доберется.

Тут у меня возникло ощущение, будто меня ненароком занесло в чей-то ночной кошмар. Однако было уже слишком поздно, чтобы отступить и покинуть чужой сон, аккуратно закрыв за собой дверь. Сотня глаз уставилась на меня, ожидая, что я достану кролика из шляпы.

Дуби подтолкнул меня локтем.

— Давай, Флетчер. Ты справишься.

У меня было серьезное подозрение, что на самом деле Дуби хотел, чтобы я ввязался в драку. Он думал, что, если меня поколотят, мой значок достанется ему.

Целая стая клонов Эйприл Деверо топала ногами и строила недовольные рожицы. Выглядело это страшновато. Обычно барби выглядели такими розовыми, такими безобидными...

— В этом деле я бессилен. Вам нужен судья, а не детектив.

Тем временем Ирод от усилий уже побагровел до корней волос.

— Лучше помоги мне, Минимум. Не то пожалеешь...

Спорить было бессмысленно. Убеждать в чем-либо Ирода Шарки вообще дело пустое — все равно что пытаться склонить тираннозавра к вегетарианству. Самым благоразумным выходом было развернуться и дать деру, что я и попытался сделать. Однако возникла одна загвоздка: толпа, беспрепятственно пропустившая меня в

круг, на сей раз не собиралась передо мной расступаться. «Замок» вообще-то не самое увлекательное зрелище, и мое появление обещало зевакам долгожданное разнообразие. Они стали наступать со всех сторон, отжимая меня к дерущимся.

И когда они добились своего, я оказался в очень уязвимой позиции: ноги-то у Ирода были свободны.

Чем он и воспользовался, подпрыгнув и обхватив меня ими за шею. Я не устоял и рухнул на землю, в падении стукнувшись о твердый бок Беллы.

Зрители разразились радостными воплями. Примерно такого захватывающего развития событий они и ожидали.

Мне было не столько страшно, сколько гадко. Ироду было всего десять и для своего возраста он тоже не вышел ростом, поэтому в нынешних обстоятельствах он мог одно — не давать мне подняться с земли. Однако время-то шло, и вот-вот должен был прозвенеть звонок, и миссис Куинн, без сомнения, явится сюда со своими псами, Ларри и Адамом, посмотреть, что стряслось. А те, кого застанут участвующими в драке, должны явиться в кабинет директора.

Ирод подсунул ноги мне под подбородок и сомкнул их. Я попытался вырваться, но, к несчастью, у меня была свободна лишь одна ру-

ка — второй завладела Белла и принялась ее выкручивать. Ощущение было такое, будто руку плющит паровой каток.

— Подумай хорошенько, Минимун, — сказал Ирод. — Иначе вместе с нами потопаешь к директору.

— Ага, Минимун, — вторила ему Белла. — Шевели мозгами, да как следует.

Похоже, сегодня все были против меня.

Однако в моем распоряжении был простой выход. Простой, однако не очень достойный. Впрочем, ни времени, ни выбора у меня не было, так что я сделал единственное, что оставалось: свободной рукой я вцепился в левый каблук Ирода и стащил его ботинок.

— Эй! — закричал Шарки. — Что ты делаешь? Смотрите, он мой ботинок спер!

Конечно, я не собирался красть его ботинок. То, что я задумал, было гораздо менее благородно. Прежде чем Ирод успел сообразить, что к чему, я начал водить указательным пальцем по его оголившейся подошве.

— Что-о?!! — взвыл он. — Это нечестно! Прекрати!

Надо отдать Ироду должное — он продержался десять секунд, после чего, увертываясь от моей руки, сполз со спины Беллы и вскочил на ноги со слезами злости на глазах.

ПЕРВОЕ ПРАВИЛО ДЕТЕКТИВА

— Разве это драка? Только мелюзга опускается до щекотки!

Он был прав, конечно. Однако я мыслитель, а не боец.

Я встал на колени и откашлялся.

— Послушай, Ирод. Я не против разобраться в этой истории с органайзером, но для этого ты должен дать мне возможность вести расследование, как полагается.

Я поднял ботинок Ирода, показывая всем, что не собирался красть его. Белла выпрямилась, переводя дух, а Ирод воспользовался передышкой, чтобы еще больше накрутить себя. Напряжение росло и, скорее всего, все обернулось бы дракой типа «не подходи», если бы не Ред Шарки.

Ред ворвался в центр круга на велосипеде, раскидывая зрителей, точно кегли. Если происходит какая-нибудь заварушка, Ред Шарки всегда в центре событий. Свою правоту он обычно доказывает тумаками и пинками. Высокий, жилистый парень, с пламенеющими рыжими волосами, в свои тринадцать Ред был самым старшим учеником начальной школы. Ему следовало перейти в среднюю уже год назад, но в первые годы обучения он не слишком-то усердствовал и потому малость засиделся в младших классах.

Мгновение он разглядывал нас широко распахнутыми, полными тревоги глазами, но потом

увидел, что его брат на ногах и смерть от потери крови Ироду тоже вроде бы не грозит. Ред прыгнул с велосипеда, в полете ударом ноги выдвинув опорную стойку. Мне так нипочем не сумеет, даже если целый год буду тренироваться.

— Родди? — Он небрежно кивнул брату.

Ирод хмуро воззрился на него:

— Обойдусь без твоей помощи, тормоз. Сам справлюсь.

— Вижу я, как ты справляешься. Не можешь и минуты продержаться, чтобы не влипнуть в историю?

Белла наконец отдышалась.

— Твой братец свистнул мой органайзер. Новенький, «с иголки».

— Не брал я! — возразил Ирод.

Ред нахмурился.

— Стоит в этой школе чему-нибудь пропасть, и кражу валят на того Шарки, который оказался поблизости. — Он сурово посмотрел брату в глаза. — Ты правда не брал его?

— Нет.

— Точно?

Ироду понадобилось не больше секунды, чтобы мысленно пробежаться по нескольким прошедшим дням.

— Ага. Точно. Органайзер — не брал.

— Ладно. Он не брал его. Вопрос закрыт. Расходитесь, представление окончено.

ПЕРВОЕ ПРАВИЛО ДЕТЕКТИВА

«Хорошая идея, — подумал я. — У Реда больше здравого смысла, чем у его братца».

Однако Белла не уступала никому, даже Реду Шарки.

— Он докажет, что Ирод взял его!

«Ох, нет! — подумал я. — Я — это не он. Он — это не я».

— Кто-кто докажет? — требовательно спросил Ред.

— Он! — закричали зрители, тыча пальцами.

Ред проследил, куда указывают пальцы. Его тяжелый взгляд остановился на мне.

— Привет, Ред, — доброжелательно сказал я, решив попробовать дружеский подход. — Как дела?

Ред зловеще улыбнулся.

— Минимум... Тип со значком. Это тебе не дело о пропавшем котенке. Это настоящая кража. Можно нарваться на неприятности.

— Скажи это своему брату, — пожал плечами я. — Он позвал меня.

— Дуби ведь всегда треплется, что его напарник — дипломированный детектив с самым настоящим сыщицким значком, — заявил Ирод. — Вот пусть этот тупица и докажет, что я невиновен.

Не знаю, что было обидней услышать: то, что Дуби выставляет меня своим напарником, или то, что Ирод обозвал меня тупицей.

— Да, пусть этот тупица попробует доказать, что Ирод невиновен! — поддакнула Белла, растирая шею. — Готова поспорить, на деле получится, что как раз Ирод-то и виноват!

Ред потер виски, точно у него разболелась голова от таких глупостей.

— Послушайте меня. Минимум просто разыгрывает из себя сыщика. Мапочка где-то купила ему игрушечный значок, и теперь он изображает Шерлока Холмса. Это все не взаправду. На самом деле он не может доказать ничего.

Это было чересчур. Мне даже представилось, как значок в моем кармане вспыхнул от негодования. Тогда я достал футляр и открыл его.

— На самом деле, Ред, это настоящий значок детектива. А я настоящий детектив. Первый ученик в Академии.

Ред медленно повернулся ко мне. Вообще-то в такой ситуации следовало бы дать дёру и где-нибудь затаиться, но некоторые вещи стоят того, чтобы за них бороться.

— Ага, ты, значит, настоящий детектив! — ухмыльнулся Шарки-старший. — Спорю, все преступники в Ирландии уже сдались полиции. «Какой смысл продолжать скрываться? — говорят они. — Ведь Флетчер Мун уже вышел на охоту».

— Вперед, Флетчер! — прогнусавил Дуби, по молодости лет не способный уловить иронию.

ПЕРВОЕ ПРАВИЛО ДЕТЕКТИВА

— И что твои крутые детективские мозги подсказывают насчет пропавшего органайзера? — продолжал Ред.

Я пожал плечами.

— Ничего. Мне не известны факты. И я не имел возможности никого расспросить.

Ред откинулся назад в седле велосипеда. Я заподозрил, что он хочет не столько снять подозрение с брата, сколько выставить меня дураком. Хотя, по правде говоря, чтобы полностью снять подозрения с Ирода, понадобились бы две дюжины адвокатов и машина времени.

— Уверен, Белла в состоянии ответить на любой вопрос, который ты ей задашь. — Ред осклабился в предвкушении моего провала.

— Действуй, Флетчер, — пропищала Эйприл Деверо.

Ее подружки-барби запрыгали, словно группа поддержки футбольной команды. Приятно, когда хоть кто-то на твоей стороне, даже если это Эйприл и компания. Хотя я подозревал, что они не столько за Муна, сколько против Шарки.

Я прочистил горло и заговорил, стараясь, чтобы мой голос звучал с профессиональной сдержанностью.

— Итак, мисс... э-э... Белла. Расскажи, что произошло. Не пропускай никаких деталей, даже самых незначительных.

Белла на мгновение задумалась.

— Ну, я встала в семь... потом долго думала о серьгах и почему Куинн запрещает их носить. Целую вечность думала...

Я прервал ее:

— Ладно. Можешь пропустить подробности того, что происходило у тебя в голове, а не на самом деле. Расскажи нам об органайзере.

— Ладно. Мне подарили его на день рождения. В нем есть ежедневник, электронная записная книжка, МРЗ-плеер — все, что хочешь. Если надо узнать время в Токио — пожалуйста!

Впечатленная толпа заахала. Белла царственным жестом отмела всеобщее восхищение.

— Вот, и сегодня я взяла его с собой, в первый раз. И забыла о нем всего на минуту, потому что беспокоилась из-за сережек. Оставила сумку у стены и вышла прогуляться с девочками.

Большую часть перемен старшеклассницы проводят на прогулке. Кружат по двору, цепляясь к малышам, у которых не хватает ума не обращать внимания на поддразнивания.

— А посреди прогулки я вспомнила про органайзер и побежала обратно. Однако я опоздала — маленький клепто Шарки уже удрал вместе с моим имуществом.

— Клепто? — с наигранным удивлением спросил Ред.

ПЕРВОЕ ПРАВИЛО ДЕТЕКТИВА

— Да, Ред. Клепто. То есть клептоман. Он же ворует с пеленок.

На это Ред возражал не слишком рьяно:

— Ну, может, несколько раз у Родди и были неприятности, но это еще ничего не доказывает...

От группы розовых куколок отделилась Эйприл Деверо.

— Я собственными глазами видела, как он рылся в сумке Беллы. Разве это не доказательство? Я знаю, я смотрю «Закон и порядок». Я — свидетель.

Я хмуро посмотрел на Реда.

— Это серьезно. У нас есть показания свидетеля.

— И где же органайзер? — возразил Ред. — Если Родди украл его всего несколько минут назад, то где он?

Я повернулся к Белле:

— Это серьезно. Нет дымящегося пистолета.

— Знаю, Минимун, — сказала она. — Поэтому ты и здесь. Думаешь, я когда-нибудь говорила бы с тобой, если б могла обойтись без тебя?

Все взгляды снова обратились на меня, и вовсе не с выражением типа «ах-вы-только-гляньте-на-этого-симпатичного-молодого-человека-в-сверкающих-ботинках-интересно-у-него-есть-подружка». Нет, это было малообнадеживающее

«если-он-не-додумается-до-чего-нибудь-стоящего-через-десять-секунд-давайте-линчуем-его».

Я озвучил установленные факты:

— Итак, органайзер пропал и Ирод Шарки — главный подозреваемый. Однако если Ирод украл органайзер, значит, он его где-то припрятал.

— У Ирода полно норок-тайников по всему городу, — заявила Эйприл. — Он прямо как кролик, только с воровскими замашками.

— Эта норка должна быть где-то на территории школы. У Ирода была всего минута, прежде чем Белла набросилась на него. Куда можно добраться за минуту?

У этого вопроса было столько же ответов, сколько градусов у компаса. И баскетбольную площадку так затоптали, что найти на ней чей-либо след не представлялось возможным. Если только... если Ирод не принес что-нибудь на себе оттуда, где побывал.

Его ботинок все еще был у меня в руке. Я перевернул его и внимательно изучил подошву, надеясь найти подсказку. И нашел. Подошва была измазана желтым, к краям пристали несколько совсем свежих лютиков.

— Сад Тысячелетий, — сказал я, глядя прямо в лицо Ироду.

Он внезапно побледнел и разинул рот. Эта реакция подсказала мне, что я на правильном

ПЕРВОЕ ПРАВИЛО ДЕТЕКТИВА

пути. Я зашагал к школьному саду в сопровождении всех свидетелей драки.

Эти несколько коротких мгновений, пока я шел от баскетбольной площадки к саду, были счастливейшими в моей жизни. Ради них детектив и работает, ради этих драгоценных секунд, когда наступает момент истины и ты всем своим существом излучаешь уверенность.

Приставшие к ботинку Ирода лютики подсажали мне, где он побывал совсем недавно. Несколько лет назад, в начале нового тысячелетия, школа получила грант на создание мемориального сада диких растений. Каждую весну на общем собрании мы имели удовольствие выслушивать эту историю от директрисы. Сад был разбит в виде нескольких концентрических кругов разного цвета, по одному на каждое тысячелетие. Зеленый, белый и золотистый — как в ирландском флаге. Зеленая трава, белые маргаритки и золотистые лютики. Лютики сейчас цвели по второму разу — бабье лето выдалось слишком теплым.

Конечно, это не обязательно что-то означало. Может, Ирод просто прошел через сад по дороге в школу. Однако его реакция наводила на мысль, что дело здесь нечисто.

Я шагал к саду, и все остальные тащились за мной, точно за Гамельнским крысоловом. Оказавшись на месте, я несколько мгновений изу-

чал землю, а потом пристально посмотрел на Ирода. Он таращился себе на ноги, но его взгляд то и дело метался к кольцу с лютиками. Все в точности так, как сказано в восьмой главе у Бернштейна: «Преступника выдает собственное тело. Чувство вины — могучая сила, которая всегда найдет способ прорваться наружу». В данном случае Ирода выдали глаза.

Я шагнул на кольцо с лютиками, стараясь давить как можно меньше драгоценных цветов миссис Куинн, и позволил своим пальцам отправиться в свободный поиск. Очень быстро, на глубине не больше сантиметра, они наткнулись на металл. Там лежала какая-то коробка.

— Да я в жизни не видел этой коробки из-под печенья! — воскликнул Ирод, отскакивая в сторону.

Ред застонал.

— Идиот! Откуда ты знаешь, что это коробка из-под печенья?

— Знаю! — уверенно заявил Ирод. — Потому что сам положил ее... — Он умолк, сообразив, что проговорился.

— Я был прав, — вздохнул Ред. — Ты законченный идиот.

Я собирался вытащить находку, но тут Белла отпихнула меня в сторону и буквально выдрала коробку из земли. Это и впрямь оказалась коробка из-под печенья. Сюрприз, сюрприз!

Белла открыла крышку и достала свой органайзер.

— Минимум, ты — молодчина, — возликовала она. — Это твоя работа, воришка Шарки. Теперь я имею законное право раскатать тебя в лепешку по всему школьному двору.

— Вряд ли суд согласился бы с тобой, — сказал я, стоя уже на кольце с маргаритками.

Однако на сей раз Ирод умудрился достать не только Беллу. Ред с трудом сдерживал себя.

— Ты обещал мне! — Он в отчаянии сжал кулаки. — Обещал не красть больше в школе. Ты что, не понимаешь, чем это может обернуться для нашей семьи?

— Я не брал его, — запротестовал Ирод. — Коробка моя, но я не клал в нее органайзер. Все подстроено.

Его заявление никого не убедило.

Я вышел из круга и наклонился, стряхивая с себя цветы.

— В защиту Ирода можно сказать, что в цепи доказательств есть недостающие звенья, — пробормотал я, обращаясь к своим ботинкам.

Ответом на это чисто формальное замечание была гробовая тишина, чего я, по правде говоря, никак не ожидал. Неужели мои слова так потрясли собравшихся? Однако, подняв взгляд, я обнаружил, что я здесь ни при чем. Все, кто притащился за мной в Сад Тысячелетий, сейчас

чесали обратно на баскетбольную площадку, с такой скоростью и так тихо, что им мог бы позавидовать отряд спецназа. Даже Ред Шарки драпал во все лопатки, причем умудрялся делать это с таким видом, будто совершенно случайно решил пробежаться через двор.

В школе был лишь один человек, способный обратить Реда Шарки в бегство. И этот человек наверняка где-то поблизости. Значит, и мне стоит поторопиться.

— Флетчер Мун! Глазам своим не верю!

Директриса Куинн. Как обычно, в сопровождении Ларри и Адама. Знаю, собаки по идее не умеют улыбаться, но, клянусь, я увидел злобные усмешки на их мордах.

— Будь любезен, объясни мне, чем, по-твоему, ты занимаешься.

Весьма вероятно, спрашивая, «чем, по-твоему, ты занимаешься», учитель рассчитывает заставить тебя задуматься о том, чем ты занимался перед его приходом.

— По-моему, я уже на пути в ваш кабинет, — ответил я, надеясь шуткой разрядить обстановку.

Миссис Куинн рассмеялась, и мои надежды вспыхнули с новой силой. Однако ее веселость иссякла так же быстро, как родник в Сахаре.

— Правильно! — рявкнула директриса. — И для тебя же будет лучше, если, вернувшись после линейки, я увижу тебя там.

ПЕРВОЕ ПРАВИЛО ДЕТЕКТИВА

Мне показалось, что Ларри и Адам сдавленно захихикали, но, возможно, они просто зарычали. Не знаю даже, что хуже. Миссис Куинн увела их, чтобы удостовериться, что классы выстроены «по линеечке», как положено.

Я поплелся к главному зданию. От торжества, которое я испытывал всего несколько минут назад, не осталось и следа. Да, я разгадал головоломку, но нарушил первое правило Бернстайна: «Никогда не становись частью головоломки». Сыщик не должен бояться последствий своего расследования, поскольку страх повлияет на его работу. В данном случае все — и жертва, и свидетель, и преступник — знают, где меня найти, чтобы отомстить. Оба Шарки пытались использовать меня, но это обернулось против них, и теперь на Ироде будто мишень нарисована. И на мне тоже. Может, даже несколько мишеней, учитывая характер Реда.

Зазвенел школьный звонок. Вообще-то это лишь так говорится — зазвенел. На самом деле это была запись, смоделированная на компьютере. В качестве образца использовался голос миссис Куинн.

— Учащиеся, все на построение! Не заставляйте меня повторять!

Хотя, конечно, компьютер повторял свой призыв снова и снова. Не так давно Джимины Грэди исключили из школы за то, что он проник в

кабинет директора и подменил образец голоса миссис Куинн своим. Его голосом компьютер говорил куда менее любезные слова.

Только я взял сумку, как из тени школьных стен выступил Ред Шарки. Сначала из темноты показалась рука, потом нога — ну, прямо злодей из мультиков.

— Думаешь, ты очень умный, Минимум? — спросил он.

Глаза его злобно сверкали. В такие минуты Ред Шарки был способен на все, что угодно.

— У меня вообще-то имя есть. Меня зовут Флетчер, — сказал я, втайне гордясь собой из-за того, что не позволил трясущимся коленям подогнуться.

— Так вот, *Флетчер*, будет лучше, если я больше ничего не услышу об этой истории с органайзером. У меня хватает хлопот и без детективов с игрушечными значками, раздувающих всякие истории.

В его голосе прозвучали какие-то неожиданные нотки — сквозь злость проглянуло отчаяние. Похоже, раздражение Реда было направлено не только на меня.

— Лично я считаю, дело закрыто, но советую твоему брату какое-то время держаться подальше от Беллы.

Ред кивнул, принимая совет, но тут же вспомнил, что по идее должен злиться на меня. Он

ПЕРВОЕ ПРАВИЛО ДЕТЕКТИВА

наклонился так близко, что мы едва не соприкоснулись носами.

— Родди будет держаться подальше от Беллы, а ты держись подальше от нас! Начиная с этого момента, Минимун, ты в отставке. Дошло?

Я не стал прятать глаза и ответил на взгляд Шарки. Не ему решать, в отставке я или нет. Это касается только меня. Я считал делом чести твердо посмотреть Реду в глаза, но спустя пять минут оказалось, что именно этого он, Шарки, и добивался. Потому что, пока я таращился ему в глаза, Ред стащил мой значок.

ГЛАВА 2

ЧЕЛОВЕК С ДУБИНКОЙ

Я сидел на детском стульчике у двери миссис Куинн, ожидая, пока красный огонек сменится зеленым. Красный означал «не беспокоить»; зеленый, что можно постучать. Нехитрый код, понятный даже малышам.

Мне было не по себе. Значок исчез, и я превратился в обычного мальчишку. Теоретически я понимал, что значок — всего лишь кусок металла и что я остаюсь детективом и без него. Однако я два года учился, добиваясь этого значка, и благодаря ему последние шесть месяцев чувствовал себя особенным, выдающимся. Без него же я стал просто еще одним парнем, воображающим себя Шерлоком Холмсом.

Я должен был вернуть значок во что бы то ни стало. Я знал, где он, или, точнее, знал того, кто знал, где он, но никаких доказательств у

меня не было и рассчитывать на признание преступника не приходилось. Что ж, где вор, там и улики. Я найду их и предъявлю Реду. И тогда, если он не вернет мне значок, я обращусь в полицию.

Кто-то сел рядом со мной. Я обернулся и с удивлением обнаружил, что это Эйприл Деве-ро. Она широко улыбнулась, обнажив отличные зубы и ядовито-голубую жвачку.

— Привет, Эйприл. У тебя тоже неприятности?

Она покачала головой, отчего нитки розовых бусин у нее в волосах загремели, словно трещотка на хвосте гремучей змеи.

— Скажешь тоже! У меня не бывает неприятностей. Просто принесла депешу для Фитца. — Эйприл произнесла слово «депеша» на французский манер.

Мистер Фитцджеральд — учитель. Он решает называть себя «Фитц» — должно быть, думает, что это делает его в наших глазах крутым и стильным. Однако шансов стать крутым у него не больше, чем у меня — выиграть олимпийское золото в прыжках в высоту.

— Я просто хотела узнать, много ли ты берешь.

— Беру?

Эйприл вытащила из кармана банкноту в десять евро.

— За детективную работу. Ну, типа как с органайзером.

— Гм, думаю, сегодняшняя работа десятки стоит. Я сильно рисковал.

Эйприл рассмеялась.

— Ты серьезно, Минимум? Для этой работы я тебя не нанимала. Если уж на то пошло, с коробкой из-под печенья тебе просто повезло. Педикюр стоит тридцать евро. Выходит, ты по важности типа втрое меньше. Я дам тебе эту десятку в качестве предоплаты. Если согласишься поработать на меня.

Нельзя сказать, что я с радостью ухватился за это предложение. Честно говоря, я не привык иметь дело с девочками. Разве что иногда пропадет карандаш и приходится спрашивать, не они ли взяли. А те, что понахальнее, запросто могут слямзить даже мою коробку с завтраком.

— Предоплата? И что за расследование?

Эйприл встала, перекинув волосы на одно плечо. В своем пушистом розовом жакете она походила на растрепанную маргаритку.

— Речь идет о Шарки. Не просто об этом вонючем воришке, а обо всей их семье.

Я похлопал по карману, где обычно лежал значок. Значит, тут замешан Ред Шарки. Я уже и сам решил заняться Шарки, так почему бы заодно не заработать несколько евро? Последить за Редом для Эйприл, нарыть на него немного компромата... Кто знает? Может, я даже

смогу поймать его с поличным. В смысле, с моим значком в руках. Сделаю исподтишка пару фотографий, и длинным рукам закона будет проще дотянуться до Реда Шарки.

— Ладно, — сказал я. — Рассказывай, что за дело.

Эйприл вытащила пудреницу и оглядела себя в зеркало.

— Bonjour*, — сказала она своему отражению. — Как дела? Выглядишь неплохо. Ты, кажется, похудела?

Я откашлялся.

— Эй, Эйприл! Что за дело-то?

Она захлопнула пудреницу.

— Прости, Минимун. Небольшое упражнение для повышения самооценки. В передаче «Здоровые нервы» показывали. Значит, дело. Ну, поначалу я думала, мне просто кажется, но теперь уверена, что в Локке определенно происходит что-то странное.

Внезапно над дверью вспыхнул зеленый огонек.

— Входи! — произнес пронзительный голос директрисы.

— Мне пора. — Я с трудом выбрался из детского стульчика.

Эйприл схватила меня за рукав.

* Bonjour (фр.) — добрый день. (Здесь и далее примеч. перев.)

— Приходи к моему дому. После обеда.

Из кабинета раздался новый призыв, на этот раз громче.

— Приду, — пообещал я Эйприл, взявшись за дверную ручку. — Около семи.

— Ладно. Только не болтай об этом. Ты, типа, мне не чета. Не хочу, чтобы люди думали, будто у нас rendezvous* или что-то в этом духе. Ты работаешь на меня, как... ну, как служанка. Довольно туповатая служанка.

Я сумел сохранить бесстрастное выражение лица. Детективу часто приходится сталкиваться с неуважением. Однако Эйприл вела себя совершенно неприлично. Я привык к оскорблениям от своих ровесников, но она-то была всего десяти лет от роду и сантиметров на десять ниже меня. А тот, кто на десять сантиметров ниже *меня*, — самый настоящий коротышка.

«Ладно, я с тобой еще разберусь», — подумал я и с мрачной улыбкой открыл дверь директорского кабинета. Я верну свой значок, даже если ради этого придется какое-то время терпеть Эйприл Деверо.

Миссис Куинн сидела за столом-недомерком из малышowego коридора. Стол был завален отчетами и официальными бланками, и где-то под

* Rendezvous (фр.) — свидание.

бахромой вязаного кардигана директрисы звонил телефон, но она не обращала на него внимания.

Оба добермана, Ларри и Адам, возвышались за спиной миссис Куинн. Сейчас, когда они были без намордников, стало ясно, что они действительно ухмыляются.

Вспомнив, зачем я здесь, я согнал с лица улыбку.

— А-а, маленький Флетчер Мун, — засюсюкала миссис Куинн. — Какой приятный сюрприз!

Потом она в свою очередь вспомнила, зачем я здесь, и на ее лице возникло суровое выражение. Псы тоже перестали ухмыляться. С их пастей свисала слюна.

Директрисы — они такие. Настроение у них может измениться за долю секунды. Прямые кандидаты в шизофреники.

— Что скажешь в свое оправдание? Может, есть какие-то обстоятельства, смягчающие твою вину?

Я покачал головой. Втягивать в свои неприятности других означает добровольно стать изгоем в школе.

Миссис Куинн кивнула на маленький пластиковый стульчик перед столом.

— Каждый день мы теряем еще одного. Садись.

Я сел. Снова детский стульчик. Колени стукнулись о подбородок, я щелкнул зубами.

Миссис Куинн достала из ящика стола огромную тетрадь с обложкой из тисненого бархата.

— Хочу кое-что показать тебе, Флетчер. Это мой личный гроссбух. Здесь я храню записи о каждом ученике школы Святого Иеремии.

На вид гроссбуху было лет сто. Я не удивился бы, если бы, стоило директрисе его открыть, из него бы вылетели драконы. Страницы были разделены на графы: в каждой строке значилась фамилия, а за ней — ряд квадратиков с картинками.

— У меня свой метод ведения учета, он позволяет все видеть с первого взгляда. Боюсь, сегодня ты удостоишься картинки, означающей мелкое хулиганство. — Она перелистала первые пожелтевшие страницы, пока не добралась до нынешних учеников. — Вот и мы. Прекрасный набор будущих мировых лидеров.

Я подозревал, что миссис Куинн иронизирует, но кто ее знает? Быть может, она верит в нас больше, чем мы сами.

— Посмотри сюда. Прелестная малышка Мэй Деверо в четвертом классе. Ни разу за всю учебу не заслужила замечания.

Мэй — двоюродная сестра Эйприл. Их отцы — братья, они живут в соседних домах и вообще не разлей вода. Вот и девочкам Деверо приходится быть не разлей вода, нравится им

это или нет. Им даже имена дали по названиям соседних месяцев*. Родители, видимо, сочли, что это невероятно остроумно. По слухам, Эйприл высказывала недовольство тем, что Мэй недостаточно розово одевается.

— Посмотри на картинки Мэй: счёты, потому что она преуспевает в математике; пара балетных туфельек, потому что в прошлом году она танцевала на нашем смотре талантов; и ангел, потому что она и есть ангелочек. Мало у кого картинки, как у Мэй Деверо.

У меня в голове начала складываться общая картина. Простите за каламбур.

— Ага, понимаю. — Я указал на другой ряд картинок. — Дермот Кармоди. На этой картинке он сидит у огня, потому что летом работал в пекарне Рили.

Миссис Куинн разочарованно вздохнула.

— Нет, Флетчер, очнись, мой мальчик! Это адский огонь. Дермота исключили из школы, и куда он направился? Прямоком в ад. Видишь эти маленькие рога?

— А-а!.. — Я вцепился в стульчик, чтобы ноги самовольно не унесли меня прочь из кабинета.

Миссис Куинн указала на другой ряд маленьких картинок.

* Мэй (May) — май, Эйприл (April) — апрель.

— А вот это Ред Шарки. Видишь, какая у него первая картинка?

Я наклонился поближе. В рамке был грубо нарисован человек с дубинкой.

— Мелкое хулиганство, — высказал я предположение.

— Прекрасно, Флетчер. Умница. Мелкое хулиганство. С этого всегда начинается. Вроде бы безобидная игра. Однако, прежде чем ты поймешь, что к чему, возникают серьезные неприятности. В точности как у Реда. Драки, прогулы, временное отстранение от занятий...

Каждому проступку соответствовала своя картинка. Отстранение от занятий было остроумно изображено в виде повешенного человека с дубинкой.

— И теперь вот он, Флетчер Мун. Что у нас здесь? Только хорошее. Взгляни на эту маленькую, трудолюбивую пчелку...

— В первом классе я победил в конкурсе на лучшее правописание.

Миссис Куинн шутливо ткнула меня кулаком в плечо. Я едва не свалился с детского стульчика.

— А потом вот это, Флетчер. Маленькое увеличительное стекло, потому что?..

Ну, это было легко.

— Потому что в прошлом году я был вынужден... я сам вызвался найти ваши ключи.

Миссис Куинн наградила меня новым шутилым ударом. Я почувствовал, что плечо немеет. Директриса достала из коробки огрызок карандаша и в моей третьей рамке нарисовала человечка с дубинкой, обозначающего мелкое хулиганство.

— Теперь, Флетчер, — с грустью сказала она, — на тебе стоит клеймо. Будем надеяться, что этим дело и ограничится. Не хотелось бы видеть, как ты идешь по стопам Реда. Ведь ты не пойдешь, а?

— Нет, мэм.

— Не хотелось бы, чтобы ты закончил рядом с адским пламенем или в маленькой полицейской машине.

— Да, мэм, не хотелось бы.

— Видишь? Это, если разобраться, научная система. Она позволяет улавливать тенденции и предсказывать поведение. Иногда я наказываю человека авансом, потому что эти маленькие картинки подсказывают мне, что он собирается сделать.

Я понял, что настало время произнести небольшую речь.

— Не беспокойтесь о Флетчере Муне, госпожа директор. Я усвоил урок. Больше человека с дубинкой у меня не будет.

Миссис Куинн с победоносным видом захлопнулаgrossбух.

ГЛАВА 2

— Надеюсь. А теперь можешь идти. Не обратил внимания, кто там следующий? Надеюсь, это по-настоящему скверный ребенок — тогда я с удовольствием накажу его на законных основаниях. Второго падшего ангела мне не вынести.

Чувствительность в моем удостоившемся тычков плече восстановилась. Вместе с чувствительностью пришла и боль.

— Разве что кто-нибудь пришел, пока я был здесь.

— Существует единственный способ выяснить это, — сверкнув глазами, заявила миссис Куинн и переключила огонек над дверью на зеленый.

Закрывая за собой дверь, я не знал, кого мне жаль больше, миссис Куинн или следующего в очереди — в коридоре сосал палец малыш со взъерошенными волосами и расквашенным носом.

— Входи! — громко провыла директриса.

Ларри и Адам вторили ей зловещим воем, который эхом разнесся по школьным коридорам.

ГЛАВА 3

МУН БЕРЕТСЯ ЗА ДЕЛО

Моя мать беспокоится обо мне. Беспокоится, что я медленно расту. Беспокоится, что когда-нибудь вдруг начну расти очень быстро и тогда ей придется постоянно покупать мне новую одежду. Беспокоится, что у меня мало друзей и что я увлекаюсь расследованиями преступлений.

Когда она рядом, я стараюсь улыбаться, как будто у меня во всем полный порядок. Однако на самом деле я человек не улыбочивый, и она понимает, что я притворяюсь. Тогда я перестаю улыбаться, а она принимается ходить за мной по пятам и спрашивать, все ли у меня хорошо.

В тот день, когда мама пришла ко мне в комнату, чтобы проверить домашнее задание, я воспользовался возможностью в кои веки обрадовать ее.

— После обеда я иду к Эйприл Деверо.

Мама пришла в экстаз.

— О господи! Эйприл Деверо! Эйприл и Мэй... остроумно их назвали, правда? Не у всяких родителей хватит духу дать такие имена своим дочкам, но, если девочки вырастают хорошенькими, оно того стоит. О чем ты собираешься с ней говорить?

— Ни о чем. Я собираюсь слушать. Это Эйприл хочет поговорить со мной.

Мама восторженно всплеснула руками.

— Эйприл Деверо хочет поговорить с моим маленьким Флетчером! Она такая прелесть! Само совершенство. Знаешь, тебе тоже придется говорить хоть что-то, дорогой. Не можешь же ты весь вечер просидеть, просто молча кивая?

Я начал сожалеть, что рассказал о предстоящей встрече.

— Я буду действовать по обстановке, мама. Как получится.

— Ох, нет, нет! — воскликнула она. — Знаю я, как ты действуешь по обстановке, Флетчер Мун. Начнешь излагать свои заумные рассуждения. Помнишь, как ты сказал кузине Ифе, что у нее нехватка кальция?

— Но это же правда. У нее на ногтях белые пятнышки. Я просто хотел помочь.

Мама встряхнула меня за плечи и с силой сжала их.

— Поверь мне, дорогой. Это не то, что нравится слушать девочкам. Нужно почаще повторять, как великолепно мы выглядим.

Я нахмурился.

— Даже если это неправда?

Мама вытащила из гардероба три мои рубашки.

— В особенности если это неправда. Какую наденешь?

Я указал на простую черную рубашку, которую хотел надеть с простыми черными джинсами. *Будь невидимкой.*

— Мама, не надо так волноваться. Это не светский визит. Эйприл нуждается в моей помощи. Она клиент, понимаешь? И ей всего десять.

Мама округлила глаза.

— Мужчины! Вы такие наивные! Думаешь, я говорила твоему отцу, что он симпатичный? Нет, я просила его помочь мне разобраться с домашним заданием по физике.

— И папа клюнул на это?

— Конечно. Он хотел клюнуть. На самом деле физика была необязательным предметом, и я даже не записалась на этот спецкурс.

Мама — дизайнер по интерьеру, у нее свой бизнес. Папа — инженер-компьютерщик, работает в местной компании, которая изготавливает материнские платы. Родители очень разные. Наука и искусство. Разум и сердце.

Не потрудившись постучать, в комнату ворвалась моя сестра Хейзл. Ей пятнадцать, она начинающая писательница, сочинительница жестоких драм. Обычно Хейзл либо горбится над

старенькой пишущей машинкой, либо отражает атаки целого стада парней, которых привлекают прекрасные черты ее лица и светлые волосы. Отражает атаки всех, кроме своего возлюбленного Стива.

Хейзл достала из сумки листок бумаги.

— Хочу услышать твое профессиональное мнение, Флетчер.

Она вручила мне сложенную записку. Хейзл, возможно, единственная на свете, кто воспринимает всерьез мои профессиональные занятия. Конечно, если не считать недавнего интереса со стороны Эйприл Деверо.

Я развернул записку. Она была от бойфренда Хейзл.

Дорогая Хейзл!

Очень жаль, что так получилось с кино вчера вечером. Папа заставил меня остаться дома, делать домашнее задание по истории. Оно касается битвы на Сомме во время Второй мировой.

Но я готов все исправить. Позволь мне пригласить тебя на обед в «Le Bistro» на следующих выходных. Я угощаю.

XXXXXX

Стив

Я потер страницу между пальцами и понюхал ее.

— Ну? Что скажешь? — спросила Хейзл. Я поскреб подбородок.

— Я бы посоветовал тебе расстаться с ним. Хейзл топнула ногой.

— Так я и знала, — жалобно сказала она. — Как ты догадался?

— Ну, тут несколько улик. Во-первых, Стив сваливает вину на отца — классический ход. Потом он ссылается на битву на Сомме, которая произошла во время Первой мировой, а не Второй. И Стив знал бы об этом, если бы и впрямь учил историю. Тоже избитый ход — упомянуть какое-нибудь известное название, чтобы придать своей истории правдоподобие. А на деле преступники этим сами себя выдают, позволяя детективу поймать их на лжи.

— Это все косвенные улики, — заметила сестра.

Я взял со своего письменного стола банку с опилками графита.

— Я еще не закончил. Стив приглашает тебя в «Le Bistro», а это уж больно щедрая компенсация. Значит, он чувствует за собой немалую вину. От письма исходит слабый аромат «Мимолетного счастья». Ты этими духами не пользуешься, и это наводит на мысль, что он держал за руку другую девушку. И наконец, на ощупь на бумаге чувствуются следы от ручки или карандаша, которым писали на другом

листе, лежавшем поверх этого. Подозреваю, наш Стив сочинил это послание далеко не с первого раза. Быть может, он даже подумывал рассказать правду, да не хватило мужества.

Я разгладил листок на столе и посыпал его графитовой крошкой. Медленно досчитал до десяти, слегка наклонил бумагу и ссыпал графит в корзину для бумаг. Не все частички свалились, некоторые застряли во вмятинах.

— Вот что было написано на предыдущем листе. Разобрать можно лишь одну строчку. Думаю, ты узнаешь почерк.

Хейзл взяла листок и вслух прочла слабо проступившие темные письма:

— «Дорогая Хейзл, не знаю, как сказать тебе об этом, но я встретил другую...» — Сестра разорвала записку на клочки и подбросила их в воздух, словно конфетти. — Значит, он встретил другую? — Она вытащила из кармана мобильник. — Которая душится «Мимолетным счастьем»? Через пять минут я буду знать ее имя.

Она вручила мне батончик «Марс».

— Спасибо, братишка. В благодарность я целый день не буду тебя дразнить.

— Предпочитаю наличные, — заявил я.

— Деньги? Тебе? — Хейзл уже летела по коридору к своей комнате. — Ни в коем случае. Это было бы эксплуатацией детского труда.

Дверь за ней захлопнулась.

Мама вздохнула.

— Теперь мы несколько дней ее не увидим. Хейсл сделает из этого по крайней мере одноактную пьесу.

Я опустил на колени, чтобы собрать клочки бумаги.

— Видишь, мама, как все усложняется, когда начинаются дела сердечные? Мое призвание — искать преступников, и я хочу полностью посвятить себя ему. Поэтому, думаю, лучше подождать со всякими там охами-ахами несколько лет. Если, конечно, ты не возражаешь. Эйприл Деве-ро — клиент, только и всего.

— Ладно, — сказала мама. — Но все-таки надеюсь что-нибудь поярче. Никогда не знаешь, как все обернется.

Как понять, что ты прирожденный детектив? Что отличает нас от остальных? Согласно моей теории, большинству людей нравится существовать на светлой стороне жизни. Они хотят заметить только коврик у порога, а не замеченную под него грязь. Другое дело детективы. Мы сдерживаем коврик и собираем грязь в мешок для вещественных доказательств. После чего тщательно обследуем пол с помощью липкого валика, на случай, если немного грязи все же оста-

лось. Нам нравится разбирать людей на части и смотреть, как они устроены. Чтобы стать детективом, не надо быть семи пядей во лбу. Достаточно, чтобы было желание.

Эйприл жила на улице Рододендронов. Это название, наверное, когда-то возникло как шутка, но прилипло, да так и осталось. На дорогу у меня ушло двадцать пять минут: надо было пройти по историческим деревянным тротуарам города Локка и пересечь мост. И все это время я думал о своем значке.

Дом Эйприл представлял собой большой особняк с вылизанными лужайками и обсаженной деревьями подъездной аллеей. Усыпанная белым гравием дорожка, с обеих сторон которой тянулись клумбы с цветами, вела посетителя к переднему крыльцу.

Я прошел по этой дорожке, однако, как оказалось, зря. Садовник сказал мне, что Эйприл гостит у своей кузины, но оставила для меня записку. Записка была на душистой розовой бумаге с водяными знаками в виде единорога. Наверху темно-розовым шрифтом было напечатано: «Эйприл Деверо».

Вот что я прочел:

Дорогой Минимум.

Иди по дороге из желтого кирпича.

Э. (Эйприл)

Записка оставила у меня не лучшее впечатление. В самом деле, это не слишком-то вдохновляет, когда твой наниматель считает тебя слишком тупым, чтобы самому догадаться, что «Э.» означает «Эйприл». В особенности в конце записки от Эйприл и на бумаге с личной монограммой Эйприл.

Дорога из желтого кирпича ответвлялась от дорожки, усыпанной белым гравием, и вела к воротам в стене, разделявшей сады Эйприл и Мэй. Ворота были отперты, и, пройдя сквозь них, я увидел дом, во многих отношениях неотличимый от дома Эйприл.

Едва я закрыл за собой ворота, на дороге из желтого кирпича показалась Мэй.

— Флетчер! Ты здесь. Я просто вышла, чтобы убедиться.

Все признают, что Мэй Деверо гораздо симпатичнее своей кузины. В тот день на ней был костюм для ирландских танцев, полный комплект, включая подкованные башмаки. В наряде преобладали золотой и зеленый цвета. Никакого розового — и это приятно удивило меня.

— Упражняешься?

Она состроила гримасу.

— Да. Хочу выступить хорошо в этом году на школьном смотре талантов. Осталось всего несколько дней.

— Уверен, у тебя получится, — доброжелательно сказал я.

Шансы Мэй выступить хорошо на каком бы то ни было смотре были примерно такие же, как у меня назначить свидание Белле Барнес. Весь класс знал, что Мэй — худшая танцовщица в нашей вселенной, а возможно, и во всех параллельных тоже. Когда Мэй танцевала на деревянном полу хорнпайп*, стук стоял такой, будто какой-то карапуз, толком не умеющий ходить, гоняется с молотком за тараканом и раз за разом промахивается.

— Симпатичный костюмчик, — заметил я.

— Он у меня счастливый. А у тебя симпатичная рубашка.

Мама не позволила мне выйти из дома во всем черном. Ей казалось, что в таком виде я буду излучать негативные эманации. После долгих споров я сдался и согласился надеть гавайскую рубашку, которую подарил мне дядя, понятия не имеющий, что я за человек.

Я с извиняющимся видом пожал плечами:

— Мама...

Мэй кивнула. Никаких больше объяснений не требовалось. Всем в Локке известно, что моя мать обожает яркие цвета.

* Хорнпайп — английский матросский танец.

За спиной Мэй возник ее отец, при всех садоводческих регалиях, включая кожаные наколенники и перчатки, которым никакие колючки не страшны. Высокий, худощавый человек с загаром заядлого путешественника. Он выглядел в точности так, как должен выглядеть идеальный отец (по крайней мере, такими идеальных отцов показывают по телевизору), вплоть до клетчатого свитера. И как только мать Мэй могла бросить такую на вид безупречную семью?

— Мистер Деверо. — Я протянул руку. — Я Флетчер Мун.

Отец Мэй с улыбкой пожал мне руку. Зубы у него оказались белыми и безупречными, как и следовало ожидать.

— Называй меня Грегор. Ах да, ты — юный детектив. Мэй рассказывала, что ты закончил соответствующее учебное заведение.

— Это правда. Я получил удостоверение, согласно которому имею право заниматься сыскной деятельностью в США... точнее говоря, в Вашингтоне... когда мне исполнится двадцать один.

Мистер Деверо кивнул с серьезным видом.

— Это впечатляет, Флетчер. Может, ты сумеешь помочь Эйприл и Мэй разобраться с их пропажей. Если, конечно, у девочек не поехала крыша и им все это не померещилось.

Отец Мэй подмигнул мне и покрутил пальцем у виска. Международный жест, понятный любому.

— Папа! — Мэй ткнула отца локтем под ребра.

Мистер Деверо издал театральный стон и схватился за бок.

— Ладно, ладно. Открою тебе страшную тайну: это у всех остальных крыша поехала, а эти две сестрички — единственные здравомыслящие люди на белом свете.

Мэй схватила меня за руку.

— Пошли. Эйприл в домике Венди*.

Когда тебя тащит по саду хорошенькая девочка из кукольного комплекта, это, безусловно, приятно, однако перспектива оказаться в домике Венди не вызывала у меня восторга. Если слухи о такого рода событиях просочатся в школу, мне конец. Мы прошли мимо фонтана в виде морской раковины в окружении шаловливых херувимов, который выглядел так, словно уже десятилетиями не работал. Однако домик Венди оказался вовсе не хижинкой из пластика, набитой куклами и игрушечной посудой. Это был всамделишный мини-дом с электричеством, доступом к Интернету и водопроводом.

* Венди — героиня сказки «Питер Пэн и Венди».

Когда мы вошли, Эйприл сидела за ноутбуком, проглядывая веб-сайт по мировой экономике. Компьютер был ничего себе, оснащенный сканером, принтером и цифровой фотокамерой.

— Флетчер пришел, — сообщила Мэй.

Эйприл посмотрела на нас и кивнула на компьютер.

— Подожди секунду. Хотела почитать последние сплетни о жизни звезд, а тут все время выскакивает это занудство. Только взгляни — финансовый рынок в Азии! Кого это волнует?

— Несколько миллиардов азиатов, надо полагать, — ответил я.

Эйприл сердито уставилась на меня. Не похоже было, что мое появление ее обрадовало. Впрочем, меня это мало волновало. Детектив должен привыкать к негативному отношению, ведь одна из наших основных обязанностей — сообщать плохие новости.

Эйприл закрыла крышку компьютера и повернулась ко мне. Если в школе она была вся из себя розовая, то сейчас ее розовость просто утомляла. На ней было столько розового, что даже по стенам плясали розоватые блики.

— Как много розового! — вырвалось у меня.

— Что тут такого особенного? Мы, девочки, любим розовое. Это воплощение женственности.

Неужели пару-другую розовых вещиц она нацепила ради меня?

Мэй достала из холодильника две бутылки воды и протянула одну мне.

— Милое местечко, — сказал я.

— Папа построил его для меня, чтобы было где упражняться в танцах. Он ужасно хочет, чтобы я получила медаль или еще какую-нибудь награду.

— Уверен, так и будет. Когда-нибудь.

Как у меня язык повернулся? Я вел себя как какой-нибудь жалкий льстец.

Эйприл сменила тему разговора:

— Давай поговорим о моем деле. Сколько твоего времени можно купить за десять евро?

Вот оно. Успех.

— Я беру десять евро в день. Плюс деньги на необходимые расходы. Но поскольку это мое первое реальное дело, о расходах забудем. И с учетом школы и домашних заданий, мне понадобятся три дня, чтобы выполнить работу одного полноценного дня. Значит, я твой до воскресенья.

Эйприл достала бумажник и отделила от пачки бумажку в десять евро. Если она станет моим постоянным клиентом, надо будет поднять ставку.

— Вот тебе за неделю.

Я задумался. Эйприл не была тем благородным клиентом, которого всегда рисовало мое воображение. Она не разыскивала ни похищенного отца, ни пропавший сиротский фонд. Однако у нее, как у нанимателя, были и положительные стороны: во-первых, ее дело касалось Шарки, а во-вторых, она расплачивалась наличными.

Я взял деньги и сунул их в нагрудный карман. Теперь я сам могу купить себе шоколад, а не принимать его в качестве оплаты. Ощущать банкноту в кармане было приятно. Я почувствовал себя настоящим частным детективом.

— Ладно. Теперь, когда с формальностями покончено, перейдем к делу.

Эйприл открыла рот, собираясь ответить, но Мэй опередила ее:

— Может, не стоит, Эйприл? Ты же знаешь, Флетчер неплохой парень. У него могут быть неприятности.

Эйприл посмотрела на Мэй так злобно, что вся ее розовость потускнела.

— Очень даже стоит, кузина. Может, тебе лучше пойти и поупражняться в танцах, а я с Флетчером сама разберусь? Как-никак считается, что он выдающийся детектив.

— Эйприл права, — успокоил я Мэй. — Вместе со значком приходят и неприятности. Это нормально.

Эйприл и Мэй усталились друг на друга, словно две девочки из манга*, которые вот-вот начнут испепелять друг друга молниями. По какой-то причине Мэй не хотела, чтобы меня втягивали в это дело. То ли считала, что мне не хватит ума, то ли и впрямь беспокоилась обо мне. Все это лишь подогрело мое любопытство.

Наконец Эйприл и Мэй устали играть в гляделки и перешли к следующей фазе — игре в молчанку. При этом Мэй, чтобы позлить Эйприл, сняла танцевальные башмаки и принялась барабанить ими по столу.

Дождавшись, пока барабанная дробь хотя бы ненадолго утихнет, Эйприл начала излагать свою историю:

— Все Шарки — сущее наказание. Они, наверное, украли миллион всяких разных вещей.

«Миллион и одну», — подумал я.

— Вообще-то мне это было безразлично, — продолжала Эйприл, — пока они меня не трогали. Однако пару недель назад Шарки украли кое-что и у меня.

Я достал из кармана маленький блокнот.

— Почему ты решила, что это сделали Шарки?

Эйприл вытаращила глаза, и я заметил, что тени на веках у нее тоже розовые.

* Манга — японские комиксы.

— Потому что знаю, Минимун. Знаю, и точка.

Я многозначительно покачал головой.

— «Знаю, и точка» — еще не доказательство.

Но Эйприл была не в настроении выслушивать замечания.

— Доказательств типа видеозаписи у меня нет, но я просто знаю. Кроме того, не смей разговаривать со мной, как с малявкой. Может, ты и старше, но я во много раз круче тебя, так что возраст тут ни при чем.

Я готов был продолжить спор, но вовремя вспомнил, что тоже *просто знаю*, кто свистнул мой значок.

— Ладно. Расскажи, что произошло.

— Я купила на электронных торгах локон волос Шоны Бидербек.

Я с трудом согнал с лица глупую ухмылку. Неужели Эйприл только что в одном предложении использовала слова «купила» и «локон»?

— В ламинированном футляре с автографом. Он для меня дороже всего на свете. — Эйприл прижала воображаемый локон к сердцу.

Я записывал полученные сведения, пытаюсь не судить раньше времени. В смысле, не думать о том, кому может взбрести в голову выкладывать деньги за ту часть поп-звезды, которая самой ей, видимо, была без надобности.

— И ты думаешь, что Ред Шарки украл этот... м-м... образец волос?

— Определенно. Он просил меня взглянуть на него хоть одним глазком, просто умолял. И я согласилась, но только при условии, что он на память и по порядку перечислит все песни на последнем диске Шоны. Тогда он умчался, как сумасшедший, выкрикивая, что все равно увидит эти волосы, так или иначе. И на следующий день они исчезли, и виноват в этом он. Все ясно как день.

Факты лежали передо мной, но особого впечатления не производили. Пропажа значка сама по себе подпортила мне настроение, а тут еще первое серьезное дело оборачивалось, смешно сказать, пропавшим локоном. Не слишком удачное начало карьеры для Флетчера Муна, выдающегося детектива. Я закрыл блокнот.

— Послушай, Эйприл. Думаю, будет лучше вернуть тебе деньги. Пропавшие волосы... это, видишь ли, не совсем мой профиль. Бриллианты, родственники, даже домашние животные... Но волосы? Нет, не могу. Я должен заботиться о своей репутации. Это же просто волосы. И скорее всего, они упали куда-нибудь за диван.

Эйприл побледнела от негодования.

— Просто волосы... — прошептала она. — Это все равно что назвать розовое просто цве-

том. Ты в своем уме, Минимун? Локон с головы Шоны Бидербек — гораздо больше, чем просто волосы! Он должен был стать центром моего культурного проекта. Все остальное уже готово: множество маленьких фотографий и стрелки, указывающие на локон. А на что теперь они будут указывать? На пустой квадрат? И чтобы ты знал, мистер детектив, я первым делом посмотрела за диваном.

В ее словах был смысл, но все равно это дело меня совсем не вдохновляло. Наверное, Эйприл прочла что-то на моем лице, потому что вперила в меня яростный взгляд, который мог бы прожечь дырку в стальном листе.

— Ред и Ирод заправляют в нашей школе, точно какая-нибудь мини-мафия, воруют, где хотят и что хотят, а потом тащат домой к своему грязному папаше, и он продает краденое. И после этого ты, тупица, называющий себя детективом, отказываешься заниматься моим делом?

— Ред не такой, — тихонько вставила Мэй. — Он никогда не воровал.

— Его никогда не хватали за руку. — Эйприл многозначительно посмотрела на меня. — До сих пор, правда, Флетчер?

Веский довод, ничего не скажешь. Мне предлагали не просто разыскать локон поп-звезды. Мне предлагали разоблачить целую преступную

семью. Совершив кражу у Эйприл Деверо, Шарки приобрели в ее лице слишком сильного противника. Кроме того, я, конечно, не сомневался, что Ред украл мой значок.

Я снова открыл блокнот.

— Ладно. Ты меня наняла. Расскажи подробности.

Настроение Эйприл мгновенно изменилось. Теперь она снова засверкала белыми зубами и розовыми веками.

— Все по-настоящему ценное и классное мы храним здесь, в домике Венди. На следующее утро после того, как я принесла локон Шоны в школу, кто-то взял его из моего сейфа с «валентинками».

— Ред мог узнать, где лежат волосы?

Эйприл задумалась.

— Все девочки знали. Ему не составило бы труда выяснить это. Ты же знаешь, как Ред умеет подольститься к девушке.

— Разве домик Венди не запирается?

— Запирается. Но мы храним запасной ключ под статуей единорога. Единорог — мой личный символ, между прочим. Наверное, Ред нашел ключ, а потом положил его на место.

Как выяснилось, больше добавить ей было нечего. Никаких доказательств, никаких улик. Одни подозрения, а, как говорит Бернстайн, «еще никому не вынесли приговор на основании подозрений».

МУН БЕРЕТСЯ ЗА ДЕЛО

— Вот что я собираюсь делать. Во-первых, нужно покопаться в истории семьи Шарки. Кроме того, придется установить наблюдение за Редом как за главным подозреваемым. Если удастся поймать его на чем-нибудь противозаконном, может, мы сможем надавить на него и заставить вернуть твое сокровище и...

Я резко оборвал себя, не желая рассказывать Эйприл о значке. И дело не только в том, что сам инцидент с его пропажей повергал меня в смущение. Гораздо важнее было другое. Знание — это сила и власть, а чем дольше я разговаривал с Эйприл, тем меньше хотел, чтобы она имела какую-то власть надо мной.

Мэй проникательно посмотрела на меня.

— И что еще?

— Все остальное, что он украл. Или, по крайней мере, что-нибудь из пропавшего.

Эйприл была слишком возбуждена и не заметила, как я едва не проговорился.

— Господи, Флетчер, это для меня ново! Похоже, ты и в самом деле знаешь, что делать. Ну прямо как в «CSI»*.

«CSI»? Если бы... Пока все, что я имел, это блокнот и собственные мозги. И никакого, даже

* «CSI» — популярный детективный сериал; название в переводе с английского расшифровывается как «Криминалистическая лаборатория».

простенького электронного микроскопа мне в ближайшее время не светило.

— Будешь снимать отпечатки пальцев?

— А какой смысл? — Я очень осторожно подбирал слова, не желая иронизировать в разговоре с клиентом, который платит. — Тогда мне придется взять отпечатки у всех, кто когда-либо побывал здесь. Но даже если сделать это, от них не будет толку, пока мы не найдем твой драгоценный локон, а к тому времени нам, скорее всего, уже будет известно, кто украл его.

Эйприл вздохнула.

— Полицейские тоже не стали бы брать отпечатки пальцев. Да что там говорить! Они даже близко не подошли бы к этому дому.

— У полицейских хватает забот с грабежами банков и поисками беглых преступников. Дела вроде пропавших волос лучше оставить частному детективу.

— Вроде тебя.

Я захлопнул блокнот.

— Вот именно.

Если вы не работаете в системе, вам требуется свой человек, который в ней работает. Около трех лет назад мне удалось наладить контакт с одним из полицейских Локка. Правда, до сих пор это было одностороннее сотрудничество: полицейский получал информацию от меня. Те-

перь наконец настало время развернуть поток в обратном направлении.

Возвращаясь домой тем вечером, я позвонил ему из телефонной будки, и спустя пятнадцать минут мы встретились на скамье в парке.

— Симпатичная рубашка, Флетчер, — сказал сержант Март Хориган. — Ищешь работу в магазине, где продают принадлежности для серфинга?

Как слугитель закона, Март считал своим долгом начинать каждую беседу с остроумного замечания.

Рассмеявшись собственной шутке, он перешел к делу:

— Что у тебя есть для меня, Флетчер?

Говоря, сержант прикрывал лицо газетой, чтобы не было видно, как мы разговариваем. Просто два человека, случайно опустившиеся на одну и ту же скамью. Март делал это ради меня. Он думал, что такая у нас с ним маленькая игра.

— Я составил таблицу всех этих угонов автомобилей.

— Я и сам до этого додумался, Флетчер. Или, по-твоему, у тебя одного есть мозги? Никакой *очевидной* системы в них нет.

Я вытащил из кармана джинсов распечатку.

— Вот система. Взгляните.

Я подтолкнул распечатку по скамье. Сержант Хориган взял ее и развернул за своей газетой. По его лицу расплылась улыбка.

— Значит, работают две группы угонщиков, — сказал он в конце концов.

— Правильно. Если вникнуть, становится ясно, что существуют два отчетливых центра деятельности. На вашем месте я искал бы в районе дешевых магазинчиков около старого моста и к югу от таверны «Красная куропатка». Установите наблюдение за подростками на «БМВ».

— Уже. И там, и там стоит по автомобилю. Я удивился. И так и сказал:

— Я удивлен. Это что, была проверка?

Март сложил распечатку и сунул ее в карман куртки.

— Я всего лишь помогаю тебе в полной мере раскрыть твои способности. Это полезный урок: иногда, если никак не удастся найти систему, причина в том, что система не одна. Неплохая работа, Мун. Увидимся на следующей неделе.

— Подождите, сержант. Сделайте мне одолжение.

Хориган расплылся в улыбке.

— Что? Уже снова захотелось шоколаду?

Ну никуда не деться от этого шоколада. Такая вот у меня сложилась репутация.

— Нет. С шоколадом я завязал. Мне нужна информация.

— Информация? Ты говоришь прямо как заправский детектив, Флетчер.

— Мне нужно посмотреть, что у вас есть на Шарки.

Март сложил газету.

— Шарки? Папаша Шарки и компания — ты их имеешь в виду?

— Точно. Кое-какие мои ниточки ведут к ним.

Март плотно скрутил газету и ткнул меня ею, точно дубинкой.

— Слушай сюда, Флетчер. Я готов позволить тебе взглянуть на старые дела и даже на ситуационную карту правонарушений. Мне доставляет удовольствие поболтать с тобой. Но Шарки? Это совсем другое. Шарки-старший — из тех людей, от которых лучше держаться подальше. И умен вдобавок. Ни дня не провел в тюрьме — в отличие от большинства своих родственников. Нет, советую обходить его стороной. Если радар Папаши засечет тебя, мало тебе не покажется. Он мигом узнает, кто ты и, хуже того, где живешь, и тогда твоя жизнь очень осложнится. — Март устремил на меня суровый взгляд, отработанный до совершенства за годы допросов подозреваемых. — Я доступно объясняю, Мун?

Март уже одаривал меня таким взглядом, так что я не слишком испугался.

— Может, дадите мне посмотреть досье Шарки? Если я найду там что-нибудь стоящее, то тут же сообщу вам.

Март издал сдавленный смешок.

— Господи, ну ты и проныра, Флетчер. У тебя нос длиннее, чем у опоссума. Прежде всего,

ты не унесешь досье Шарки, оно слишком велико. А во-вторых, это досье в настоящее время находится в разработке. Чтобы позволить тебе посмотреть досье в разработке, я должен получить письменное разрешение. Ты мне нравишься, Флетчер, но я не готов ради тебя рисковать загреметь в ссылку на какой-нибудь захолустный островок.

Я вздохнул — как вздохнул бы на моем месте любой двенадцатилетний мальчишка, которому не удалось добиться своего.

— Ладно, сержант. Я забуду о Шарки.

Март прикрыл один глаз, а другим уставился на меня.

— Не врешь, Флетчер? Знаешь, у меня глаз наметанный.

— Нет, Март. Не вру, — ответил я.

И конечно, соврал.

Я побежал домой и ухитрился подняться наверх, избежав допроса со стороны мамы и папы. Хейзл ждала на площадке, грызя карандаш.

— Флетчер, на какое бы слово заменить «отвергнутый»?

Я задумался.

— М-м... Как насчет «нежеланный»?

Хейзл записала ответ.

— Хорошо. А рифма к слову «помпезный»?

Это было потруднее.

— Гм-м... «протезный» подойдет?

— Надо подумать.

Я остановился у своей двери.

— Над чем ты сейчас работаешь? Что-то на тему тебя и Стива?

— Нет, — с невинным видом ответила Хейзл. — Эпическая поэма о твоём свидании с Эйприл Деверо.

Я хмуро уставился на нее, но тут же сообразил, что крыть нечем. Бог знает, сколько времени Хейзл дожидалась моего возвращения домой. У нее были все основания вообразить себе что угодно.

Оказавшись у себя в офисе, я сел в кресло, подкатился к письменному столу и включил портативный компьютер. На экране появились «обои» с логотипом ФБР, а я задумался о том, что собираюсь сделать.

Если я вообще собираюсь продолжать это дело, мне нужна информация, и единственный способ получить ее — проникнуть на закрытый веб-сайт полиции и скачать оттуда досье Шарки. Что мною движет? Только ли желание разобраться с этим делом? Или же причина в моем значке?

Тут мне в голову пришла одна мысль. Может, есть возможность получить новый значок? Я переключился на сайт Бернстайна и напечатал в поисковой строке: «Получение дубликата значка». Ответ меня не порадовал. Любая прось-

ба о замене значка должна сопровождаться денежным переводом суммой в двести долларов и доставкой полицейского отчета об инциденте, во время которого значок был утрачен. Может, за год или около того я и сумел бы наскрести нужные деньги, но подделка полицейского документа — слишком серьезное преступление.

Оставалось два варианта: сдаться прямо сейчас или пробиться на сайт. «Делать выбор сию секунду вовсе не обязательно, — сказал я себе. — Может, получить доступ к сайту не удастся, и тогда вопрос решится сам собой».

Я вызвал на экран электронную страницу ирландской полиции. Чтобы пройти дальше, требовалось указать имя, ранг, номер и пароль. Я знал три ответа из этих четырех. Имя, ранг, номер... запросто. Пароль — дело другое. Однако у меня имелись кое-какие соображения.

У сержанта Марта Хоригана были две страсти. Одна — его работа, в которой он был гораздо более компетентен, чем притворялся. Вторая — собачьи бега. И эта последняя страсть настолько им завладела, что он купил собаку. Пса по кличке Блю-Флю. Эту кличку я и ввел в качестве пароля.

Компьютер немного погудел и — приветствовал сержанта Хоригана на сайте.

Сайт был построен по стандартному шаблону, который используют органы правопорядка

по всему миру. Он имел несколько разделов, включая источники информации, поиск по ключевому слову во всех графствах, недавние аресты и отчеты об инцидентах.

Я испытал укол совести; впрочем, не очень-то сильный. То, что я делал, не было противозаконно: граждане имеют право получить доступ к этим файлам согласно Акту о свободе информации. Однако несовершеннолетние, конечно, не должны без разрешения взрослых просматривать досье, находящиеся в разработке полиции.

Я выбрал в меню сначала наше графство, потом Локк и затем запустил поиск по ключевому слову Шарки. Пока сайт составлял список интересующих меня документов, на экране вращался разноцветный круг. В конце концов на новой странице открылся перечень ссылок. В нем оказалось больше сотни незавершенных дел, так или иначе связанных с Шарки. Невероятно! Сержант Хориган как-то показывал мне файлы закрытых дел, и некоторые люди фигурировали в нескольких из них, но ни один преступник и близко не подошел к сотне. Даже на пресловутом Генерале из Дублина висело всего пятьдесят дел.

Я бегло проглядел список файлов. Почти все обвинения сводились к мелким или крупным кражам. Такое впечатление, будто Шарки был

ГЛАВА 3

в ответе за разгул преступности, бушевавший в Локке на протяжении вот уже десяти лет. Ну, если кого-то интересует мое мнение, скоро его делишкам придет конец.

Пальцы зависли над клавишами. Если я распечатаю эти триста с лишним страниц, то встану на тропу, с которой будет уже не свернуть. Стоит ли мой значок такого риска?

«Да, — решил я. — Стоит».

И застучал по клавишам.

ГЛАВА 4

МУН ПОЛУЧАЕТ В ЛОБ

Я помню свое первое дело. Мне три года, я в детских яслях в деловой части Локка. Одна из воспитательниц, Моника, стерилизуя бутылочки, сняла обручальное кольцо с камнем, поставила бутылочки в микроволновку, а когда вернулась к раковине, кольцо исчезло. Оно было не из тех, которые легко могут затеряться, — крупное такое кольцо с цирконием. Кто-то взял его. Моника забилась в истерику и начала перерывать все вокруг. Понадобилось вмешательство трех женщин, чтобы помешать ей разобрать на части канализацию.

Помню, я сидел на большой круглой подушке, жевал сухарь и обдумывал, что произошло. Я знал, кто взял кольцо. Мэри Энн, которая еще только училась ходить и обожала блестящие вещицы. Вообще-то я не видел, как она брала

его, и уже достаточно хорошо усвоил законы детской площадки, чтобы понимать — не стоит раскрывать рот, если нет доказательств. Я решил добыть доказательства, потому что неделю назад Мэри Энн стащила у меня шоколадку. Она не в первый раз совершала кражи, и ее следовало остановить.

Я доковылял до места преступления и внимательно осмотрел его. Обнаружив все, что требовалось, я потопал к рыдающей воспитательнице.

— Мэри Энн взяла кольцо, — сказал я.

Моника, несмотря на истерику, вспомнила о своих профессиональных обязанностях.

— Сказал, Флетчер, и хватит. Не надо выдумывать.

— Мэри Энн взяла кольцо, — настойчиво повторил я, надув губы с присохшими крошками сухаря.

Мэри Энн стукнула меня по голове строительным кубиком. Удар получился неслабый. Однако едва кровотечение остановили, я предпринял новую попытку довести дело до конца.

— Мэри Энн взяла кольцо. Пойдите и посмотрите. — Я потащил Моника к раковине. — Видите? — Я указал на красный мазок на чистой в остальном стали, рядом с тем местом, где лежало кольцо. — Джем. Мэри Энн ела джем.

Выражение бесконечного терпения на лице Моника сменилось заинтересованностью.

— Да, но ведь не она одна ела джем.

Я предъявил следующее доказательство.

— Посмотрите. На полу. Следы.

Моника изучила пол. По кафелю в сторону коврика с диснеевскими героями тянулись четыре влажных следа от ходунков.

— У Мэри Энн есть колеса, — сказал я.

Это стало решающим доводом: только Мэри Энн одновременно ела джем и пользовалась ходунками на колесиках. Ее быстро раздели и обыскали. Кольцо нашлось под подгузником, вместе с тремя мраморными шариками, пластмассовым динозавром и двумя связками автомобильных ключей. Теперь я знаю — Мэри Энн страдала тем, что детективы называют «синдромом сороки».

Я воображал, что проявленная сообразительность добавит мне популярности. И ошибся. Кому охота дружить с тем, кто может вызнать все твои секреты? Несмотря на свой юный возраст, я все же понял, что если хочу иметь друзей, нужно перестать находить вещи. Но не перестал. Мэри Энн вот уже почти десять лет ненавидит меня. И не она одна.

Я полночи изучал полицейские отчеты, и вскоре передо мной начала вырисовываться определенная система. В общих чертах дело обстояло так. Шарки находились в полицейском «горячем перечне», и их автоматически брали на по-

дозревание, как только возникало новое дело. Тот факт, что их приплетали к делу, еще не означал, что они виновны или хотя бы являются главными подозреваемыми. Но даже если Шарки совершили только четверть того, в чем их подозревала полиция, не вызывало сомнений, что они — заправила преступного городского «дна».

Большинство полицейских отчетов указывали на ничем не примечательные происшествия, но были среди них и такие, где описывались отнюдь не типичные кражи. Складывалось впечатление, будто на протяжении последних недель некоторые молодые люди Локка становились мишенью мелких, ловко спланированных и, казалось бы, лишенных мотива преступлений. Однако в руководстве Бернстайна сказано, что мотив есть всегда. Вычислив его, вы, как правило, находите и преступника. Может, Ред Шарки мстит не только мне и Эйприл, но и другим?

Один из этих странных отчетов был датирован седьмым сентября и включал в себя заявление жертвы, мистера Адриана Маккоя. Потерпевший был известен как набирающий популярность местный диджей. Я тщательно перечитал его заявление, делая выписки.

На семнадцатилетие мне подарили вертушки. Ну, проигрыватели для виниловых пластинок. Выписали из Германии, специально для меня. Вы бы видели, сколько в коробках оказалось

МУН ПОЛУЧАЕТ В ЛОБ

упаковочного материала, знаете, такого с пузырьками. Там бы хватило, чтобы дом оклеить! У нас в стране подобной техники и близко нет. Звукосниматели сбалансированы до грамма. Прежде чем поставить винил, я с этих вертушек каждую пылинку сдувал. А когда позволял ребятам работать на моей технике, заставлял их надевать хирургические перчатки. А то еще поцарапают. От юнцов чего хочешь можно ожидать, если вы понимаете, о чем я.

Обычно я выступал с этими вертушками по пятницам в центре досуга. Я умею делать переходы так плавно, что вы не сразу догадаетесь, что слушаете другую песню. Девушки любят меня... Вернее, будут любить, когда с меня снимут брекеты.

Однако в прошлый четверг я проводил в школе дискотеку для младших классов. Школьники считают меня своим кумиром. Хорошо получилось. Я здорово разошелся. Я представляюсь как МС Кой, из-за фамилии. Клёво, правда? А по-моему, клёво...

Тем вечером я был в ударе. Ребята забросали меня вопросами о новом оборудовании. Предки тоже оценили.

После шоу я вышел, чтобы отнести пластинки в фургон. Когда я вернулся, то увидел, что кто-то разобрал мои вертушки по винтику. Они лежали на столе, словно пазл. Реально акку-

разложенные, не сломанные, ничего такого. С ними все было в полном порядке, за исключением одной вещи. Нет, двух вещей. Иглы звукоснимателей исчезли. Кто-то взял иглы. Понадобится месяц, чтобы получить из Германии новый комплект. Это означает как минимум четыре выступления мимо. Поп-культура Локка может зачахнуть!

Кто-то хотел устранить меня на месяц. Вот как бывает с талантливыми людьми. Но МС Кой вернется, и притом в лучшей форме, чем когда-либо. Я использую это время, чтобы отрастить волосы, и смогу заплетать их в косички. Пройдет месяц, и МС Кой ворвется в центр досуга, словно ураган, чтоб там потолок рухнул!.. Ну, это, конечно, я так, просто к слову. Если там и правда потолок рухнет, у меня будут неприятности, да и мама накрутит мне хвост.

Я закрыл файл. Интересно, этого юношу преследовали по какой-то определенной причине? Существует ли связь между МС Коем, Эйприл Деверо и Редом? Или кто-то другой стоит за этими маленькими криминальными шалостями? Нужна новая информация. Я открыл следующий файл и углубился в чтение.

К тому времени, когда я закончил работу, за окном уже вовсю насвистывали птицы. Тщетно проворочавшись в кровати полчаса, я начал относить их свист на свой счет. А когда я наконец провалился в сон, сквозь занавески уже просачивался рассвет. Я заснул на неразобранной, усыпанной распечатками постели.

В полдень меня разбудил знакомый металлический стук. Хейзл, как всегда, начинала уик-энд за пишущей машинкой. До конца дня нам придется выслушать несколько сонетов на тему Стива. Я быстро оделся во все черное, а гавайскую рубашку засунул подальше в шкаф.

Мама и папа сидели за кухонным столом. Судя по тому, как они резко замолчали при моем появлении, речь шла обо мне.

— Как прошло твое свидание, дорогой?

Я взял из плетеной вазы яблоко.

— Это было не свидание, мама. Просто деловая встреча. Я помогаю Эйприл решить одну небольшую головоломку.

Папа отложил газету.

— Правда? И что это за головоломка?

— Прости, папа. Я не имею права разглашать сведения, полученные от клиента.

Папа одарил меня улыбкой.

— Неплохая попытка увернуться от ответа. Однако конфиденциальность обязаны соблюдать лишь детективы, имеющие государственную

лицензию. Так что, если не возражаешь, хотелось бы услышать подробности.

Я натянуто улыбнулся. Иногда тяжело, когда папа у тебя умный. Но мне нравятся наши словесные баталии.

— У Эйприл пропала очень важная для нее вещь. Она хочет, чтобы я нашел ее.

— Какую стратегию ты избрал? — спросил папа.

Я заколебался. Если бы родители узнали, как далеко я зашел в своем расследовании, мне бы на всю оставшуюся жизнь запретили и близко подходить ко всему, что имеет хоть малейшее отношение к слову «детектив».

— Собираюсь кое с кем побеседовать. Может, друзьям Эйприл что-нибудь известно?

— Хорошая идея, — кивнул папа. — А за ее диваном ты посмотрел?

— Не лично, па, но Эйприл проверила.

Мама погладила меня по волосам.

— Понравилась Эйприл твоя рубашка, дорогой?

Я вздохнул.

— Нет, мам, нет. Знаешь, на свете есть люди, которым такие рубашки не нравятся.

Мы договорились встретиться с Эйприл и ее барби-командой на спортивной площадке. В это расследование было замешано множество особ

женского пола, что меня беспокоило. По моему опыту, мальчики легко предсказуемы. Придет им что-нибудь в голову — они тут же это и делают. Девочки хитрее, они планируют все на несколько шагов вперед. Заботятся о том, чтобы их не поймали.

Когда я появился, выяснилось, что Эйприл и компания открыли что-то вроде ларька, где торговали напитками.

— Вы продаете колу по десять центов за банку? — удивился я.

— В точку, Минимун. Хочешь?

— Может быть. Но где вы берете колу?

Эйприл сделала большие глаза.

— В холодильнике супермаркета, тупица.

Однако я упрямо продолжал докапываться до сути.

— Выходит, вы покупаете колу в супермаркете за пятьдесят центов банка, а продаете за десять.

— Да, Флетчер, но мы покупаем колу не за свои деньги, — ответила Эйприл, произнося слова чуть ли не по слогам, словно имела дело со слабоумным. Она протянула мне банку. — Десять центов, пожалуйста.

Все, что у меня нашлось, это две банкноты по десять евро.

— У меня только десятка.

Эйприл выхватила банкноту.

— Годится. Я могу разменять.

Что она и сделала — самыми мелкими монетами.

Я загрузил ими карманы штанов, после чего пришлось затянуть ремень, чтобы штаны не свалились.

— Значит, у вас что-то вроде небольшой девчоночьей шайки?

Эйприл, Мэй и еще человек шесть их подружек красовались в теннисках с надписью «Les Jeunes Étudiantes»*. Тенниски были розовые, надпись окружена резвящимися единорогами.

Эйприл, похоже, мое предположение польстило.

— Вот именно. Готовы, девочки?

Те с энтузиазмом закивали и выстроились в не очень ровную шеренгу, руки на пояс, носки врозь.

— Зовите нас «Les Jeunes Étudiantes», — произнесла Эйприл таким тоном, точно представляла пьесу Шекспира. — Вот то, что для нас *très intéressant***.

Я вздрогнул. Опять этот французский!

— Поп-звезды и мода!

— Премьеры кино!

* Les jeunes étudiantes (фр.) — юные ученицы.

** Très intéressant (фр.) — очень интересно.

- Светская жизнь!
- Макияж и прически!

Остальные девочки по очереди выкрикивали каждая свое, иллюстрируя сказанное: «поп-звезда» запела в воображаемый микрофон; «мода» встала в позу модели — ну и прочее в том же духе.

Я попытался сказать что-нибудь приятное.

- Эй, это здорово. Вы хорошо... спелись.

Эйприл, однако, не считала нужным отвечать любезностью на любезность.

— Никто и не ждет, что нас поймет житель Континента Тупиц, Минимун. В обычных обстоятельствах мы бы тебя и близко к себе не подпустили. Может, займешься наконец делом и начнешь задавать вопросы?

Я был только рад такому повороту.

— Прежде всего, ты абсолютно уверена, что образец волос украден?

Эйприл налила в бумажный стакан колы и размешала ее пальцем.

— Насколько вообще можно быть в чем-либо уверенной, Минимун. В смысле, я заперла его в сейф в домике Венди, а потом обнаружила, что он пропал. Может, его вот эта собака съела.

Под ногами Эйприл путался маленький длинношерстный терьер. На то, что он принадлежит Эйприл, указывала розовая попонка. Милый,

в общем-то, песик, если не считать того, что он скалил на меня зубы. Мне не слишком везет с собаками.

— Думаешь, это возможно?

— Нет.

Да уж, опрос свидетелей обещал быть трудным.

— Что-нибудь еще пропало?

Тут в разговор впервые вмешалась Мэй. Казалось, мое расследование не вызывает у нее такого энтузиазма, как у Эйприл.

— Послушай, Флетчер, я знаю, Эйприл помешана на этих волосах Шоны. Но я знаю также, что ты еще больше помешан на всяких детективных делах. Согласись, все это несерьезно, правда?

Я привык к сопротивлению. Людям не нравится отвечать на вопросы детективов.

— Итак... Что-нибудь еще пропало?

— Нет. Ничего.

Я повернулся к подружкам Эйприл.

— А у вас ничего не украли? Или, может, сломали что-нибудь? Такое незначительное, что вы решили, будто это случайность.

Третья девочка в ряду, Мерседес Шарп, подняла руку, точно я был учителем.

— Ну, я потеряла кое-что этой ночью. Мне так показалось, что потеряла, но, может быть...

Эйприл злобно уставилась на нее.

— Хватит, Мерседес! Ты и так все утро носишь из-за своего мини-диска. Это мое расследование. Я заплатила Флетчеру.

Мерседес ответила ей точно таким же злобыным взглядом и продолжала как ни в чем не бывало:

— У меня есть... был мини-диск с караоке. Я под него репетировала свое выступление на школьном смотре талантов. На нем все, что мне нужно. Я выписала его из Японии.

— Думаешь, его украли?

Мерседес пожала плечами.

— Может быть. Но кто станет воровать мини-диск из плеера, а сам плеер оставит?

— Кто знает, как работает мозг преступника? — напустив на себя умный вид, ответил я вопросом на вопрос.

— Ты, надеюсь, — встряла Эйприл. — За что я тебе и плачу. У тебя есть значок... ты говоришь, что он у тебя есть, во всяком случае.

— Были какие-нибудь признаки взлома? — торопливо спросил я Мерседес.

— Нет. Но я оставила окно спальни открытым, поэтому ночью любой запросто мог просто протянуть руку и стащить диск. Может, тебе стоит взять у всех в городе пробу на ДНК.

— Как в «CSI»? — Мое терпение было на исходе.

— Ага. В точку.

— Непременно так и сделаю, если полиция одолжит мне свое оборудование.

Мерседес сделала шаг вперед и ткнула меня кулачком в плечо.

— Эй, я умею различать иронию! Попридержи язык, Минимум, а не то, когда у меня появится бойфренд, я натравлю его на тебя!

Не обращая внимания на боль в плече, я просматривал список вопросов в блокноте.

— Еще кое-что, леди. Это относится ко всем вам. Можете вспомнить кого-нибудь, у кого есть повод недолюбливать вас?

— Нет, — тут же ответила Эйприл. — Кто может нас недолюбливать? Мы очень популярны. Думай, что говоришь, Минимум.

Я проигнорировал ее оскорбления. Я же профессионал.

— Ну? — Я посмотрел на Мерседес.

Она прикусила губу.

— Ирод как-то просил у меня диск, а Эйприл велела ответить «нет». Мы написали ему записку, что не желаем иметь с ним ничего общего. Ироду пришлось попросить брата, чтобы тот прочел ему. Ред тогда здорово рассердился. Может, он стащил диск, чтобы отомстить мне, как в этой истории с принцем... э-э...

— Гамлетом? — подсказал я.

— Нет. — Мерседес задумалась. — Нет, это был «Принц из Беверли-Хиллз». Как-то Уилл взял куртку Карлтона, и Карлтон решил...

Внезапно Эйприл завопила, размахивая кулачками:

— Не отвлекайся, пожалуйста! Это Ред. Мы все знаем, что это Ред. К чему впустую тратить время, задавая всякие дурацкие вопросы, Минимун? Ред стащил волосы и, скорее всего, этот идиотский мини-диск Мерседес тоже, о чем ей вообще не стоило упоминать. Хватит околачиваться тут без толку. Лучше иди и поищи доказательства.

У меня мелькнула мысль, окупят ли десять евро все оскорбления, которые приходится выслушивать. Но, как говорит Бернштейн, «ваши наниматели вовсе не обязаны вам нравиться, достаточно, чтобы вам нравились их деньги».

— Ред — мой главный подозреваемый, — сказал я. — Хотя вообще-то, пока расследование не докажет обратного, под подозрением находятся все.

— Здорово! — Мерседес захлопала в ладоши. — Подозреваемые! Почти как если бы кого-нибудь убили!

Мэй, которая последние несколько минут провела в стороне от остальных, сейчас вернулась, пряча в карман мобильник.

— Мне нравится Ред, — заявила она. — Думаю, это несправедливо — все валить на него.

Щеки у нее пылали, она нервно теребила волосы. Интуиция детектива нанесла мне сокрушительный удар под дых.

— Ты сообщила Реду, что он подозреваемый? Мэй кивнула.

— Он идет сюда. Я только послала ему сообщение, потому что он хороший. Я не думала, что он тут же кинется к нам.

В памяти всплыли наставления, полученные в те годы, пока я сражался за значок Боба Бернстайна. Знаменитый детектив рекомендует в любых ситуациях избегать столкновений. Целее будешь.

— Ну, спасибо, Мэй. — Теперь я не скрывал иронии. — Ты мне очень помогла.

Мэй виновато улыбнулась.

— Прости, Флетчер. Ты милый, но и Ред тоже. Жаль, что вы враги.

— Терпеть не могу портить людям удовольствие, — я убрал блокнот в карман, — но мне нужно пойти и кое-что обдумать.

Эйприл ткнула пальцем мне за плечо.

— Слишком поздно.

Я повернулся и увидел долговязого рыжеволосого парня, со всей возможной скоростью несущегося в нашем направлении.

В горле у меня пересохло.

— Сейчас он нам устроит хёрлинг*, — проговорил я, с трудом разлепив губы. — Вот уж повезло так повезло.

— Я не знала, что он придет, — повторила Мэй. — Честно.

Хёрлинг — ирландская спортивная версия потасовки. Ключка, которой гоняют мяч, похожа на топор палача без лезвия и служит почти что тем же целям.

Мэй подошла ко мне.

— Не волнуйся, Флетчер. Ред ничего тебе не сделает. Может, только наговорит что-нибудь. Он в самом деле славный.

Меня это не успокоило.

Ред так резко остановился перед нами, что гравий взметнулся у него из-под ног. На нем были вылинявшие джинсы и заправленная в задние карманы футболка. Стройный, мускулистый парень с резкими чертами лица. Ред пытался оценить ситуацию, и его ястребиный взгляд метался из стороны в сторону. В одной руке он держал щербатую клюшку, в другой мобильник.

«Les Jeunes Étudiantes» как по команде превратились в томных красавиц из южных штатов,

* Хёрлинг — одна из двух уникальных игр, подаренных миру ирландцами. Самая «скоростная» полевая игра, фактически это ирландский хоккей на траве. Играют в него деревянными клюшками и кожаным мячом.

одновременно и взволнованных, и восхищенных. Ред производил очень сильное впечатление на девочек: они либо любили, либо ненавидели его, а порой и то и другое разом. Не знаю, как у него это получалось. Должно быть, виной всему была некая таинственная комбинация самоуверенности и харизмы. Ред даже не был красавчиком. Однако то, что делало его таким привлекательным для противоположного пола, было гораздо лучше красоты, потому что не знало преград.

— Я только что получил сообщение, Минимун, — сказал Ред.

На девочек он вовсе не смотрел, как будто их тут не было.

Я прижал локти к бокам и опустил взгляд — такую неагрессивную позу зоологи рекомендуют принимать при встрече с гориллой.

— Мэй говорит, ты расследуешь какое-то дело, связанное со мной. Это правда, Минимун?

Этот вопрос мне ничем не грозил.

— Не совсем. Ты всего лишь один из моих подозреваемых. Под подозрением находятся все, чья невиновность не доказана.

Ред пожал плечами, обтянутыми футболкой со слоганом: «Плевать я хотел на закон». Даже его футболка была против меня.

— Подозреваемый в чем? Что я, по-твоему, сделал?

— Может, и ничего. Однако был похищен локон волос. Локон поп-звезды, если быть точным.

Ред принялся вращать своей угрожающе длинной дубовой клюшкой, на закругленном конце усиленной стальным обручем. В этот обруч были вколочены гвозди с закругленными шляпками, которые складывались в имя Реда.

— Похищен? Точным? Что ты за урод? — Ред направил клюшку в мою сторону. — Послушай, Минимум. Мне по уши хватает неприятностей с учителями, лавочниками, полицией. Меньше всего мне сейчас надо, чтобы тупица вроде тебя начал распускать обо мне дурацкие слухи.

Естественно, неприятно, когда тебя называют уродом, да еще и перед хорошенькими девочками. Но, по крайней мере, я был уродом, не истекающим кровью. Пока.

— Сбавь обороты, Ред. — Я вскинул ладони, показывая, что безоружен (еще один совет Бернстайна). — Может, к завтрашнему утру тебя уже не будет в моем списке подозреваемых.

Ред двигался так молниеносно, что я зафиксировал лишь первый и последний моменты его броска. В первый момент я стоял, вскинув ладони, на расстоянии метра от Реда. В последний — лежал на спине, а Ред прижимал меня к

земле. Даже не успев испугаться, я оказался полностью обездвижен.

— Брось все это, — по-прежнему не повышая голоса, сказал Шарки. — Я не хочу быть в твоём списке и не хочу, чтобы ты исключал меня из него. Я хочу, чтобы ты сжег этот список к черту. Оставь меня в покое, Минимун, а не то сильно пожалеешь.

Я верил ему без малейших сомнений.

Пытаясь помочь мне, Мэй ударила Реда по спине пустой бутылкой из-под колы.

— Слезь с него, Ред Шарки! Думаешь, ты такой крутой? Я уже жалею, что пыталась тебе помочь!

Ред посмотрел на Мэй, и в его взгляде мелькнуло что-то новое. Что-то похожее на боль.

— Быть Шарки, Мэй, вообще нелегко... ну, при том, как живет моя семья. Я пытаюсь, знаешь ли, но что поделаешь, если все в городе поливают наше имя грязью? А теперь еще и Минимун туда же. — Он сунул клюшку мне под подбородок, словно скрипку скрипачу. Я чувствовал ее кадыком. — Вот бы ты оказался на моем месте хоть на день, хоть на час! Чудной маленький Флетчер Мун, который так любит совать нос в чужие дела... Спорю, твоя самая большая проблема — каким карандашом вести свои дурацкие детективные записи.

Несмотря на ситуацию, я почувствовал, как в груди закипает злость. Не поймите меня неправильно. Большая часть моего существа тряслась от страха. И все же был, был в моей душе маленький стальной кулак упрямой гордости, который иногда пробивал себе путь наружу. В особенности когда кто-нибудь принижал мою профессию.

— Я мог бы вести такую жизнь, как ты. — Каждое слово давалось мне с трудом, потому что я едва дышал под тушей Шарки. — Мог бы распускать хвост, задирая тех, кто послабее. Мог бы воровать то, что мне не принадлежит. И знаешь что? Я хитрее тебя, поэтому запросто выходил бы сухим из воды. А вот ты не мог бы делать то, что я делаю. Не мог бы найти ключ к разгадке преступления, даже если бы он расхаживал в футболке с надписью: «Я — ключ к разгадке».

Это была длинная речь, учитывая обстоятельства, однако она сделала свое дело. Не многие парни способны оставаться на высоте, сталкиваясь с Редом Шарки (ну, «на высоте» — это я не в буквальном смысле, конечно). Противоречивые чувства замелькали у него на лице, сменяя друг друга, как будто мозг быстро переключался с одной волны на другую. Среди прочего тут были удивление, ярость и печаль, а закончилось все тем опустошенным выражением, которое на-

помнило мне Мэла Гибсона в «Храбром сердце», за мгновение до того, как он перерезал горло какому-то английскому парню.

— Вот, значит, что ты думаешь? — почти прорычал Ред. — По-твоему, я только и делаю, что задираюсь и ворую?

— А по-твоему, я только играю в детектива?

— Да, это игра! — Ред рывком поставил меня на ноги. — Детская игра. Ты суешь всюду свой нос, изображая детектива, а потом страдают невинные люди.

Я отодвинулся от него, решив, что сыт по горло этим вздором.

— Невинные люди вроде тебя, надо полагать?

Ред одарил меня своей стандартной очаровательной усмешкой.

— Вот именно.

Я решил перейти в наступление.

— Просто верни мой значок, Шарки. Верни значок и эту штуку с волосами, и дело будет закрыто.

Ред схватил меня за рубашку и дернул на себя — именно так, как, по общему мнению, должны хватать обидчика за грудки крутые парни. Получилось довольно наигранно.

— Не брал я твоего дурацкого пластикового значка и волос не брал! Закрывай дело прямо сейчас, Минимун. Закрывай, а не то...

«А не то — что?» — на миг заинтересовался я. Но я так и не узнал ответа на этот вопрос, потому что как раз в этот момент в своем «вольво» подъехал отец Мэй. Он открыл окно и окликнул Реда:

— Разве так ведут себя мужчины, Шарки? Этот мальчик едва достает тебе до пояса.

Ред никогда не прислушивался к советам. В данном случае он полагал, что это исключительно наше с ним дело, а Грегор Деверо тут вообще ни при чем. Поэтому вместо того, чтобы отпустить, он вздернул меня еще выше, так что рубашка на спине натянулась и я был вынужден неустойчиво балансировать на цыпочках.

Позже я часто спрашивал себя, что случилось бы, если бы Грегору Деверо и в самом деле пришлось спасти меня, но и этого мне узнать не довелось. Потому что дальше все происходило прямо как в кино.

Послышался звук, очень похожий на рычание огромного льва. Я оглянулся через плечо и увидел большой золотистый «БМВ» выпуска семидесятых, едва не врезавшийся в машину Деверо. Это был автомобиль Шарки, о чем знали все в городе. Он разъезжал по Локку, когда меня еще на свете не было. Местная легенда утверждает, что Папаша Шарки выиграл его в боулинг у немецкого туриста-миллионера. Согласно другой легенде, замок на дверце водите-

ля был сломан, но Папаша не трудился чинить его, потому что в мире не нашлось бы тупицы, способного угнать автомобиль Папаши Шарки.

Переднее окно плавно опустилось, и стала видна крупная голова. Лицо по большей части заросло буйной черной бородой. Два голубых глаза, точно лазеры, спокойно изучили обстановку.

— Садись в машину, сын, — сказал Папаша. — Сегодня мы едем на кладбище.

Голос у него был невероятно низкий, зычный и в то же время вкрадчивый. Как будто в чане со сладкой патокой смешали бас негритянского певца и голос того парня, который анонсирует кинофильмы. Такому голосу трудно не повиноваться, но, наверное, Ред за годы жизни с папочкой в этом деле поднаторел, потому что он как держал меня, так и продолжал держать, даже ухом не повел.

Папаша заговорил снова, и на этот раз в его голосе прибавилось стали:

— Ред. В машину. Немедленно.

Ред заворчал, но наконец сдался. Бросив на меня последний грозный взгляд, он отпустил мою рубашку и рванул к «БМВ». Ред скрылся в темном нутре машины, и она плавно тронулась с места. Я не отрывал от нее взгляда, пока она не скрылась из виду. Пройдет, наверное, не меньше трех часов, прежде чем мое сердце начнет биться в обычном ритме.

Мистер Деверо выбрался из машины и поправил на мне рубашку.

— Держись от этого парня подальше, юный Мун. От него одни неприятности, как и от всей их семьи.

Я был склонен поверить в это. Полицейские файлы подтверждали, что от Шарки и впрямь одни неприятности. И пусть Мэй верит в Реда, но он, похоже, идет по стопам своего родителя.

— Спасибо, мистер Деверо.

Он похлопал меня по плечу, стряхивая пыль.

— Зови меня Грегор. В чем тут, собственно говоря, было дело?

Мэй потащила складной столик к багажнику «вольво».

— Ред — подозреваемый.

Грегор Деверо ударом ноги сложил ножки столика.

— Может, тебе лучше оставить это дело, Флетчер? Локон волос не стоит всех этих неприятностей.

Я с удивлением осознал, что слова мамы о моем упрямстве соответствуют действительности.

— Не могу, Грегор. Я уже взял аванс, а значит, должен идти до конца. И кроме того, дело не просто в волосах. Что-то странное происходит в Локке.

Мистер Деверо шумно вздохнул.

— В самом деле?

— Непонятные мелкие кражи. Мини-диски, иглы от проигрывателей... Я должен выяснить, зачем кому-то понадобилось все это.

— Вижу, Эйприл заразила тебя своей паранойей, — заметил мистер Деверо. — Ладно, у тебя своя голова на плечах. Готовы, девочки?

Эйприл, казалось, находилась в миллионе миль отсюда. Наверное, представляла себе, как идет по проходу к очередной поп-звезде.

— Эйприл, пошли. Мэй нужно порепетировать танец. Школьный смотр уже на следующей неделе. В этом году мы обязательно должны получить награду. Будет что показать ее матери.

Эйприл захлопала ресницами, возвращаясь в реальный мир, и двинулась к машине, по дороге дернув меня за рукав и прошипев:

— Продолжай в том же духе и держи меня в курсе.

Я кивнул. «Вольво», набитый девочками в розовом, укатил прочь.

«Держи меня в курсе», надо же! Определенно теперь каждый считает себя детективом.

Вечером того же дня я снова сидел в своем офисе. Я говорю «офис», хотя на самом деле это всего лишь спальня. Просто я думаю о ней как об офисе. Одно дело, когда говоришь клиенту: «Мне нужно вернуться в офис и кое-что

проверить», и совсем другое: «Пойду переоденусь в пижаму и изучу улики через лупу».

Официально считалось, что я сплю, но на самом деле я занимался поисками доказательств. Спустя двадцать минут после наступления Золушкиного часа «Ч» я все еще прочесывал полицейские отчеты. Складывалось впечатление, что в сентябре Шарки развили особенно бурную деятельность. Может, загодя запасались подарками к Рождеству?

Я скачал в свой компьютер подробный план города, составленный картографическим управлением, и наложил на него решетку из сотни квадратов. Потом, используя систему цветового кодирования, поместил каждое преступление в клетки этой решетки. Времени ушла уйма, но в конце концов я получил общее представление о предполагаемой деятельности Шарки в Локке. Внимательно изучив плоды своих трудов, я пришел к выводу, что если Шарки и впрямь совершили все эти преступления, им пришлось трудиться по двадцать четыре часа в сутки, без выходных и праздников. Конечно, на них могли работать другие преступники. Не все же акулы — Шарки*.

* Игра слов: фамилия Шарки созвучна со словом «shark», что по-английски означает «акула».

Что-то зашелестело за окном, и я насторожился. Выключив свет, я осторожно выглянул в сад. Спустя несколько минут зрение приспособилось к темноте, и я смог различить знакомые очертания деревьев и кустов. Один из кустов, казалось, двигался. Странно. Не верилось, что я присутствую при рождении нового кустарника-мутанта. Сам собой напрашивался вывод, что за ходячим растением кто-то прячется.

Я оказался прав. Спустя несколько мгновений над кустом показалась голова в капюшоне, а потом и рука, которая поманила меня вниз, в сад. Опять-таки странно: зачем кому-то приспичило поговорить со мной в такой поздний час? Причем кому-то из моих ровесников, если судить по его росту.

«Все очень даже объяснимо, — сказал я себе. — Ты детектив, ведущий расследование, о котором, спасибо Мэй, знает вся школа. У человека, прячущегося среди зелени, наверное, есть для тебя какая-то важная информация».

Мысленно взяв на заметку сообщить всем знакомым свой электронный адрес, чтобы им не приходилось пускаться на такого рода ухищрения, я надел куртку, прихватил блокнот и вышел из комнаты.

Родители спали — сегодня у них был трудный день. Что ни говори, детей воспитывать не-

легко. Хейзл у себя в спальне разыгрывала в лицах новую пьесу под названием «Похоже, счастье оказалось слишком *мимолетным*...». Выскользнуть из дома не составляло труда.

На мгновение я остановился, прислушиваясь к голосу разума, вопившему: «Ты с ума сошел?! Или мало видел фильмов ужасов? Возвращайся в спальню!»

Но я же детектив. Как мог я упустить такой шанс? Тем не менее у меня хватило ума обезопасить себя, воспользовавшись выходом через гараж. Может, я смогу разглядеть своего информатора, прежде чем он увидит меня.

Я прокрался через кухню, а оттуда в гараж. На протяжении многих лет я столько раз проходил этим путем, что сумел пробраться между завалами старого хлама совершенно беззвучно.

Наконец, отодвинув засов, я оказался в саду и, пригнувшись, спрятался за папиным призовым гномом. Гном этот выглядит вполне традиционно, но, когда Хейзл обвинила папу в старомодности, он (папа, разумеется, а не гном) заявил, что это постмодернистская пародия на садового гнома, истинное происхождение которой остается тайной.

Услышав рядом шаги, я высунул голову из-за гномьего колпака. Как оказалось, это было ужасной ошибкой с моей стороны. Раздался свист рассекаемого воздуха — что-то на огром-

ГЛАВА 4

ной скорости полетело сквозь тьму прямо мне в голову. Что-то вроде дубинки или биты. Я услышал, как преступник, метнув ее, хрюкнул от напряжения, словно теннисист на корте. Не успел я вскинуть руку, чтобы прикрыть лицо, как эта штука саданула меня в лоб. Из глаз посыпались искры. Сила удара была столь велика, что меня оторвало от земли, я полетел назад и врезался спиной в альпийскую горку.

Единственное, на что меняхватило, — это вяло удивиться, почему это звезды на темном небе гаснут одна за другой. А потом их не осталось совсем — одна лишь чернота.

ГЛАВА 5

ВРАЧЕБНЫЙ ТАКТ ДОКТОРА БРЕНДАНА

Очнулся я в полном одиночестве, что показалось мне в высшей степени несправедливым. Я всегда знал, что когда-нибудь это случится: удар, а затем провал в беспамятство. В нашем ремесле такого рода неприятности неизбежны. Однако в моей душе жила романтическая вера в то, что, когда я открою глаза, вокруг моей постели будут толпиться обеспокоенные родственники и поклонницы. Увы, никого рядом не оказалось. Стерильная больничная палата была совершенно пуста.

Вторым, что, как я наивно полагал, не входило в условия сделки, была боль. Стоило хоть чуть-чуть пошевелиться, как возникало чувство, будто мозг просачивается сквозь трещины в черепе. На самом деле череп мой был совершенно цел, я отделался всего лишь поверхностным ушибом. Это мне объяснил пышущий весельем

врач, который заглянул в палату с утренним обходом спустя довольно-таки немалое время после того, как я пришел в себя.

— Видел в кино, как плохие парни делают котлету из хороших парней?

— Да.

— Так вот, именно это с тобой и случилось.

Доктор Брендан был бы уже покойником, если бы я мог поднять голову, не завизжав, точно какая-нибудь девчонка. Он вел себя так, будто мне года четыре, не больше.

— Я имею в виду, — продолжал он, — что в действительности в этих фильмах никто никого не бьет.

— Скажете тоже...

— Да нет же, я серьезно. Это все трюки. Человеческий организм не приспособлен для того, чтобы выдерживать подобные экзекуции.

Я закрыл глаза, надеясь, что это заставит его уйти. Не тут-то было.

— Тебе вообще повезло, что ты остался жив после такого удара. Выглядишь ты, прямо скажем, скверно, но травма сводится главным образом к ушибу черепа... Ну, если не считать носа. Основной удар приняла на себя левая рука.

Я открыл глаза.

— И что с моим носом?

— Сломался, словно куриная косточка. Сегодня вечером мы тебе его вправим. А рука превратилась в свиную отбивную.

ВРАЧЕБНЫЙ ТАКТ ДОКТОРА БРЕНДАНА

— В голове звенит.

Доктор Брендан осмотрел мои уши, посветив в каждое крошечным фонариком.

— Последствия травмы. Это пройдет.

В моем воображении возник яркий образ чудовища Франкенштейна.

— После операции тебе придется пить обезболивающие таблетки, — добавил доктор. — И наверное, стоит поносить темные очки.

— Зачем? Свет будет вредить глазам?

Доктор Брендан смущенно захихикал.

— Нет, просто чтобы ты пореже смотрелся в зеркало. Некоторое время ты будешь здорово смахивать на тролля.

— На тролля?

— Боюсь, что да. Привыкай к тому, что по меньшей мере месяца два «страшила» станет твоим вторым именем. А возможно, и первым. И даже фамилией.

Я застонал, и в носу что-то запузырилось.

Доктор Брендан наконец сжалился надо мной:

— Извини, Флетчер. Мне казалось, шутка поднимет тебе настроение.

— Поднимет настроение! — прогундосил я. Каждый слог сопровождался взрывом боли в носу. — Вы сумасшедший?

Врач повесил мою медицинскую карту на спинку кровати.

— Нет-нет, что ты, — светским тоном ответил он. — Просто делаю свое дело.

Доктор Брендан попросил меня сказать, сколько пальцев он показывает, пришел к выводу, что сотрясения мозга нет, и привел из коридора моих родных.

Мама едва не упала в обморок, увидев мое лицо.

— Все не так плохо, как выглядит.

Я попытался улыбнуться, чтобы успокоить маму, но, судя по тому, какое у нее сделалось лицо, лучше бы я не пытался.

— О боже мой, Флетчер... — Она расплакалась. — Когда мы нашли тебя в саду, то подумали, что ты умер. Хейзл слышала шум, и папа вышел наружу. Что случилось? Расскажи!

Я ответил чистую правду, до последнего слова:

— Я увидел, что в саду кто-то есть, и вышел посмотреть. Потом меня ударили клюшкой, а очнулся я уже здесь.

Я старался говорить невозмутимо, будто ничуть не испугался, и вообще... Однако очень трудно сделать хорошую мину при плохой игре, если у тебя все лицо в лиловых кровоподтеках.

Маме захотелось погладить меня по волосам, но ей пришлось ограничиться поглаживанием воображаемой макушки на расстоянии двадцати сантиметров от настоящей.

ВРАЧЕБНЫЙ ТАКТ ДОКТОРА БРЕНДАНА

— Какой ужас! — причитала она. — В нашем собственном саду, прямо у наших дверей... И ты, дурачок, высунулся из дому посреди ночи! Детектив называется!

Мамино сочувствие таяло на глазах.

— Точно, — поддакнула Хейзл. — Ты что, ужасиков ни разу в жизни не смотрел?

Она вдруг достала диктофон и сунула его мне под нос.

— Кстати, можешь описать точно, что почувствовал в момент удара? Я пишу рассказ...

— Хейзл, прекрати! — прошипела мама. — Бедному мальчику больно.

Но моя сестра и не думала отступить.

— Ладно, пусть тогда хотя бы расскажет, какую боль испытывает. Обжигающую? Пульсирующую?

Допросу Хейзл положил конец папа, спросив меня:

— Это как-то связано с твоим расследованием?

— Может быть. Не знаю. Я же всего-навсего разыскивал пропавшую безделушку...

— Ну, неважно. С расследованием покончено, оно тебя вон куда завело. Мы мирились с твоей детективной деятельностью, считая, что вреда от этого не будет. Я видел, как ты увлечен, и поэтому не запрещал тебе заниматься твоим хобби. Однако с этого дня все расследования только через меня. Уяснил?

Я кивнул. Какой смысл спорить с людьми, которые так нервничают? Можно будет поговорить о расследовании позже, когда мое лицо не будет выглядеть так, что его вид утешил бы и Квазимодо.

Улучив момент, когда родители не смотрели, Хейзл шепнула мне:

— У меня для тебя кое-что есть. — На ее ладони лежал мой блокнот. — Ты обронил его в саду.

— Спасибо, сестрица.

Этим вечером доктору Брендану пришлось нелегко: он был настроен разговаривать со мной, как с четырехлетним, но обстоятельства то и дело вынуждали его переходить на язык тех, кому уже за десять.

— Хочешь леденец? — спросил он.

— Нет, спасибо. А куклы у вас случайно не найдется?

Лицо доктора приняло озадаченное выражение.

— Нет. Но, уверен, у кого-нибудь из сестер...

— Я пошутил. Просто пытаюсь поднять себе настроение.

— Храбрый оловянный солдатик. Теперь давай-ка я попробую объяснить, что будет происходить, когда мы тебя усыпим. — Доктор Брендан достал из кармана носовую шину. — Ну-с, молодой человек. Что это, по-твоему?

ВРАЧЕБНЫЙ ТАКТ ДОКТОРА БРЕНДАНА

— Носовая шина.

— Нет. На самом деле это... ах да, ты прав. Это носовая шина. Какие мы сообразительные, а?

— В моем дипломном курсе был раздел, посвященный оказанию первой помощи при несчастных случаях.

Но доктора Брендана было ничем не пронять.

— Уверен, что не хочешь леденец?

— Да.

— Гм, ладно... Итак, твой нос нужно выправить и наложить на него вот эту штуку. Опухоль уже почти спала, поэтому не стоит откладывать. Вряд ли ты хочешь быть в сознании, когда я начну выпрямлять сломанный нос, поэтому мы сделаем тебе усыпляющий укольчик...

— Вы имеете в виду анестезию?

— Э-э... да, анестезию. И когда ты проснешься, все уже будет ладушки-лады.

— Ах как чудесненько, доктор, — в тон ему ответил я.

Врач пристально всмотрелся в мое опухшее лицо, видимо, заподозрив, что я иронизирую. Полагаю, его подозрения подтвердились.

— Уверяю тебя, больно не будет, — сказал он. — Разве что чуть-чуть.

На это остроумного ответа у меня не нашлось.

Меня переложили на каталку и доставили к месту действия. Анестезиолог воткнул иглу мне в предплечье и вогнал полный шприц какой-то беловатой жидкости.

— Теперь, Флетчер, начинай считать вслух от десяти до одного.

Я так и сделал. Медленно.

— Ты все еще в сознании? — спросил анестезиолог, когда я закончил.

На вид ему было не больше семнадцати.

— Нет, — ответил я.

— Флетчер у нас шутник, — сказал доктор Брендан. — Вгоните-ка ему еще немного, чтобы утихомирить водоворот мыслей у него в голове. И если в результате он проспит чуть дольше обычного, думаю, никто не будет возражать.

Анестезиолог взял с подноса шприц размером с баварскую сосиску.

— Вы уверены? — спросил я обеспокоенно, навсегда зарекшись шутить с медиками.

— Я знаю, что делаю, — отрезал анестезиолог. — Я уже на *втором* курсе колледжа, между прочим. Так, начинай обратный отсчет от десяти.

— Десять, — сказал я.

Под анестезией человеку снятся очень яркие сны. Мое сознание прокручивало события последних двадцати четырех часов, расписывая

ВРАЧЕБНЫЙ ТАКТ ДОКТОРА БРЕНДАНА

их сочными красками и вплетая в сон окружающие звуки.

Я смутно слышал разговоры и хруст, исходящие от внешнего мира, но старался не обращать на них внимания, подозревая, что хруст издает мой собственный нос, попавший в руки докторов.

Постепенно в моей голове начала выстраиваться теория. Последовательность событий выглядела достаточно просто. Меня нанимают расследовать дело, связанное с семьей Шарки. Мэй рассказывает об этом Реду Шарки, и он решает пресечь расследование. Ночью кто-то нападает на меня, однако доказательств, что это Ред, нет. Или есть?

Если удар нанес Ред Шарки, то, скорее всего, он использовал то самое оружие, которым угрожал мне днем. На клюшке было его имя. Имя Реда Шарки!

Очнувшись в реанимационной палате, я тут же попытался изложить свои теории медсестре, но она принялась поглаживать мой лоб прохладной ладонью, так что мне не оставалось ничего другого, как снова заснуть.

Затем я снова пришел в себя. Ну, почти пришел. Голова проснулась, но тело умоляло дать ему еще поспать. Я проигнорировал этот призыв. Идею насчет Реда надо было проверить незамедлительно. Завтра наверняка будет слыш-

ком поздно. Ток крови может растворить улику, и она исчезнет без следа...

Я понятия не имел, сколько сейчас времени. Вечер. В комнате было темно, но из-под двери пробивался луч света, а из коридора доносился тихий шелест шагов — медсестры носили тапочки на каучуковой подошве.

Я сел на постели, но быстро понял, что напрасно сделал это так резко. Возникло ощущение, что мозг болтается в черепе, точно шарик в чашке, и может вылететь наружу, если слишком сильно тряхнуть головой. Я снова находился в своей одноместной палате, и снова один.

Помедленнее, помедленнее... Я опустил ноги на холодный пол, осторожно встал и прислушался к собственному организму. В теле чувствовалась слабость, но жить было можно. Стены казались слегка изогнутыми, как зеркала в комнате смеха. Это все наркоз. Вряд ли комната вращается на самом деле.

Я проковылял в ванную, хватаясь для опоры за все, что попадалось под руки. В частности, за батарею парового отопления. Наверное, она была горячая, но я этого не заметил — к пальцам пока еще не вернулась чувствительность после наркоза.

Ванная оказалась крошечной, что было мне на руку, учитывая, с каким трудом я сохранял равновесие. Благодаря тесноте я мог рассмотреть

себя в зеркало, прислонившись спиной к стене. Но так ли уж мне хотелось разглядывать себя? Так ли уж хотелось увидеть, что стало с моей головой? И узнаю ли я себя в этой жалкой развалине, оставшейся от еще недавно вполне нормального человека?

Доктор Брендан уверял, что, если не считать носа, все обстоит прекрасно. Однако глаза ощущались, как два мраморных шарика, ворочающихся в шаре побольше, слепленном из желе, — в шаре, на котором в любой момент грозила треснуть кожа. Возможно, стоило вернуться в кровать...

Не дав этой мысли завладеть мною, я ухватился за шнурок выключателя и дернул. Прищурился, фокусируя зрение. Да, вид у меня и в самом деле был не ахти. Мягко говоря. Доктор Брендан был прав: некоторое время «страшила» будет не только вторым, но и первым моим именем. Честно говоря, самой привлекательной деталью на моем лице была носовая шина, маленькая алюминиевая штучка в виде буквы V, плотно обхватывающая нос. Остальное выглядело так, словно кто-то положил мне на лицо фунт сырого мяса и хорошенько отбил его.

— Не отвлекайся, — сказал я себе.

Действовать надо было не откладывая, иначе улика исчезнет навсегда.

Левая рука от локтя до костяшек пальцев была заключена в мягкий лубок на застежках-липучках. Я стал сдирать повязку зубами, попутно пререкаясь с голосом разума, который настаи-

вал, чтобы я бросил это занятие и вернулся в постель. По мере того как я расстегивал липучки, давление на руку уменьшалось. Казалось, она раздувается, словно резиновая перчатка, в которую нагнетают воздух. Я ждал боли, но ее не было. Опять-таки последствия наркоза. Тем не менее внутренний голос упрямо вопил, что я делаю совершеннейшую глупость.

Здоровой рукой я стянул с себя повязку. Левая рука выглядела даже хуже лица, а это, поверьте, говорит о многом. От одного-единственного удара пострадал каждый дюйм кожи, которого коснулась клюшка. Я заставил себя внимательно изучить синяки. Они были нескольких оттенков, от болезненно-желтого до ярко-красного. И от запястья вверх шли три багровые, отчетливо различимые отметины.

Я поднял руку к свету и увидел в зеркале доказательство, которое искал. Три буквы: Р Е Д. Гвозди с выпуклыми шляпками на клюшке Реда Шарки выгравировали на моей руке его автограф.

Мой мозг детектива заработал в утроенном темпе, перелопачивая все, что я знал о синяках. Синяки блекнут быстро. Иногда за несколько часов. Совсем скоро эти багровые следы выцветут и расползутся, потеряв четкость. Нужно каким-то образом сохранить улику, прежде чем она станет неотличима от остальных поврежденных тканей. Должен, должен быть способ...

ВРАЧЕБНЫЙ ТАКТ ДОКТОРА БРЕНДАНА

Конечно, в другом, более совершенном мире я бы просто надавил на кнопку звонка и сказал сестре, что мне срочно требуется цифровая камера. Однако я по опыту знал, что взрослые неадекватно реагируют на мальчиков-детективов. Сестра, скорее всего, вытаращится на меня так, будто у меня две головы. Меня уложат в постель и, возможно, станут поить успокоительным, пока не сойдут синяки. И, что самое страшное, мне крупно повезет, если, проснувшись, я не обнаружу у своей постели детского психолога.

Придется справляться самому. В стенном шкафу я нашел халат и штаны. На то, чтобы натянуть их, ушло не меньше минуты. Казалось, ноги принадлежат не мне, а кому-то другому. Я бранил стопы, словно пару непослушных малышей:

— Давайте, давайте, ребятки. Спокойно, не дергайтесь... Ну вот, славные маленькие поросята...

Часть меня осознавала, что мозг еще не отошел от затормаживающего воздействия наркоза, но другая часть не давала забыть об улке и была полна решимости заставить меня оставаться профессионалом, несмотря ни на что.

В коридоре было пусто. Я слышал разговоры в палатах, но от поста дежурной медсестры меня отделяло лишь сколько-то метров пустого коридора. Я уверенно двинулся вперед с таким видом, как будто имел веские медицинские основания

находиться здесь. Пост окружала полукруглая стойка, позади которой стояли несколько потертых кресел. По полу тянулся провод удлинителя, в розетки которого были включены электрический чайник и копировальный аппарат.

Я включил копир и, нетерпеливо переминаясь с ноги на ногу, дождался, пока он прогреется. Наконец красный огонек сменился зеленым. Я откинул крышку и положил руку на стекло. Может, руке это повредит, но пока я по-прежнему не чувствовал боли.

Я сделал копию. Совершенно бесполезную. Ни один суд в мире не признал бы ее в качестве доказательства. Зеркальное изображение букв получилось таким расплывчатым, что они были едва различимы. Я предпринял вторую попытку, добавив тонера. Без толку. Теперь вся рука выглядела просто черной.

Что за нелепость: в наш век высоких технологий исполнению моего замысла препятствовало копировальное устройство каменного века! Требовался цифровой фотоаппарат. Немедленно. Возможно, у меня разыгралось воображение, но мне казалось, что уличающие преступника синяки уже немного поблекли. Если бы только моя семья была здесь! В мобильном телефоне Хейзл есть встроенная фотокамера. Однако, если бы я на глазах у мамы снял повязку, чтобы сфотографировать синяки, маму хватил бы удар.

У Мэй Деверо в ее домике Венди к компьютеру была подсоединена камера. Домик находился всего в нескольких минутах ходьбы отсюда, и я знал, где лежит ключ от него. От главного входа больницы видна улица Рододендронов. Можно прогуляться туда, быстро сделать несколько снимков и нырнуть в постель, прежде чем меня застукают. Мой отчасти затуманенный анестезией мозг счел этот план вполне разумным.

Я подпоясал халат, засунул пострадавшую руку поглубже в карман и двинулся в путь. Пройдя через дверь, я оказался в приемном покое. Все еще не до конца опомнившись после наркоза, я решил, что будет неплохо напевать что-нибудь себе под нос: это будет выглядеть естественно и уж определенно не повредит. К несчастью, в голове у меня шумело, и я пел, как человек в наушниках, то есть не слыша самого себя, перевирая мелодию и отнюдь не тихонько.

— «Где вы, чаровницы, которых я любил? — заливался я. Это любимая песня папы, он часто слушает ее через CD-плеер на кухне. — Ах, как жаль, что лица ваши я забыл...»

На моем пути возникла медсестра и крайне нелюбезно уставилась на меня. Так смотрят на слизняка, вылезшего из канализационной трубы и оставляющего за собой липкий след.

— Прошу прощения, Хулио, — сказала она, уперев руки в боки. — Если не возражаешь, убавь громкость. В этой больнице есть новорожден-

ные. Не хочется, чтобы первые звуки, которые они услышат, напоминали жуткий вой. Нам могут предъявить иски.

Услышать такое было больно. Правда, у меня и без того все болело.

— Конечно, сестра. Прошу прощения. Меня иногда заносит.

— Вот-вот, и если ты сейчас же не возьмешься за ум, тебя еще и пронесет! А теперь проваливай, и чтобы ни звука, а не то я поставлю тебе градусник, и это, поверь мне, тебя не обрадует.

Эта угроза сопровождалась такой злобной улыбкой, что перспектива измерить температуру вдруг показалась мне настоящим кошмаром. Я юркнул в зал ожидания и сделал вид, что страшно заинтересовался журналом «Прекрасный дом».

— Из-за чего ты здесь? — спросил мужчина рядом со мной, по лбу которого тянулся неровный шов.

— Ноготь врос, — ответил я, решив, что он шутит.

Что ни говори, мои повреждения так и бросались в глаза.

— А-а, — протянул он. — Больно, наверное?

— Да. Жуть.

Убедившись, что сестра ушла, я прошмыгнул через переднюю дверь, проявив невиданную для человека с вросшим ногтем прыть.

Видимо, стояла уже глубокая ночь, потому что на улице не было ни единой машины. Я рванул вперед и прислонился к столбу ворот на улице Рододендронов. Надежда, что свежий воздух взбодрит меня, не оправдалась. Напротив, я почувствовал головокружение и тошноту. «Не нужно торопиться, — предостерег я себя. — Это непрофессионально».

Ворота дома Мэй оказались открыты. Я прокрался во двор, держась травянистых участков, чтобы не хрустеть гравием. Учитывая отупение после наркоза, такая предусмотрительность была с моей стороны просто подвигом.

По голове забарабанили брызги воды из фонтана; это было приятно. Надо думать, его починили. Чувствовалось, что вода свежая, и я открыл рот, ловя капли.

И тут заметил в окне верхнего этажа темный силуэт. Даже в своем одурманенном состоянии я не сомневался, что это не Мэй и не ее отец — если только со времени нашей последней встречи кто-то из них не успел отрастить бороду.

Я разволновался. А вдруг это тот же человек, что напал на меня? Может, теперь он подкарауливает следующую жертву? Сердце мое бешено заколотилось.

Кто этот таинственный бородач и что он делает в доме Деверо? Прятаться в кустах было слишком поздно. Я стоял в озере лунного света,

посреди площадки из светлого гравия. Оставался единственный подход: лобовая атака.

— Кто вы? — закричал я, чувствуя, как каждое слово отдается колокольным звоном в моей многострадальной голове. — Что вы здесь делаете?

Темная фигура прижалась к стеклу, расплющив по нему бороду.

— Если с головы Мэй упадет хоть волос, знайте, я найду вас! — пригрозил я.

Окно со скрипом распахнулось, и дребезжащий голос произнес:

— Если ты ищешь Мэй Деверо, то она живет рядом.

Оказывается, я ошибся домом.

Я робко ретировался, втянув голову в плечи, как будто это могло помочь укрыться от любопытных взглядов. Увы, моя маленькая прогулка перестала быть секретом. Я не сомневался, что, стоит мне выйти за ворота, человек в окне бросится к телефону и примется названивать в полицию. Пройдет всего несколько минут, и парни в синей форме отволокут меня обратно в больницу. Надо торопиться.

Я бросился к соседним воротам, стараясь двигаться как можно плавнее. Головокружение усилилось, и больше всего на свете мне хотелось улечься прямо под розовым кустом и немного

вздремнуть. Мне даже чудилось, что, заснув здесь, я каким-то чудом проснулся бы в собственной постели.

Ладно, еще несколько минут, и можно будет отдохнуть. Зафиксирую улику — и баиньки. Две минуты, не больше.

Наверное, мне и впрямь хватило бы двух минут, если бы кое-что не привлекло мое внимание. На стене дома Мэй плясали оранжевые отсветы. Где-то поблизости горел огонь. Охваченный недоумением, я свернул за угол.

Я услышал треск пламени раньше, чем увидел его. Черный дым заволакивал сад, поднимаясь густыми клубами от костра рядом с домом Венди. Шатаясь, я подошел поближе, пытаюсь разглядеть, что горит. Но увидел лишь кусок рукава, в котором отсвечивали золотистые нити.

Внезапно вспыхнувшее воспоминание заставило меня в ужасе открыть рот. В ирландском танцевальном костюме Мэй тоже поблескивали золотистые нити! Неужели же там, в огне...

— Пожар! — завопил я. От крика моя голова чуть не лопнула, и боль заставила меня рухнуть на колени прямо посреди роз, однако я крикнул снова: — Пожар!

На этот раз противоестественное сочетание боли с наркозом заставило меня вырубиться в считанные мгновения.

Очнувшись, я обнаружил, что каким-то образом оказался ближе к костру. Я был живой, но, судя по ощущениям в многострадальном черепе, едва-едва. Пошатываясь, я поднялся и заковылял к боковой двери дома Деверо, моля бога, чтобы на мой стук вышла Мэй, а не ее отец.

Решив проверить, на месте ли носовая шина, я обнаружил, что держу в руке какой-то почерневший стержень.

«Представляю, что у меня за вид», — мелькнула мысль.

И тут садовая изгородь обрушилась на меня, похоронив под собой.

ГЛАВА 6

ДУРНАЯ СЛАВА

Когда я очнулся в своей больничной палате, старший инспектор Фрэнсис Куинн листал журнал «Путь женщины», который явно взял со стойки в приемном покое.

— Экая крепенькая, розовенькая... — бормотал он.

Внешне инспектор был вылитый бульдог, разве что был начисто лишен обаяния, свойственного этим собакам. Взгляд его черных, глубоко посаженных глаз был цепким, как бульдожья хватка, а когда инспектор говорил, его толстые щеки и двойной подбородок сильно колыхались. Умом я понимаю, что это вряд ли возможно, но мне всегда казалось, что между инспектором и его женой, директрисой Куинн, есть определенное родственное сходство.

Несмотря на серьезность моего положения, разум мой, похоже, все еще пребывал в мире грез,

потому что мне вдруг начало мерещиться всякое. Так, в руке Куинна откуда-то взялся трезубец. Это грозное оружие очень подходило к его внешности.

— Ты грешник, Мун! — взревел инспектор. — Теперь ты мой, и я буду поджаривать твою душу на адском вертеле до скончания времен!

Под моей больничной койкой разверзлась огромная огненная яма.

— Воображаешь себя несгибаемым? — продолжал Куинн. — У нас тут найдется пара парней, которые скатают тебя в мяч и сыграют тобой в хёрлинг. А когда им надоест, я сотру твою душу в порошок и швырну ее собакам.

И мы стали проваливаться вниз, вниз, вниз, и в ушах моих грохотал демонический хохот старшего инспектора Фрэнсиса Люцифера Куинна.

Ну да, да. Готов признать, что не все из этого произошло на самом деле.

— Флетчер! — закричал инспектор, возвращая меня к реальности, куда я определенно не стремился. — Ты меня слышишь?

Я приподнялся на локтях.

— Да... О боже, с Мэй все в порядке?

Куинн сосредоточенно нахмурился.

— Конечно. Правда, она лишилась костюма, но папа запросто купит ей новый.

Костюм! У меня отлегло от сердца. Так это был всего лишь костюм!

— Хорошо. Это прекрасная новость. Вы схватили поджигателя?

Куинн повертелся в кресле, широко расставив ноги.

— Полагаю... да. Мы схватили его.

— И кто же он?

Двое маячивших у двери полицейских недоуменно переглянулись. В конце концов инспектор ответил:

— Я вижу его перед собой.

Вроде бы ничего сложного, но до меня не дошло.

— Что?

— Поджигатель. Я вижу его перед собой. Мы все видим, кроме тебя.

Значит, все в палате видят поджигателя, кроме меня... Следовательно, поджигатель в палате... И этот поджигатель...

— Ох, секундочку!

Куинн уперся подбородком в сложенные руки.

— Смотрите внимательно, парни. Отрицание века, вот что сейчас будет происходить.

Я замер в постели.

— Поджигатель? Я?

— О! Признание. Слишком просто.

Куинн раскурил толстую сигару, с шумом втягивая дым.

— Я невиновен, — заявил я.

— Может быть, — согласился Куинн. — Но я не могу игнорировать факты. На месте поджога был обнаружен известный любитель лезть не в свое дело, с дымящимся факелом в руке. Очевидно, в твоём замутненном сознании возникла мысль, что Мэй ответственна за вчерашнее нападение на тебя. Вот ты и решил отомстить. Тебе сильно повезло, парень, что никто не пострадал.

Моя жизнь. Что с ней будет?

Я позволил себе произнести всего четыре слова:

— Я требую своего адвоката.

На самом деле у меня нет адвоката. Откуда ему взяться, мне же всего двенадцать! Но я подумал, что, может, Куинн малость сбавит обороты, узнав, что вот-вот сюда явятся мои законные представители. Конечно, он не должен был разговаривать со мной в отсутствие родителей.

Они появились пять минут спустя и выглядели не очень-то жизнерадостно. Если быть более точным, они выглядели ужасно расстроенными и взбешенными одновременно. Мама уверяла, что все будет в порядке, при этом нежно сжимая

носок моей ноги — единственную часть тела, которая не болела после «ареста». Папа метался по палате, грозя разнести на части все вокруг, включая меня и мебель.

— Забудь, что я говорил раньше! — заявил он. — С этого дня любые расследования под запретом. Твоя лицензия аннулирована. Тебе ведь двенадцать лет, Флетчер! Когда ты наконец станешь вести себя как все нормальные дети?

Услышать такое было больнее, чем пощупать сломанный нос. Я знал, что я немного не такой, как все, но никогда не думал, что я ненормальный.

— Я веду себя нормально, — прошептал я. — Как могу. В спорте мне все равно ничего не светит.

Папа перестал метаться.

— Я не это имел в виду. Я не хочу, чтобы ты был как я. Оставайся собой. Но разве это невозможно без плаща и кинжала?

Мама дернула меня за палец ноги.

— Хватит, Флетчер. Пообещай нам, что забудешь об этом идиотском расследовании.

Я открыл рот... но ничего не сказал. Как обещать то, чего не можешь выполнить? Я должен понять, что произошло. Любопытство снесло меня. Расследование не выходило из головы.

Меня спасло появление семейного адвоката, Терри Мэлоуна. Он составлял для нас всякие

документы, которые я потом проверял на предмет ошибок. Если бы Терри был адвокатом Санта-Клауса, тот получил бы несколько пожизненных заключений за незаконное проникновение в чужое жилище.

— Ну, начнем, — заявил Терри, включив магнитофон. — Расскажи нам все по порядку, с самого начала.

Я вздохнул.

— Прошлой ночью на меня напали в саду. У меня возникла версия, что виновник — Ред Шарки, и я отправился к дому Мэй, чтобы сфотографировать улику.

— Какую?

— Синяки на моей руке, в которых можно было прочесть его имя. Только оно отпечаталось задом наперед.

Терри выудил из кармана твидового пиджака фотоаппарат.

— Можно взглянуть на эти синяки?

У мамы чуть не подогнулись колени.

— Конечно нет! — пронзительно закричала она. — Они же под повязкой!

— А-а, — разочарованно протянул Терри. — Тогда зачем ты решил поджечь костюм Мэй? У тебя склонность к пиромании?

— Ничего я не поджигал, — тут же возмутился я.

— Конечно нет, дорогой. — Мама похлопала адвоката по плечу. — С какой стати вы спрашиваете об этом, Терри?

— Вы же знаете этих полицейских, — простодушно ответил он. — Они оспаривают каждый пункт. Кроме того, я хотел бы услышать от Флетчера правду.

— Я и говорю правду! — глубоко задетый, воскликнул я.

— В таком случае, зачем ты хулиганил у соседских окон?

— Я ошибся домом.

— Неужели ты рассчитываешь, что кто-то поверит, будто ты не сумел найти дом, где был всего лишь день назад?

— Было темно. Около обоих домов есть фонтаны.

Это прозвучало как жалкая, слезливая попытка оправдаться.

— Ладно... — Терри вздохнул. — Пошли дальше. Как ты объяснишь тот факт, что тебя нашли рядом с костром, с факелом в руке?

Меня и самого терзал этот вопрос.

— Наверное, он подтащил меня туда.

— Кто?

— Настоящий поджигатель. Поверьте, мистер Мэлоун!

Даже я сам слышал в своем голосе виноватые нотки.

— Ладно, ладно, — успокаивающе проговорил адвокат. — Ну, поджигатель подтащил тебя к костру. И дальше что?

— Потом он вложил факел мне в руку и оставил меня до прихода полиции.

Терри просмотрел свои заметки.

— Это в точности то, что ты говорил мне по телефону. По крайней мере, отклонений от прежней версии нет. Ты не представляешь себе, сколько клиентов не в состоянии повторить одну и ту же историю дважды.

— Это не история, это правда.

Терри умудренно улыбнулся.

— Будь у меня пенни...

Болезненная пульсация в моей голове резко усилилась.

— Дело рассыплется, — сказал я. — Никаких реальных доказательств у них нет.

Терри вздрогнул.

— Если не считать мотива, средств, возможности, отпечатков пальцев и ДНК.

— Чего вы хотите, Терри? — вспыхнул я. — Скажите, и я все сделаю. Хотите, чтобы я достал из носовой шины кролика, который будет свидетельствовать в мою пользу? Или, по-вашему, я могу отмотать время назад, чтобы мы могли посмотреть, как все происходило? Это вас устроит?

Стыдно признаться, но, произнося эту пламенную речь, я неудержимо смеялся. Не просто

ДУРНАЯ СЛАВА

хихикал, нет. Это был громкий, долгий, завывающий хохот. Когда я пришел в себя достаточно, чтобы, пряча лицо в ладонях, украдкой взглянуть на Терри сквозь щелку между пальцами, на его лице было незнакомое мне выражение.

— Умопомешательство, — сказал он уважительно. — Умно.

ГЛАВА 7

ПОБЕГ

Несколько дней я терпел подозрительные взгляды медсестер, а потом наконец доктор Брендан снял с меня шину.

— Рентгеновский снимок подтверждает, что сотрясения мозга нет, — объявил он. — Видел в кино, как плохие парни делают котлету из хороших парней?

— Я видел, — вмешался сержант Март Хориган, приехавший, чтобы забрать меня из больницы.

— Вот именно это и случилось с Флетчером.

Март покатился со смеху, ему даже пришлось сесть на стул. В отличие от него, я не нашел в шутке доктора ничего остроумного. С другой стороны, я ведь ее уже слышал.

Они усадили меня в инвалидное кресло и покатали по коридору больницы. Проезжая сквозь строй любопытствующих врачей-практикантов

и медсестер, я чувствовал себя Ганнибалом Лектером*. До меня доносились их перешептывания типа: «Главное — держать спички от него подальше».

Я был счастлив покинуть больницу, даже ради допроса в полицейском участке.

Родители согласились на проведение официального допроса при условии, что на нем будут присутствовать они сами и Терри Мэлоун. После этого допроса инспектор Куинн должен был решить, достаточно ли доказательств, чтобы передать мое дело в прокуратуру. Я рассчитывал, что вся эта кутерьма продлится не дольше пары часов.

Полицейская машина была припаркована на больничной стоянке рядом с главным входом. Я перебрался из кресла на заднее сиденье, и Март рванул с места, нетерпеливыми гудками прогнав с пешеходного перехода вереницу престарелых пациентов.

По пути мы промчались по улице Рододендронов, мимо дома Мэй. Она не приходила в больницу навестить меня. Да и с какой бы стати? Наверное, она решила, что я ненормальный, раз ни с того ни с сего взял и сжег ее танцевальный костюм. Но даже если она в это не поверила,

* Ганнибал Лектер — доктор-людоед, серийный убийца, герой фильма «Молчание ягнят».

наверняка отец велел ей вычеркнуть меня из списка своих знакомых.

— Знаешь, Джордж Монтгомери подал жалобу, — бросил Март через плечо.

— Кто?

— Полковник Джордж Монтгомери. Человек, чье окно ты разбил. Это он позвонил Куинну, едва увидев тебя у своего дома.

Я застонал.

— Я же объяснял! Мне показалось, что я в...

— Да-да, в саду Мэй Деверо. Что происходит, Флетчер? У тебя что, этот, как его, переходный возраст? Бунтуешь?

Я выпрямился на сиденье.

— Нет. Конечно нет. Все это ошибка. Ред Шарки напал на меня. И костер, скорее всего, тоже он разжег.

— Ред Шарки. Все правильно. Мы допросили его. Родные утверждают, он всю ночь провел дома. Более того. Отец Шарки потребовал защитить Реда, если ты и дальше будешь преследовать его. Что касается нападения, мы нашли клюшку Реда в соседнем с вашим саду. Если подтвердится, что кровь и отпечатки пальцев принадлежат Реду, тогда, возможно, нападение удастся повесить на него. Однако костер разжег ты, на это указывают все улики.

В моем сломанном носу возникла болезненная пульсация.

— Это нелепо, сержант. Вы же знаете меня. Неужели вы верите во все это?

Март пожал плечами.

— Какая разница? По мнению Куинна, все ясно. Он уже переслал твое дело в прокуратуру.

— Это нечестно! — взорвался я. — Он же должен был дожидаться допроса.

— Ну, инспектор жаждет повышения. Не волнуйся, Флетчер, еще не все потеряно. Я так легко не отступлюсь и не брошу своего лучшего гражданского консультанта. — Внезапно он склонил голову на бок и принюхался. — Чуешь запах?

Спустя несколько мгновений я тоже почувствовал вонь. В салон проникли клубы черного дыма.

— Маслопровод, по-моему, — предположил Март, снова принюхавшись. — Где-то подтекает, и масло попадает в двигатель.

— Это опасно? — спросил я.

— Очень, — небрежно бросил он. — Весь двигатель может разнести.

Он съехал с проезжей части и припарковал машину на тротуаре.

— Все на выход.

Март открыл дверцу и усадил меня на тротуар на расстоянии метров двадцати от машины. Дым, валивший из-под капота, окутал весь автомобиль.

Март подмигнул мне.

— Полагаю, я могу доверять тебе. Ты ведь не сбежишь?

Я едва не рассмеялся — у меня едва хватало сил, чтобы стоять, а уж бежать...

Дым стал еще гуще и плотнее, но это, похоже, ничуть не обеспокоило Марта. Подворачивая рукава, сержант шагнул прямо в центр облака. Конечно, ему же не привыкать: каждый день он подолгу торчит в комнате для допросов, где дым стоит коромыслом...

Мне даже в голову не приходило сбежать из-под надзора полиции. Такого просто не случилось в Локке с тех пор, как преподобный Гэннет Рош буквально вырвал из исправительной школы молодого Билла по прозвищу Убойный Удар, чтобы тот мог сыграть в финале чемпионата графства по хёрлингу.

Погрузившись в невеселые думы, я заметил велосипед, лишь когда он затормозил и остановился прямо передо мной. Подняв взгляд, я увидел велосипедиста в полосатом вязаном шлеме, закрывавшем лицо.

— Давай на багажник, Минимун, — сказал он очень знакомым голосом.

— Шарки! — вырвалось у меня.

— Может быть, — ответил он.

Я сгреб из водосточного желоба несколько кусочков гравия и бросил в него. Камни со звоном проскочили между спицами.

Ред стянул шлем.

— Вот и помогай после этого людям.

— Ничего себе помощь! — Я был настолько возмущен, что даже позабыл испугаться. Ну, почти позабыл. — Ты напал на меня! Ты разжег костер в саду Мэй. Сейчас сухо, огонь мог быстро распространиться...

Ред спрыгнул с велосипеда, ударом ноги выдвинув подножку, и навис надо мной.

— Послушай, Минимун. Я слышал о буквах на твоей руке, но клюшку у меня украли, понял? Кто-то хотел меня подставить. То же самое произошло и с тобой. Кишка у тебя тонка развести костер в саду.

— Спасибо.

— Не стоит благодарности. Это не комплимент.

— Я так и понял.

Со стороны машины плыли клубы дыма и слышалась ругань Марта.

— Нужно драпать, — настойчиво повторил Ред.

Однако он по-прежнему не убедил меня.

— Как я могу тебе верить? Что я до сих пор от тебя слышал? Только угрозы и оскорбления. История всей твоей семьи — это воровство, мошенничество и нападения.

Ред бросил взгляд в сторону полицейского.

— Выброси все это из головы, Минимун. Если вернешься к нему в машину, твоя песенка

спета. И на твоём расследовании можно поставить крест. А тот, кто впутал нас во все это, выйдет сухим из воды.

— Нас? — повторил я.

Ред закатил глаза.

— Боже милосердный, я спасаю попугая! Да, нас. Тебя, меня, Эйприл, Мэй. Нас.

Вопреки одолевавшей меня слабости и неуверенности, во мне снова начало пробуждаться любопытство. Да, этот человек угрожал мне, но, если я окажусь в полицейском участке, меня обвинят в поджоге, а настоящий преступник уйдет безнаказанным. И если бы Ред действительно разжег костер, с какой стати он стал бы спасать меня, когда все указывает на мою вину? Этот вопрос требовал немедленного ответа.

— Почему, Ред? Почему ты хочешь помочь мне?

Он опустил глаза.

— Совесть замучила. Я ведь тогда чуть не придушил тебя своей клюшкой. Занесло меня на повороте.

Это, конечно, звучало очень благородно и все такое, но я подозревал, что была и другая причина.

— И? — спросил я.

— И если на меня повесят нападение на тебя, на этот раз я уж точно окажусь за решеткой. Оно мне надо? — И снова, как тогда на спорт-

площадке, во взгляде Реда мелькнула затаенная боль. — Я хотел жить по-человечески, а вон оно как оборачивается. Не нарывайся на неприятности, думал я, и все будет как надо. Но Шарки, похоже, притягивают неприятности как магнитом. Ты впутал меня во все это. Значит, тебе нас обоих и выручать. Ты же детектив.

Интуиция подсказывала, что Ред говорит правду, но, прежде чем довериться ему, я должен был обсудить еще кое-что.

— Если я детектив, мне нужен значок.

Некоторое время Ред пристально разглядывал муравья на шоссе, потом вытащил значок из кармана и бросил его к моим ногам.

— Извини, — сказал он, по-прежнему глядя в землю. — У меня тогда в голове помутилось. Не стоило брать его. В смысле, ты ведь был прав. Ирод действительно украл органайзер, хотя и не признался в этом.

Я поднял значок и потерял его о рубашку. От одного прикосновения к значку на душе у меня полегчало и я перестал чувствовать себя дураком.

Поодаль на дороге Март Хориган обнаружил, что кто-то сунул промасленную тряпку в его двигатель. Скомкав тряпку в шар, он бросил ее на землю. Первой мыслью Марта было, что это просто бессмысленное озорство. Второй — что за всем этим кроется чей-то умысел.

Он высунул голову из дыма и посмотрел, как дела у его подопечного.

— Эй, кого это там принесло?

Ред натянул шлем.

— А может, унесло?

Март рванул к нам, тяжело топая по мостовой.

— Последний шанс, Минимун, — сказал Ред. — Так как, ты просто трепался, что ты детектив, или в самом деле смыслишь в этом деле?

— Ни с места, Флетчер! — охрипшим от дыма голосом закричал Март.

Ред ударом ноги убрал подножку.

— Спорю, твое дело уже ушло в прокуратуру. Спорю, как раз сейчас родительский комитет обсуждает, как уберечь школу от твоего вредного влияния. Сам знаешь, они всегда так делают.

Все происходило слишком быстро. Лично я предпочитаю делать выводы и принимать решения не торопясь. Прав ли Ред? Я нервно сгибал и разгибал пальцы, чувствуя, как пульсирует боль в носу. Да, все так, как говорит Ред.

Он сердито смотрел на меня сквозь отверстия шлема-маски.

— Я не делал этого, Минимун. Да, я взял твой значок, извини. Но я никогда не нападал на тебя и не разжигал костер в саду Мэй. — Ред протянул мне руку. — Тут кроется какая-то тай-

на, Минимум. И я знаю, только ты можешь разгадать ее.

Тайна. Волшебное слово, противиться которому я не мог. Я принял руку Реда, и он закинул меня на багажник, словно кавалерийский офицер, спасающий раненого товарища с поля боя на крупе своего коня.

Я вцепился в Реда, а он налег на педали, развивая скорость, которая позволила бы оторваться от Марта Хоригана. Каждый ухаб дороги отдавался болью в моем несчастном носу.

— Ах вы, бездельники! — прохрипел Март. — А ну живо назад, а то неприятностей не оберетесь!

«Неприятностей не оберетесь». Эта фраза звучала в моих ушах еще долго после того, как хриплый крик Марта затих в отдалении. Я только что сбежал из-под надзора полиции. Да уж, теперь и впрямь неприятностей не оберешься. Придется расплатиться по полной программе.

ГЛАВА 8

В ЛОГОВЕ ШАРКИ

Ред поехал кружной дорогой: мы долго катили через какие-то поля, пересекли ручей и только потом свернули к дому Шарки. К тому времени, когда мы добрались до «Шале Шарки», солнце окрасило облака оранжевым цветом и те, кому меньше десяти, уже лежали в постелях.

«Шале Шарки» — самый знаменитый дом в юго-восточной части города. Когда-то он принадлежал американскому кинорежиссеру Уолтеру Стаффорду, а тот проиграл его в покер деду Реда. Годы шли, вокруг возводились новые здания, один лишь этот старый дом в тюдоровском стиле оставался прежним. Даже обветшав, он смотрел свысока на обступившие его жилые муравейники, похожие друг на друга, как близнецы.

— Земля здесь, должно быть, стоит кучу денег, — пробормотал я, когда Ред перестал кру-

тить педали и направил велосипед к заднему двору.

Ред пожал плечами, что опасно при езде на мотоцикле.

— Может быть. Папа никогда его не продаст. Мама любила этот дом.

Мать Реда умерла четыре года назад. Я до сих пор помню день, когда ему в столовой сообщили эту новость. Ред выслушал и продолжал поедать свои сэндвичи. Покончив с последним, он смял фольгу и бросил ее в мусорную корзину. После этого мы три месяца не видели его. Насколько мне известно, никто никогда не расспрашивал Реда о его переживаниях. Можно было нарваться на неприятности. Он не из тех, кто склонен открывать душу первому встречному.

Мы слезли с велосипеда во дворе. Двор был вымощен брусчаткой, но многих камней не хватало, и во все щели пробивалась трава. С десяток котов, завидев нас, зашипели и выгнули спины. Задняя дверь была массивная, выкрашенная в черный цвет. По краям краска облупилась, и там можно было разглядеть разноцветные полоски более древних слоев. Эти слои копились на протяжении целого столетия.

Ред прислонил велосипед к стене и плечом толкнул дверь. Шлем он так и не снял. Похоже, Реду в нем было вполне удобно. Как будто он

далеко не в первый раз надевал этот шлем. Однако потом Ред все же стянул его.

— С отцом я пока ничего не обсуждал, Минимун, — сказал он. — Так что не попадайся ему на глаза, пока я с ним не поговорю.

— Не попадаться на глаза? А я-то думал, у тебя есть план.

— Был, первоначальный. Побег. Я рассчитывал, что остальное ты придумаешь, умник.

— Меня зовут Флетчер, Ред.

— Да что ты говоришь! А меня?

Я попытался вспомнить, но тщетно. Я не знал, как его на самом деле зовут. С самых яслей он был Редом*.

Ред подмигнул мне с таким видом, словно добился своего. Я понятия не имел, чего именно он добивался, но, судя по выражению его лица, он получил то, что хотел.

Мы крадучись стали пробираться в глубь дома. Потолки были высокие, как часто бывает в старинных домах. Выцветшие от времени обои поверху тут и там отклеились и нависали над головой, словно полог тропического леса. Ред втолкнул меня в чулан.

— Сиди здесь, пока я не приду за тобой, — прошептал он. — Тут в углу есть постель. Лам-

* Реда прозвали так из-за цвета волос. «Ред» (red) по-английски — красный, рыжий.

почка перегорела, но это не страшно, поскольку все, что от тебя требуется, это думать. — Он вручил мне мобильный телефон. — Вот, возьми. Звонить в кредит нельзя, но можешь послать сообщение. Номер не определяется, так что ответить тебе никто не сможет.

Дверь медленно закрылась, и я остался один в темной каморке, в доме человека, которому, возможно, не стоило доверять. Внезапно меня охватила паника. Что я наделал? Сбежал и пытаюсь спрятаться в логове льва!

Я лежал на постели, чувствуя, как болят и ноют все пострадавшие места. Меня, конечно, напичкали болеутоляющими средствами, и они по-прежнему циркулировали в крови, но от них лишь клонило в сон. Держа экран телефона перед глазами, словно свечу, вялыми пальцами я набрал короткое сообщение:

ХЗЛ, СО МН ВСЕ ХОР.
СКАЖИ М + П НЕ БЕСП.
СКОРО ДОМА.
ДОЛЖ НАЙТИ ПОДЖИГ.
ЛЮБ ВАС ВСЕХ. ФЛЕТЧР.

Я переслал сообщение на мобильный Хейзл и выключил телефон. Что со мной происходит? Разве так ведутся расследования? Детектив должен сидеть в офисе, склонившись над письменным столом и исследуя улики. Так, по крайней

мере, пишет в своем руководстве Бернстайн. Однако руководство и реальный мир — далеко не одно и то же. Здесь и сейчас я находился в реальном мире и летел в пропасть, понятия не имея, какова ее глубина.

Я швырнул телефон через всю комнату, закрыл глаза и так долго не открывал их, что в конце концов крепко заснул. Мне снилось бушующее пламя и сломанные кости.

Проснувшись, я почувствовал солнечные лучи на лице. Тепло — это было приятно, и я просто лежал, наслаждаясь этим ощущением. Наконец-то у меня выдалась минута покоя и умиротворения, когда можно обдумать свое расследование,...

Что-то потянуло меня за палец ноги. Я открыл глаза и увидел маленького грязного парнишку, стягивающего с меня ботинки. Миниатюрную копию Реда, такую же огненно-рыжую и щуплую. Это был Ирод — и, по-видимому, еженедельная ванна предстояла ему как раз сегодня.

— Что ты делаешь? — проворчал я.

Ирод бесстрашно уставился на меня.

— Ты умираешь. Зачем тебе ботинки?

— Я не умираю. Убирайся!

Ирод выпрямился во весь рост, и все равно его шевелюра лишь чуть-чуть возвышалась над уровнем матраса.

— Сам убирайся. Это мой дом. Лютики помнишь?

Я вырвал у него ботинок.

— Не волнуйся, уберусь. И в следующий раз, когда будешь прятать добычу, смотри под ноги.

Я медленно сел и с удивлением обнаружил, что это движение не отозвалось в голове сколько-нибудь заметной болью. Правда, когда я разглядел убранство комнаты, стало ясно, что, проторчи я тут подольше, и головная боль вернется. Покрывало кто-то сшил из множества разноцветных и блестящих лоскутков. Стены были выкрашены в тот особенный, ярко-зеленый цвет, который ассоциируется с Карибским морем, а занавески сделаны из чего-то вроде металлической фольги.

При дневном свете мое вчерашнее бегство выглядело сущим безумством. Зачем надо было удирать? Полиция наверняка прислушалась бы к голосу разума. В конце концов, я был приличным учеником из приличной семьи. «Вот именно, *был*», — напомнил я себе. Я бросил школу, бросил семью — только ради того, чтобы разгадать тайну. И теперь мне волей-неволей придется ее разгадывать, иначе я не смогу вернуться к своей привычной, спокойной, уютной жизни.

— Ты сказал, что уйдешь? — спросил Ирод, кусая бородавку на пальце.

— Не волнуйся. Уйду совсем скоро. Мне просто нужно поговорить с Редом. Где он?

Мальчишка ткнул пальцем себе за спину.

— На кухне. Они ждут тебя. Все трое.

Живот моментально скрутило. Клан Шарки ждет меня, и вряд ли с шоколадом и круассанами.

Следом за Иродом я покинул комнату и пошел по коридору в глубину дома, с каждым шагом словно бы все больше отдаляясь от собственного мира.

Из темного коридора мы вышли в светлую кухню с облицованными плиткой стенами. Шарки сидели за большим сосновым столом, поглощая внушительные порции сосисок и бекона. Я стоял очень тихо, и одно счастливое, хотя и недолгое, мгновение никто не замечал меня.

Потом Ирод шумно откашлялся, и три головы, словно башни танков, повернулись в мою сторону. Я узнал их. Я прочел все файлы касательно этих людей. Никто не улыбнулся.

Ред подмигнул мне, явно желая подбодрить, однако от меня не укрылось, что он нервничает.

Разумеется, за столом присутствовал и Папаша Шарки, огромный, коренастый, заросший жесткими волосами до самых глаз. Его полицейское досье было толщиной со ствол баобаба. За Шарки-старшим числились все мыслимые нарушения, от мелких биржевых спекуляций до браконьерской добычи омаров.

Третьей была старшая сестра Реда, Джини. Поразительно красивая, огненно-рыжая, как все Шарки, и страдающая полным отсутствием вку-

са в одежде. Раньше она выступала в местных клубах с девичьей рок-группой под названием «Шарки атакуют». Они даже пользовались успехом — до тех пор, пока Джини не стукнула одного из поклонников микрофоном, выбив ему четыре передних зуба.

— Доброе утро, — проблеял я.

Папаша встал. Он был такой высокий, что в поле моего зрения остались лишь его живот и борода.

— Это он и есть? — прогудел Папаша своим вкрадчивым голосом.

— Да, папа, — кивнул Ред. — Это Минимум. В смысле, Флетчер Мун.

Папаша возвышался надо мной, покачивая головой с таким видом, словно не верил своим глазам.

— И этот жалкий червяк расследует дело, связанное со *мной*?

Ред вскочил и дернул отца за рукав.

— Это не настоящее расследование. Это, скорее, игра в расследование.

И подмигнул мне, как бы говоря: «Не спорь!»

— Это правда? — спросил Шарки-старший. — Игра в расследование?

— Да, — ответил я... и почувствовал, как значок в кармане врезается мне в бедро. — То есть нет. Это настоящее расследование. У меня есть значок. И если бы я был на вашем месте и знал,

что я веду это расследование, я бы забеспокоился.

Папаша нахмурился:

— Ну, если бы ты был на моем месте и расследовал мое дело, то гонялся бы за самим собой.

Это замечание сопровождалось таким взрывом лающего хохота, что заставило бы стаю волков удрать без оглядки. Ред тоже засмеялся, с облегчением. Я попытался захихикать, но получилось что-то вроде писка, отдаленно напоминающего азбуку Морзе.

Хохот Папашы умолк, но призрак смеха остался. Папаша не видел во мне угрозы. Я ничего не имел против. Большинство взрослых совершают эту ошибку.

— Садись, — прогудел он.

Я сел.

— Голоден? — спросил он таким тоном, что было непонятно, то ли он хочет накормить меня, то ли съесть.

— Половина грейпфрута меня бы вполне устроила.

Джини навалила полную тарелку жареных свиных сосисок и запустила ее по столу, словно фрисби. Тарелка закрутилась передо мной, обдавая брызгами жира.

— Э-э... но сосиски тоже подойдут. — Я попытался улыбнуться.

Пока я медленно ел, четыре пары глаз Шарки буравили мою макушку. Никто не произно-

сил ни слова, и мне казалось, что я чавкаю оглушительно, издавая примерно те же звуки, что фермер, хлюпающий по грязи в резиновых сапогах.

Какое-то время из-за этого мне кусок в горло не лез, но потом я осознал, что зверски голоден, а сосиски восхитительно вкусные. Я быстро уничтожил три штуки, причем третью умял вместе с ломтем хлеба.

— Много тебе не нужно, а? — спросил Папаша, когда я закончил.

— Простите, — промямлил я. — Последние дни я ел лишь то, что дают в больнице.

— Ага. Это там ты сказал полицейским, что мой сын напал на тебя.

— Так я тогда думал, — пробормотал я, глядя в тарелку.

Папаша сидел во главе стола, пристально глядя на меня из-под бровей, которые могли бы послужить навесом над крыльцом приличного коттеджа. Он снова был совершенно серьезен.

— А теперь?

— А теперь я думаю, что, скорее всего, нас обоих подставили. Реда с нападением, а меня с поджогом.

Папаша забросил в рот внушительных размеров сосиску и молниеносно проглотил ее, кажется, даже не прожевав.

— Не вижу, какое мне дело до всего этого, Минимун. Полиция подставляет нас годами, а

теперь, чтобы помочь мне выпутаться, вдруг за чем-то понадобился детектив-лилипут. Детектив-лилипут, заявляющий, цитирую, что история моей семьи — это сплошь воровство, мошенничество и нападения.

Я едва не подавился последним куском сосиски.

— Согласен, это звучит не очень-то лестно. В свою защиту могу лишь сказать, что на самом деле история вашей семьи — это воровство и мошенничество. Насчет нападений я был не прав.

Папаша ошетинился:

— Воровство и мошенничество?

Внезапно я почувствовал себя неуязвимым, как если бы все происходило во сне, а не на самом деле.

— Ну, был случай, когда Ред перед забегом скормил белый хлеб борзым Бирна, — напомнил я. Ред сдавленно хихикнул. От этого ему не отвертеться, даже если сейчас он пытается начать жизнь с нового листа. — Не говоря уж о том, как Ирод угнал машину с утками для гонок* во время карнавала у Треймора.

— Кря-кря, — вставил Родди.

* Утиные гонки — увеселение, популярное в самых разных уголках земного шара. Участники запасаются резиновыми утками, которых сплавляют вниз по реке. Выигрывает тот, чья утка волею случая приплывет к финишу первой.

— А Джини хотела пройти первое причастие, хотя ей еще нет восемнадцати.

Джини вздрогнула.

— Я и на будущий год буду пытаться.

— Заткнитесь, вы все! — рявкнул Папаша. — Этот парень начинает действовать мне на нервы.

Ред снова потянул отца за рукав:

— Пап, если с меня не снимут обвинение в нападении, я сяду. Да, мне частенько доводилось драться, но ни один Шарки не станет подкрадываться ночью, чтобы врезать такому хиляку, как Минимун. А Флетчер хоть и хилый, но ум у него острый как бритва. Он запросто вывел Родди на чистую воду, когда тот украл органайзер Беллы.

Ирод стукнул кулачками по столу, его лицо исказилось от злости, отчего он стал здорово смахивать на рыжую обезьяну.

— Не брал я эту дурацкую штуку! — взорвался он. — Минимун подставил меня.

Все Шарки засмеялись — ясное дело, за исключением Ирода.

— Конечно, подставил, — сказал Папаша. — Если бы каждый раз, когда ты говоришь это, я получал пенни, то уже мог бы купить Дублинский шпиль*, а на сдачу принимал бы ванну из

* Дублинский шпиль — конструкция из нержавеющей стали, высотой 120 м, установленная в 2003 году на О'Коннел-стрит. Самое высокое сооружение в Ирландии и самая новая ее достопримечательность.

пенни. — Папа взял еще одну сосиску и погрозил ею Реду. — Даю вам обоим двадцать четыре часа, чтобы поиграть в шерлоков холмсов. После этого Минимун отправится домой. Его родители небось с ума сходят. Не хватало, чтобы, кроме всего прочего, меня еще обвинили в покраже детей.

Я нахмурился. Двадцать четыре часа. Не слишком много, чтобы разобраться в таком сложном деле.

— Мне нужны мой компьютер и заметки.

— Нет проблем. — Взгляд Реда внезапно сделался виноватым. — Иди за мной.

Мы снова прошли по коридору и в конце концов оказались в спальне. В отличие от чулана, где я спал, эта комната была обставлена со вкусом. На самом деле...

— Это же мои вещи! — воскликнул я, прижимая к груди свое пуховое одеяло. — Вы обокрали мой дом!

— Я подумал, тебе понадобятся твои детективные причиндалы, — пожал плечами Ред. — Я велел Джини и Родди взять только компьютер, распечатки и записи, но они заодно еще кое-что прихватили.

Я взял настольную лампу.

— Никто не пострадал?

— Нет. Твои родители всю ночь искали тебя. Все прошло как по маслу.

Я ощутил пронзительный укол совести. Какую боль я причинил маме и папе!

— Я должен вернуться домой, — прошептал я.

Ред мягко взял у меня лампу.

— Через двадцать четыре часа, Минимум. Как только во всем разберешься.

— Как я могу разобраться? — в отчаянии воскликнул я.

Я чувствовал себя так, словно остался один на целом свете и все против меня.

Ред снова пожал плечами и зашагал обратно на кухню.

— Ты же детектив, Мун. Вот и работай.

Я поплелся за ним.

— Я даже не могу переступить порог этого дома. Меня тут же арестуют.

У Реда сделался такой вид, будто он знает ответы на все вопросы.

— У меня есть план.

— Какой еще план? — Внезапно я ужасно занервничал.

— На самом деле идея принадлежит Джини. Мы над этим всю ночь работали. Все просто. Ты становишься одним из нас. Шарки, понимаешь? Никому даже в голову не придет в этом усомниться.

Его план мне совсем не понравился.

— Не думаю, что из этого что-нибудь получится.

Джини внезапно принялась порхать вокруг меня, словно продавщица в магазине.

— Зря ты так думаешь, — заявила она. — Кстати, этот оттенок тебе очень даже идет.

— Какой оттенок?

Джини взяла меня за руку и подвела к зеркалу в человеческий рост. Я мимоходом отметил, что зеркало тоже было из моей спальни.

— Ты уже выглядишь как один из нас.

От ужаса у меня свело живот. Я не смел поднять взгляд.

— Взгляни же, — настаивала Джини. — Ты стал таким симпатягой...

Может, ее слова и подбодрили бы меня, если бы все вокруг не покатались со смеху.

— Ох, нет, только не это, пожалуйста, — залепетал я, разглядывая себя.

Пока я, накачанный болеутоляющими таблетками, спал мертвым сном, кто-то коротко остриг мои темные волосы, а то, что от них осталось, выкрасил в рыжий цвет.

И это было еще не самое худшее. С левого уха свисало большое серебряное пиратское кольцо. Джини покачала его наманикюренным ногтем.

— Знак качества, — сказала она. — Тебе идет.

Кожа моего лица тоже выглядела темнее обычного. Я попытался стереть краску, но без толку.

— Искусственный «голливудский» загар, — объяснила Джини. — Немножко неровно получилось, потому что у меня не было времени добавлять увлажнитель. Зато не смоемся по крайней мере неделю, а на локтях и коленях еще дольше. Может, несколько недель. На коробке написано, что не рекомендуется применять в области лица, но оно ведь у тебя не горит, правда? Так что все в порядке.

Нос по-прежнему сохранял припухлость. С учетом этого, а также рыжей шевелюры и смуглой кожи я стал другим человеком.

Джини закатала мне рукав и продемонстрировала татуировку на предплечье.

— Перестань, Минимун, — сказала она, когда я начал хватать ртом воздух. — Это всего лишь хна. Смоется через несколько недель.

Вывернув руку, я прочел, что на ней вытатуировано.

НЕ ЗЛИ МЕНЯ!

Вот что там было.

Счастье еще, что вторая рука оставалась в лубке, а то один бог знает, что Шарки бы с ней сотворили.

Пока я любовался на свое отражение, Ред встал рядом и приобнял меня за плечи.

— Помнишь, что ты сказал тогда, на спортивной площадке? Ты сказал, что легко мог бы вести такую жизнь, как я.

Я кивнул. Я помнил.

— Ну так вот тебе шанс доказать это. — Ред с улыбкой пихнул меня в бок. — Добро пожаловать в семью, Минимун.

Я не просто нарушил правила расследования — я, образно говоря, растоптал «Руководство», разорвал страницы на клочки и сжег их. Вместо того чтобы благоразумно держаться в стороне от расследуемого дела, я сам стал этим делом. Мое участие в нем в корне все меняло. Теперь от результата расследования зависело мое будущее. Это дело больше не было просто работой; оно стало моей жизнью.

Я пытался сосредоточиться на фактах, однако перед моим внутренним взором стояли лица убитых горем родителей.

«Двадцать четыре часа, — говорил я себе. — Двадцать четыре часа».

Если за сегодняшний день я не разберусь в этом преступлении, то до конца жизни останусь в глазах окружающих придурковатым парнишкой, который разжигает костры и корчит из себя детектива. И тогда я решил сделать то, что де-

лал всегда, когда жизнь становилась невыносима, — с головой погрузиться в свой ноутбук.

У Шарки был беспроводной Интернет. Нет, они его не устанавливали, а просто тайком подключились к каналу соседей. Я открыл свой интернет-браузер и начал работать с полицейским сайтом. Первым делом я скачал к себе все сентябрьские случаи, не имеющие отношения к Шарки. Дома я этого не сделал, потому что там на это потребовались бы часы; у меня был обычный модем, подключение шло через телефонную линию. С выделенкой я потратил меньше пяти минут.

Я бегло просмотрел файлы, выискивая что-нибудь необычное. Что-то такое, что взрослому показалось бы тривиальным. Я занимался этим уже около получаса, когда фраза «Дело о шоколаде» привлекла мое внимание. По меньшей мере, необычно. Я открыл файл и прочел следующее:

ПОДАТЕЛЬ ЖАЛОБЫ: МАУРА МОРНЕЙН. 18 ЛЕТ.
ПОЛ ЖЕНСКИЙ.

Я не прикасалась к шоколаду целую вечность. Шесть месяцев и три дня, это полгода. Секрет в том, чтобы всячески избегать его. В доме не было ни крошки. Я никогда не ходила в магазины одна, и как только по телевизору упоминали о шоколаде, мама застав-

ГЛАВА 8

ляла меня выходить из комнаты. В газете меня сфотографировали как худышку года.

Шоколад... Я воздерживалась от него. Избегала его. Потом однажды он просто появился. Я проснулась, а на подушке лежал «Марс». Я подумала, это сон. Закрыла глаза, но, когда снова открыла их, он никуда не подевался. Он был передо мной, словно шоколадный поцелуй, словно самое нежное «доброе утро» на свете. Я выпрыгнула из постели и поднялась наверх. Подумала, что это просто шутка. Может, младший брат развлекается. Отто любит пошутить. Однажды он привязал мою собаку к бамперу автомобиля. Так вот, мама выбросила батончик, но на следующее утро появился новый. И на следующее, и потом. Как будто ко мне по ночам залетали шоколадные феи. Но я сопротивлялась. Я держалась молодцом. Мама поменялась со мной комнатами, чтобы попытаться поймать с полочным того, кто подкидывает батончики «Марс». Я думала, на этом все и кончится, а потом однажды произошло вот что. Я сделала себе сэндвич. Ржаной хлеб, постная ветчина и обезжиренный майонез. Я ненадолго оставила его на столе, но, когда откусила — клянусь, всего десять секунд спустя, — вместо ветчины там был шоколадный сыр. Очень вкусно, даже с майонезом. С тех пор я подсела на эти сэндвичи. Хлеб, майонез и шоколадный сыр.

Внизу была приписка следователя:

Случай не срочный. Подать жалобу девушку заставила мать. Возможно, Маура сама подкидывала себе шоколад и придумала все это, чтобы избежать неприятностей.

Я, однако, отнюдь не был в этом уверен. Еще одна юная особа в Локке получила удар в свое слабое место. Список понемногу рос: Эйприл, Мэй, Ред, МС Кой, Маура Морнейн и, конечно, я. Тут явно крылся какой-то заговор. Я в этом не сомневался.

Шарки, надо полагать, слишком много смотрели телевизор. Ред, Родди и Джини собрались вокруг моего компьютера в надежде, что мне достаточно нескольких ударов по клавишам и умного вида, чтобы распутать этот клубок.

— Мне нужно выйти наружу, — сказал я.

— Я собрал для тебя кое-какую свою старую одежонку, — заявил Ред и отправился в спальню.

Джини была разочарована.

— Ты не хочешь даже набросать общую картину? — спросила она.

— Опираясь на что?

— Опираясь на данные, которые загружаешь со шпионского спутника, конечно. Ты что, не смотришь «CSI»?

Я скрипнул зубами.

— Сначала мне нужно осмотреть места преступлений, пока их окончательно не затоптали.

Ирод пихнул Джини в плечо.

— Идиотка! Ему нужно осмотреть места преступлений.

Джини стукнула младшего брата щеткой для волос.

— Да понимаю я, Родди. Не хватай эту куртку. Я еще не срезала с нее ярлык.

Ред вернулся с футболкой с изображением группы «AC/DC» и фиолетовым спортивным костюмом, таким блестящим, что он, казалось, так и потрескивал от статического электричества.

— Надень все это. — Ред бросил мне вещи. — Пора проверить твою маскировку.

Мы покинули «Шале Шарки» пешком, поскольку два мальчика на велосипеде в точности соответствовали бы описанию, безусловно разосланному полицией. Я опустил рукава тренировочного костюма, чтобы прикрыть лубок.

У ворот, прислонившись к столбу, стоял полицейский, присланный сюда на тот случай, если опасный беглый преступник Флетчер Мун вздумает отомстить Реду Шарки.

Полицейского звали Джон Кассиди, и родом он был из графства Корк. Однажды он совето-

вался со мной по поводу внезапно участвовавших ночных краж на мосту. Моя подсказка оказалась правильной и стоила ему всего лишь коробки шоколадных конфет. Кассиди беседовал со мной только раз, но полицейских учат запоминать и узнавать лица. Даже покрытые искусственным загаром.

— Не забывай, — уголком рта прошептал Ред, — ты теперь Шарки. Люди будут обходиться с тобой не так, как раньше.

Я собирался проскользнуть мимо Кассиди, прикрыв лицо рукой, однако Ред рассудил иначе. Он жаждал проверить мою маскировку, а потому схватил за руку и потащил прямо к Кассиди.

— Привет! — Он широко улыбнулся. — Вы не знакомы с моим кузеном... м-м... Ватсоном? Ватсон? Очень смешно.

— Ватсон? — проворчал Кассиди. — Умеете вы, Шарки, подбирать имена. Джини, Ирод и Ватсон. Кстати, Ред, мне всегда было интересно, почему он Ирод?

— Маме захотелось чего-нибудь библейского. Это было ее последнее желание. Ирод — единственное, что ей тогда пришло в голову.

Взгляд Реда устремился непонятно куда. Может, в прошлое, когда его мать была жива и здание, в котором они жили, благодаря ей было

настоящим домом. Некоторое время он был далеко, но потом фирменная самодовольная усмешка снова заиграла на его губах.

Кассиди переключил внимание на меня. Я чувствовал себя так, будто над головой висит табличка с написанным на ней моим именем. Полицейский бегло оглядел меня с ног до головы.

— Смотри, не вздумай спереть что-нибудь, пока ты в городе, Ватсон. Не знаю, как обстоят дела там, откуда ты прибыл, но здесь, в Локке, мы с ворами-гастролерами не очень-то церемонимся.

От изумления я лишился дара речи. Кассиди с ходу решил, что я вор, не зная обо мне ничего, кроме того, что я Шарки! Он меня, можно сказать, оклеветал!

Кассиди ждал ответа, и Ред ткнул меня локтем под ребра.

— Не волнуйтесь, — угрюмо сказал я. — Никаких проблем со мной не будет.

Кассиди устремил на меня взгляд, который, по его мнению, должен был заставить меня трепетать от страха.

— Вот-вот, а не то смотри, будешь иметь дело со мной.

Мы стояли нос к носу — и ни малейшего проблеска узнавания! Люди видят то, что ожидают увидеть.

— Ясно, буду иметь дело с вами.

— Пока ты помнишь об этом, у нас и впрямь не будет проблем.

— Никаких проблем, обещаю.

Похоже, Флетчер Мун, закамouflированный с помощью серьги и тренировочного костюма, для Кассиди превратился в невидимку. Совсем иначе дело обстояло с Ватсоном Шарки, получившим клеймо вора еще до того, как он даже рот раскрыл. Может, это и означает быть Шарки? Если да, то лучше бы поскорее снова стать Муном.

Около нашего дома стояло несколько автомобилей. Мамин «мини», папин «вольво» и полицейский, белый с синим. Сквозь оконные занавески я разглядел сидящую на кушетке маму. Лицо у нее было белее ее любимой эмульсии под названием «Арктический снег». Папа тоже был в гостиной, расхаживал из угла в угол. Потом произошла сцена, которая навсегда врезалась в мою память. В комнату вошла Хейзл и спросила что-то. Может, ей понадобилось попить водички или позвонить по домашнему телефону. И в ответ папа взорвался. Он с криком на двигался на мою сестру, а она медленно отступала к двери. Папа никогда не кричит. Хейзл никогда не отступает. Что случилось с моей семьей? А вдруг уже ничего никогда не будет как прежде?

Ред ткнул меня кулаком в плечо. Как я понял, это он меня подбодрить хотел.

— Не расклеивайся, Минимун. Помни: либо они будут горевать двадцать четыре часа, либо до конца жизни. Ты должен делать свое дело, вот и займись им.

Двадцать четыре часа или до конца жизни! Нет уж, лучше пусть будут двадцать четыре часа. Да, нужно поспешить. Я профессионал или нет?

Я коротко кивнул:

— Ладно. Давай попробемся в сад.

Наш дом окружает бетонная стена высотой два с половиной метра. Нам с Хейзл категорически запрещалось перелезать через нее, однако мы с пятилетнего возраста постоянно этот запрет нарушали, и со временем в бетоне образовались выбоины, за которые можно цепляться. Так что мы с Редом легко преодолели стену, разве что мне понадобилось чуть больше времени из-за ушибленной руки. На гребне стены сидела ворона, словно сторожила сад. Она невозмутимо подпустила нас к себе, а потом взлетела, громко каркая и шумно взмахивая крыльями. У меня сердце ушло в пятки, но все обошлось, никто не вышел взглянуть, что за переполох приключился в саду.

Перебравшись через стену, я очутился рядом с теми самыми кустами, за которыми прятался

преступник в ту памятную ночь. Ред тоже спрыгнул на землю, очень тихо. Как человек, привыкший шнырять тайком. Не зря до вчерашнего дня он был моим главным подозреваемым!

— Был здесь прежде? — спросил я, заставив себя улыбнуться.

— Нет. Иначе сейчас меня здесь не было бы.

Я поразмыслил над его словами, но не мог придумать ни одной причины, зачем Реду понадобилось возвращаться на место преступления вместе со своей жертвой. Если, конечно, он не сумасшедший.

— Ты давно консультировался у психолога?

Ред зашарил пальцами по траве.

— Если ты не собираешься искать улики, я сам этим займусь.

Я схватил его за руку.

— Ред, стой! Ты можешь уничтожить доказательство.

Ред присел на корточки.

— Ладно, детектив. За работу.

Я принялся изучать участок за кустами, где нападавший, по-видимому, ждал. Я не трогал ничего, только смотрел, сканируя землю взглядом сантиметр за сантиметром, ничего не пропуская. После нападения прошел дождь, и большинство физических свидетельств чужого присутствия смыло. Но я надеялся, что уцелело хоть что-нибудь...

Так оно и оказалось. Глубоко в почву у основания куста был впечатан один-единственный, очень большой след.

— Смотри, отпечаток ноги, — указал я на него Реду.

— Ух ты, какой громадный! — удивился он. — Что ж за увалень тут наследил?

Мне вдруг стало очень не по себе.

— В жизни не видел такого большого следа. От носка до пятки сантиметров пятьдесят. Это ж каким монстром надо быть...

Мы разглядывали отпечаток, пытаясь представить себе хозяина такой огромной стопы. Не знаю, что там чудилось Реду, но в моем воображении возник человек с диким взглядом, с исполосованным шрамами лицом и в черном плаще с капюшоном. Весьма вероятно, у него также имелись черная повязка на глазу и горб.

— А куда подевались остальные следы? — спросил Ред. — Не мог же этот тип просто возникнуть из воздуха и стоять тут на одной ноге?

— Дождь, — объяснил я. — Он смыл следы. Этот отпечаток защитили кусты.

Ред вытащил мобильный телефон и с помощью встроенной камеры сфотографировал отпечаток.

— Сохраняю улику, — заявил он.

— Растешь, — улыбнулся я.

В «Руководстве» Бернстайна есть краткая глава о работе под прикрытием. В первой же строке прописными буквами значится: «ИЗБЕГАЙТЕ РАБОТЫ ПОД ПРИКРЫТИЕМ!» Бернстайн имеет в виду, что это самый трудный способ расследования, зачастую вынуждающий детектива идти против своей природы, притворяться не тем, кто он есть, то есть обычным человеком. Если предполагаемый преступник заподозрит, что вы не тот, за кого себя выдаете, а «засланный», ваши шансы уцелеть по статистике не превышают четырнадцать процентов.

Обнадеживающая мысль. В особенности когда для прикрытия ты выдаешь себя за члена преступной семейки. Куда ни кинь — всюду клин.

Наша следующая остановка была на месте второго преступления. Дом Мерседес Шарп. Я рассчитывал найти связь между нападением на меня и пропажей мини-диска. Если бы она обнаружилась, тогда стало бы ясно, что в обоих случаях действовал один и тот же преступник. Или, в крайнем случае, одна и та же группа преступников.

Мы шли по улицам Локка, и я попытался подражать развязной походке Реда, чтобы выглядеть настоящим Шарки. Походка Реда придавала ему очень крутой вид. Да что там походка! Что бы он ни делал — открывал ли банку с ко-

лой или проводил пальцами по перилам, — все выглядело круто. Чтобы достичь такого совершенства, мне понадобилась бы не одна жизнь. Когда я открывал банку с колой, это выглядело так, точно я боюсь, что она взорвется. Самое смешное, что порой именно так и случалось.

— Что с тобой? — спросил Ред. — Ты идешь так, будто тебя кто-то гонит пинками под зад.

У меня хватило глупости сказать ему правду:

— Пытаюсь стать крутым. Как ты. Пытаюсь быть Шарки.

Ред вскинул бровь:

— Быть Шарки? Послушай, Минимун, быть Шарки за один день не научишься. Может, взрослого ты и обманешь, но не нашего брата. Просто держись за моей спиной и надейся, что тебя никто не заметит.

Я сложил палец пистолетом и «выстрелил» в Реда.

— Что это?

— Это, видишь ли, как бы пистолет. А жест означает «вас понял».

Ред вздохнул.

— Слава тебе господи. А то я подумал, что ты собрался поковырять в носу.

После этих слов я оставил все попытки выглядеть крутым.

Дом Мерседес был пуст. Ее отец владел местной газетой, в которой мать Мерседес работала главным редактором; скорее всего, оба сейчас стучатся во все двери, разыскивая меня. Дом представлял собой старое, стоящее на отшибе здание с заросшими плющом стенами и сорняками, пробивающимися в трещины между плитами.

— Милое местечко, — заметил Ред.

— Ага — для любителя джунглей. К счастью для нас, сад у них, что называется, в естественном стиле.

— Почему «к счастью для нас»?

— Потому что никто тут не шастает, наводя порядок. И значит, есть надежда, что следы преступника сохранились до сих пор, если, конечно, их не смыло дождем.

Мы обошли дом сзади.

— Интересно, где окно Мерседес? — спросил Ред.

Вычислить это труда не составило. В задней части дома имелось шесть окон, но только на стекле одного из них баллончиком с краской было написано «Мерседес».

— Наверное, тот, кто стащил мини-диск, таким образом выразил свою признательность, — предположил я.

— Знаешь, у Мерседес есть сестра, — заметил Ред.

— Ну и что?

— А то, Минимун, что, скорее всего, сестра и стащила мини-диск. Для чего еще сестры существуют?

— Логично. Проверим эту версию позже.

У основания стены была цветочная клумба. Точнее, просто клумба, без цветов. Выглядело так, словно их выдернули.

— Кто-то тут рылся, — заметил я, занося свои наблюдения в блокнот, который Шарки выкрали из моей комнаты.

— Может, садовник?

— Нет. Видишь? Садовник не стал бы выдергивать розовые кусты и папоротник. Это же не сорняки. Тут искали что-то.

Я отодвинул грудку увядших папоротников... и увидел под ними отпечаток все той же огромной ноги. Вот она, связь! На мгновение голова у меня пошла кругом. Первое конкретное доказательство связи между преступлениями мы нашли! А где связь, там и система. Бернстайн, глава шестая.

— Ред, можешь сфотографировать след?

Он вытянул руку с телефоном.

— Слушай, Минимун, этот тип тот еще верзила. Пожалуй, для нас он малость великоват.

Ред был прав, но мне было уже все равно. Я взял след. Связь существовала, я оказался прав. Может, истина и способна причинить вред, но она где-то рядом, и я найду ее.

— У нас нет выбора, — сказал я. — Либо он преступник, либо я.

Я тщательно осмотрел все вокруг, но больше ничего не обнаружил. Мы уже собирались убраться из сада восвояси, когда за спиной слышался шорох гравия.

— Ред Шарки? — произнес голос. — Что ты тут, типа, делаешь?

Я понял, кто это, даже не оборачиваясь. Частный детектив не забывает голоса своего первого клиента, который платит наличными. Эйприл. Я опустил голову, прячась за спиной Реда и украдкой поглядывая на девочку из-под руки Шарки. Эйприл, как всегда, была одета безупречно: на ней был нежно-розовый тренировочный костюм, а в руке — точно того же цвета контейнер для завтраков.

Ред умел сохранять спокойствие в затруднительных обстоятельствах. Похоже, пребывать в затруднительных обстоятельствах для него было делом привычным.

— Привет, Эйприл. Я просто мимо проходил, смотрю — тут вроде какой-то подозрительный тип шастает. Вот мы с кузеном Ватсоном и решили проверить.

Эйприл, однако, на крючок не попала.

— Я была права насчет тебя и вашей семейки! А теперь еще ты с приятелем в саду Мерсе-

дес что-то вынюхиваешь! Может, и в саду Мэй тоже был ты, только с факелом.

Я решил больше не прятаться. Пора было выяснить, есть ли у меня еще наниматель.

— Реда там не было, Эйприл, а вот я был. Но без факела.

— Как это понимать? — спросила она. — Господи, Флетчер! Это ты? Что с тобой?

Я попытался втолковать ей самое главное:

— Да, это я, Эйприл. И хочу, чтобы ты знала: я не поджигал платье Мэй.

Однако Эйприл ничего не слышала. Мой вид произвел на нее неизгладимое впечатление.

— Но волосы у тебя... короткие и рыжие. А нос, господи, твой нос! И эта серьга в ухе! И татуировка! — Эйприл подошла поближе, начисто забыв, что я беглый правонарушитель и поджигатель. — Скажи, татуировка ведь не настоящая? А тренировочный костюм! Эти цвета определенно тебе не идут...

Тут до нее наконец дошло, что она стоит нос к носу с опасными преступниками. Рот Эйприл округлился, приобретя форму буквы О, и она умолкла на полуслове.

«Старайтесь не вспугнуть охваченное страхом животное», — советует Бернстайн. Тот же подход применим и к людям, оказавшимся в безвыходном положении. Никакого громкого голоса, никаких резких движений или жестов...

— Эйприл, — чуть ли не шепотом произнес я, прижав локти к бокам, — Ред и я, мы оба невиновны. Ред выкрал меня, чтобы я смог доказать это. В Локке что-то происходит, и я должен выяснить, что именно. Ты, Мерседес, Мэй, Ред и я — все мы жертвы. Есть и другие. Точно не знаю сколько. Ты же понимаешь, я никогда в жизни не стал бы разжигать в саду Мэй костер.

— Тогда что ты делал там посреди ночи?

Хороший вопрос. Вот только что ни ответь, все прозвучит как лживые попытки оправдаться.

— После нападения на моей руке остались синяки, — заговорил я, тщательно подбирая слова. — Они образовывали имя Реда, только задом наперед, как в зеркале. Я хотел сфотографировать их цифровой камерой Мэй. А когда я добрался до ее дома, платье уже горело.

Это прозвучало так нелепо, что Эйприл инстинктивно отшатнулась.

— Ты хотел сфотографировать свои синяки? Вот, значит, какое у тебя объяснение?

Я пожал плечами. Это была правда. Что еще я мог сказать?

— И теперь, говоришь, вы работаете вместе. Ред Шарки и Флетчер Мун — одна команда? Не жди от меня добавочной платы.

— Я ни в чем не виноват, — сказал Ред, отшвырнув ногой голыш. — И вожусь с Минимумом, только чтобы он помог мне выпутаться.

Выходит, мы с ним вовсе не друзья.

— Ну и что вы узнали?

— Мы установили связь между нападением и кражами. За все это несет ответственность один человек.

Эйприл фыркнула:

— Мне и так это известно. И кто же из вас этот человек?

— Не из нас. Кто-то гораздо крупнее любого из нас.

Послышался шелест гравия — к дому подъезжал автомобиль.

— Это Мерседес со своей бабушкой приехали домой на обед, — сказала Эйприл. — Как раз вовремя.

Ред схватил меня за руку.

— Нужно уходить. Немедленно.

Я умоляюще посмотрел на Эйприл:

— Не рассказывай никому. Всего один день.

Сейчас все зависело от Эйприл, и ей это нравилось. По ее самодовольной усмешке я понял, что до поры до времени она нас не выдаст. Слишком уж ее забавляла мысль, что она в любой момент может раздавить нас, как букашек.

— Ладно, один день. Но когда в конце концов выяснится, что это Ред украл волосы Шоны, ты поймешь, каким был идиотом!

Хлопнула дверь. Я услышал, как с другой стороны дома Мерседес что-то ворчит.

— Эйприл, у нас контракт, — напомнил я. — Ты можешь доверять мне.

— Сомневаюсь. Ладно, вон там, слева, в заборе есть дыра. Она приведет вас прямо на задворки школы.

Я кивнул и бегом кинулся к ограде. Ред уже давно нырнул в кусты, так что его было почти не видно. Пробираясь сквозь запущенный сад, я услышал, как, выйдя из-за угла, Мерседес пронзительно взвизгнула. В первый момент я испугался, что она заметила меня, но потом понял, что это был всего лишь приветственный возглас, адресованный Эйприл.

ДОКАЗАТЕЛЬСТВА ИЛИ РЕЗУЛЬТАТЫ?

Когда мы вернулись в дом Шарки, Ирод как раз пристраивал возле стены сада дверцу автомобиля.

— Давай! — крикнула Джини и щелкнула кнопкой большого секундомера.

Ирод вытащил из штанины джинсов металлическую линейку и сунул ее между стеклом и собственно дверцей. Он немного подергал линейку туда-сюда, и замок со щелчком открылся.

— Готово! — крикнул Ирод, отступив от двери.

Джини остановила секундомер.

— Пятнадцать секунд. Неплохо. Продолжай практиковаться. — Тут она заметила нас. — А-а, гляньте-ка, кто пожаловал! Ну, парни, как успехи?

ДОКАЗАТЕЛЬСТВА ИЛИ РЕЗУЛЬТАТЫ?

— Мы установили связь между нападением и кражами. — Ред в точности повторил мои слова, сказанные Эйприл.

— Правильно, — подтвердил я.

Джини вскинула руку с секундомером.

— Время тикает, мальчики. Лучше вам снова заняться делом. Ред, с тех пор, как началась вся эта заваруха, ты ни разу не репетировал, а ведь нам нужно закрепить успех.

— Успех? — переспросил я у Реда, когда мы шли к дому.

— Школьный смотр талантов. В прошлом году я был Элвисом. Цикл «Ранние годы». В этом году будет «Вегас».

Я вспомнил. Еще одна причина, почему девочкам нравится Ред: он не только умеет петь, но, что гораздо важнее, он поет.

Оказавшись в спальне, я обнаружил, что на моем ноутбуке открыта страница покупок через Интернет.

— Ты, что ли, ходил в Сеть? — спросил я Реда.

Не успел он ответить, как в комнату вихрем ворвалась Джини.

— Я только... только заказала кое-какую одежду в Париже. — Она поспешно закрыла сайт.

— Разве для этого не требуется кредитная карточка?

— Вот она. — Джини швырнула мне пластиковый прямоугольник. — Правда, на ней мало что осталось.

Меня это сообщение не слишком взволновало — пока я не разглядел имя на карточке.

— Это же папина кредитка! — взорвался я. — Ты стащила ее из моей комнаты!

— Эй, мы же теперь одна семья, Ватсон! — невозмутимо заявила Джини. — Все твое мое.

— Но эта карточка предназначена только для экстренных случаев! — Я возмущенно замахал руками.

Джини выпрыгнула из кресла, схватила меня за руки и закружила по комнате в вальсе.

— Это и *есть* экстренный случай, Ватсон! На носу уже сезон осень-зима, а я все еще одеваюсь по сезону весна-лето.

И Джини выпорхнула из комнаты, оставив меня по инерции описывать круги.

— С моей сестрицей нужно держать ухо востро, — заметил Ред, помогая мне добраться до кресла. — Она способна украсть даже ветчину из сэндвича, пока ты несешь его ко рту.

Я быстро проверил компьютер на вирусы и обнаружил, что Джини умудрилась-таки подцепить один. Запустил утилиту восстановления диска, надеясь, что мои файлы не пострадали. Четыре секунды Ред высидел, глядя, как работает программа, а потом его природная энергия

ДОКАЗАТЕЛЬСТВА ИЛИ РЕЗУЛЬТАТЫ?

начала прорываться наружу. Сначала задрожали колени, потом стопы, потом он забарабанил пальцами по письменному столу.

— Ред, пожалуйста.

— Что?

— Я же работаю.

— Я тебе не мешаю. И потом, что это за работа? Сидишь и тарачишься на экран. Долго это будет продолжаться?

Я пожал плечами:

— Не знаю. Почему бы тебе не сыграть пока в хёрлинг?

Ред ткнул меня локтем.

— У меня же клюшку сперли, умник.

Я расстегнул лубок, в который была заключена моя рука, снял его и положил на стол.

— Да, действительно. Как я мог забыть?

Руку все еще покрывали синяки, но больно было, только когда я сжимал кулак. Что ж, придется пока обойтись без кулаков.

Тем временем Ред всем своим существом жаждал перейти к действиям.

— Может, я могу чем-то помочь? — предложил он.

Я кивнул на грудь распечаток на полу.

— Это сентябрьские файлы, которые нужно просмотреть. Если бы ты смог отобрать что-то необычное, это сэкономило бы уйму времени.

— Что-то необычное?

— Наш преступник где-то в этих файлах, надо только найти его. Нас интересуют странные преступления, у которых отсутствует очевидный мотив и которые направлены на подростков или молодых людей.

Ред задумался.

— Ладно. — Он собрал распечатки. — Дай мне несколько минут.

Несколько минут? Чтоб просмотреть половину этой груды, у меня ушел не один час.

— Удачи. Но учти, расследование — дело небыстрое. Оно требует времени.

— Посмотрим, Минимун. — С этими словами Ред вышел, закрыв за собой дверь пинком ноги.

С его уходом силы почему-то покинули меня, словно он унес всю энергию с собой. На меня вдруг навалилась страшная усталость. Я чувствовал себя совершенно разбитым. Или избитым, что, в общем-то, соответствовало действительности. Я положил голову на руки и постарался выкинуть из головы мысли о доме. Моим родным сейчас так же худо, как и мне. Неужели такова участь детектива? А где же вспышки озарения, на которые я так рассчитывал?

Компьютер пискнул, докладывая о завершении программы, и я выпрямился. Так, от вируса мы избавились... Я запустил «Word» и начал составлять досье на жертв таинственных пре-

ДОКАЗАТЕЛЬСТВА ИЛИ РЕЗУЛЬТАТЫ?

ступлений в надежде, что это поможет мне найти связующее звено между ними и, таким образом, выйти на преступника. И хорошо бы этим звеном оказался не Ред...

Я отвел по странице на человека и стал заносить туда любые крупницы информации о нем, какие мне только удавалось найти. В начале каждого досье я разместил фотографию. Найти в Интернете снимки жертв оказалось совсем нетрудно — достаточно было заглянуть на сайт школы или порыться в электронных архивах местных газет. Только свое фото я искать не стал, поскольку, во-первых, знал, как выгляжу, а во-вторых, был уверен, что невиновен.

Реда я взял с группового снимка двойников Элвиса; Мауру Морнейн — из старой газеты (ее сфотографировали, когда она победила на конкурсе «Худышка года»). У МС Коя был собственный сайт, со множеством его нечетких снимков в спортивных костюмах. А на развлекательной страничке школьного сайта я нашел прекрасную фотографию Мэй и Эйприл.

Тут в комнату снова ввалился Ред. Он отсутствовал меньше двадцати минут. Да, не всякому дано работать с документами...

— Подожди минутку, — сказал я.

Ред пропустил мои слова мимо ушей и оттащил меня от компьютера вместе с креслом.

— Тебе лучше пойти со мной. Папа взялся расследовать твое дело.

Я подскочил как ужаленный. Я хотел узнать разгадку, но с удивлением обнаружил, что не очень-то жажду, чтобы ее нашел кто-то другой. И пусть меня обвинят в подражании Арнольду Шварценеггеру, но это было МОЕ дело.

— Я вернусь, — многозначительно сказал я компьютеру и рассмеялся шутке, понятной только мне.

Что, безусловно, является одним из первых признаков умопомешательства.

Папаша Шарки восседал за кухонным столом, перед ним возвышалась груда распечаток. В одной руке он держал заявление какой-то жертвы, в другой — мобильный телефон.

— Пит, — говорил он в телефон, — эта история с покрышками в гараже Дойля — надо думать, там поработал ты с ребятами? — Папаша подмигнул мне; так медведь мог бы подмигнуть лососю, прежде чем цапнуть его. — Так я и думал. Зачем? Да так, ерунда... У меня тут, может, будет комплект радиальных шин на продажу. Ладно, я еще позвоню.

Папа приподнялся, швырнул распечатку в мусорную корзину и взял следующую. Я заметил, что в корзине уже валяется несколько распечаток.

— Папа уже звонил всем этим людям? — спросил я Реда.

ДОКАЗАТЕЛЬСТВА ИЛИ РЕЗУЛЬТАТЫ?

Удивительно, но у него сделался почти смущенный вид.

— В этом не было необходимости. Папа точно знает, кто совершил эти преступления. Он был поблизости, когда все это происходило. Совсем близко, если ты понимаешь, что я имею в виду.

Я догадывался. В конце концов, все это были распечатки файлов, имеющих отношение к Шарки.

Папа позвонил снова.

— Йо-Йо, я вижу, ты снова взялся за старое? Что значит, «о чем это я»? О фокусе с грузовиком фруктов в Вексфорде. Фруктами в этом графстве занимаешься ты, это все знают. Не организуешь несколько ящиков киви? Люблю, знаешь ли, киви. Ну, уважил. Завтра заберу.

Следующая распечатка полетела в корзину. Некоторые заявления даже не достаивались телефонного звонка.

— Джимми. Боб Хоули. Нед Англичанин. Эти файлы тоже оказались в корзине.

Папашин метод ведения исследований категорически противоречил «Руководству» Бернстайна. Ни тебе сбора улик, ни косвенных подтверждений вины...

— У вас есть хоть какие-то доказательства? — спросил я Папу. — Ой! Не обижайтесь, пожалуйста...

Папа разорвал распечатку надвое.

— Доказательства, Минимун? Доказательства? Тебе нужны доказательства или результаты?

Я подумал об обвинениях, висящих над моей головой, точно дамоклов меч. Представил себе песочные часы и быстро убегаящее время. Вспомнил о своих родных, изнывающих от тревоги. И ответил:

— Результаты.

— Хорошо. Дай мне еще пять минут.

Пока Папаша трудился в поте лица, Ред сооружал сэндвичи. Мы пристроились перекусить, встав в сторонке, у кухонной раковины.

— Что дальше, Минимун?

Я задумался, пережевывая кусок цыпленка.

— Дальше, надо полагать, мы найдем нашего таинственного великана.

— Тсс, тупица, — зашипел Ред. — Думаешь, папа позволит нам гоняться по городу за великаном? Помалкивай об этом.

— Помалкивать о чем? — спросил Папаша, расслышав его шепот с другого конца просторной кухни.

Но Ред за словом в карман не полез:

— Да это все Минимун, пап. Он все время ругается нехорошими словами. Ты не поверишь, насколько нехорошими.

Я с извиняющимся видом улыбнулся и пообещал:

ДОКАЗАТЕЛЬСТВА ИЛИ РЕЗУЛЬТАТЫ?

— Я постараюсь впредь следить за своим языком, сэр.

Папа ткнул в мою сторону пальцем размером с батончик «Марс».

— Вот-вот, последи, парень. В этом доме живет леди, знаешь ли.

Я чуть было не спросил, кого он имеет в виду, но вовремя вспомнил о Джини.

— Извините.

Папа повертел в руках распечатку.

— Одна осталась. Со всеми остальными разобрались.

— Одна? — пораженно спросил я. — Вы за десять минут обработали весь сентябрь?

Папа пожал плечами:

— Ну, в суде мои сведения не предъявить, но я-то знаю, кто здесь что натворил. А вот тут что-то новенькое.

Я взял распечатку, состоящую из одной-единственной страницы, и прочел ее.

ОТЧЕТ О ПРОИСШЕСТВИИ

ПОТЕРПЕВШАЯ: ИЗАБЕЛЬ ФРЕНЧ

Мисс Изабель Френч — учительница танцев из города Локка. Вечером 18 августа, примерно около 8 часов, мисс Френч возвращалась домой после уроков танца в центре досуга. Как обычно, в сумке у нее лежал CD-плеер. Когда мисс Френч надела наушники и включила музы-

ГЛАВА 9

ку, вместо нее она услышала чрезвычайно громкий шум. Мисс Френч описывает звук как «типа того свиста, который бывает, когда позвонишь на радио и подойдешь с телефоном слишком близко к приемнику, только в миллион раз громче». Под его воздействием она на три дня потеряла слух. Пострадало и ее чувство равновесия. Доктор мисс Френч посоветовал ей никогда больше не слушать CD-плеер и на протяжении восьми недель избегать громких звуков.

Мисс Френч решила возбудить дело против производителей и отнесла свой CD-плеер к специалисту. Он обнаружил, что регулятор громкости в наушниках удален и вместо него вмонтированы мощные портативные усилители. Он пришел к выводу, что, по-видимому, неизвестный (или неизвестные) изъял наушники мисс Френч и заменил их другими, в высшей степени опасными для здоровья. Узнав об этом, мисс Френч и ее отец, мистер Фрэнк Френч, подали заявление в полицию.

Я отложил распечатку. Танцовщица, которую лишили возможности танцевать. Правда, на этот раз жертва оказалась старше, но я интуитивно чувствовал, что преступник тот же — наш таинственный великан. Однако это новое обстоятельство не приблизило меня к нему ни на шаг. Он

ДОКАЗАТЕЛЬСТВА ИЛИ РЕЗУЛЬТАТЫ?

был где-то здесь, совсем рядом, совершая свои необъяснимые преступления и манипулируя нашими жизнями. Но я по-прежнему не знал где.

Я поднял взгляд. Ред и Папаша во все глаза смотрели на меня.

— Что такое?

Ред сочувственно похлопал меня по плечу.

— Ты разговаривал сам с собой, Минимум, мне очень жаль.

— Не разговаривал я!

Ред вытаращился в пространство и пробормотал:

— Это тот же человек, нутром чую.

Папаша встал, грозно нависнув надо мной, так что я утонул в его необъятной тени.

— Ты еще сказал что-то о великане.

Я тут же сообразил, как выкрутиться.

— Это же из Артура Конан Дойла! Очень подходит к нашему расследованию, хотя и несколько преувеличено...

Папа, прищурившись, смотрел на меня с высоты своего огромного роста.

— Значит, никакого великана на самом деле нет?

— Нет. Все эти мелкие пакости творит какой-то парень, решивший поиздеваться над теми, кто помладше. Хитер негодяй, ничего не скажешь. Как только мы выясним, кто он, тут же позвоним в полицию. И дело будет закрыто.

Папа сложил руки на груди.

— Учтите, я не хочу, чтобы вы вляпались во что-то опасное. Ред может постоять за себя, а вот ты, Минимун, рассыплешься, стоит кому-нибудь дунуть посильнее.

Ред потащил меня с кухни.

— Да что тут может быть опасного? — Он подмигнул мне. — Не беспокойся из-за нас, пап. Ни во что мы не вляпаемся! Вот сейчас Минимун учтет этот новый случай в своих вычислениях и тут же найдет связь, и мы звякнем в полицию. Тогда мы от него наконец избавимся, и все пойдет, как всегда.

— Как всегда... — с тоской вздохнул Папаша. — Твои бы слова да богу в уши...

Мы пошли в спальню. Ред втолкнул меня внутрь.

— Ладно. У тебя есть все, что ты просил. Все файлы просмотрены, ты посетил места преступлений и получил свой компьютер. Сколько времени тебе нужно? Полчаса?

Так-так... Похоже, гостеприимство семьи Шарки имеет свои пределы.

— Ред, все не так просто. Целостной картины пока не складывается.

— Ну, лучше бы ты до чего-нибудь додумался, Минимун, потому что лично я понятия не имею, что делать. Если ты ничего не выжмешь из этих файлов, нам крышка.

ДОКАЗАТЕЛЬСТВА ИЛИ РЕЗУЛЬТАТЫ?

— Не волнуйся, мы еще повоюем. У меня есть кое-какие идеи...

Ред надул щеки и с шумом выдохнул.

— Хорошо. А то я начал беспокоиться — может, ты вовсе не такой умный, как болтаешь.

Я «выстрелил» в Реда из двух пальцев, сложенных пистолетом.

— Сказал же, не волнуйся.

— Мне казалось, мы договорились насчет этой дурацкой стрельбы.

— Извини.

— Ладно, даю тебе час. Знаю — вы, умники, любите думать в одиночестве.

— Правильно.

Дверь закрылась, и я остался один наедине со своими идеями, которых на самом деле у меня не было.

Один в чужой комнате. В чужом доме, где живут чужие мне люди. А у дома дежурит полиция. Вот уж повезло, ничего не скажешь.

Неудача совершенно выбила меня из колеи. Я ведь делал все, как меня учили, — и потерпел поражение. Выходит, я ни на что не гожусь. Значок в моем кармане — просто кусок металла. Грош ему цена, если я не смогу разгадать эту загадку.

Что у меня есть? Куча материалов по преступлениям, жертвами которых стали молодые

люди и девушки. Молодые. Вот связующее звено, но что с него толку? Не составлять же досье на каждого жителя Локка, кому не исполнилось... скажем, тридцати. Некоторые жертвы учились в нашей школе Святого Иеремии. Другие нет. Большинство были подростками, но вот теперь и эту закономерность разбила изящным пируэтом Изабель Френч, которой перевалило за двадцать.

Что еще? Должно же быть что-то еще...

Я не высокий. Я не крутой. Я не могу участвовать в спортивных состязаниях. Я могу лишь быть детективом. Только это отличает меня от остальных.

Связь. Какая-то связь. В чем она?

Я снова проглядел отобранные распечатки. Водил пальцем по строчкам, чтобы не пропустить ничего. Сопоставлял даты рождения. Адреса. Основные приметы. Все впустую. Между жертвами не было ничего общего. Все никуда не годится, и я ни на что не гожусь.

Бернстайн говорит: «Иногда вы уже знаете разгадку, но не догадываетесь об этом. Прислушивайтесь к своему подсознанию. Позвольте интуиции направлять вас».

Для меня это всегда звучало как что-то вроде «используй Великую силу, юный Скайуокер», но сейчас я был в отчаянии. А вдруг мое подсознание и впрямь уже знает, что происходит? От

ДОКАЗАТЕЛЬСТВА ИЛИ РЕЗУЛЬТАТЫ?

меня требуется одно — сделать так, чтобы это знание как-то проявило себя.

Граф Альберт Ренар, знаменитый французский криминалист, использовал разные методы, чтобы освободить свое подсознание. В одном из них используются карта местности и дротики. Не сумев вычислить, где прячется преступник, Ренар с завязанными глазами метал дротики в карту Парижа. И очень часто адрес оказывался точным. Ренар объяснял свои действия так: подсознание находит ответ первым, а ждать, пока и сознание врубится, часто нет времени.

Может, этот метод сработает и на фотографиях?

Я отпечатал со всех файлов фотографии в формате А4 и прикрепил к стене кнопками. Что метать? Ближе всего к дротику был циркуль в коробке с карандашами и другими школьными принадлежностями.

«Это нелепо, — говорил я себе, натягивая на голову наволочку. — Это не сработает, не может сработать».

Я встал на расстоянии двух метров от фотографий и на мгновение приподнял наволочку, определяя общее направление.

Только бы Реду не вздумалось вломиться в комнату!

Я опустил наволочку на лицо. Теперь я видел лишь светлое пятно лампочки и плетение хлопчатобумажной ткани.

На мгновение я замер, взывая к своему внутреннему голосу, или интуиции, или как там еще называют эту загадочную силу, затем размахнулся и метнул циркуль. Тот ударился в стену и срикошетил от нее, едва не задев мое ухо. И как прикажете это толковать? Что хотело сказать подсознание? «Сдавайся, идиот, пока сам себе лоботомию не сделал»?

Однако я не отступил. Пришлось бросить циркуль еще раз шесть, прежде чем он воткнулся в одну из фотографий. Циркуль вошел глубоко в стену и все еще подрагивал, когда я стянул наволочку. Острые вонзилось в фото с Эйприл, но удивительным образом не задело ни ее, ни Мэй, стоявшую рядом, а угодило прямо в лоб девочке, стоящей далеко на заднем плане, у школьной двери. Это была еще одна жертва загадочных преступлений. Мерседес Шарп.

— Ой! — Я выдернул циркуль, чувствуя себя едва ли не убийцей. Хорошо, что это всего лишь фотография. — Прости...

Я внимательно изучил девочку с дыркой во лбу. Она улыбалась, но вовсе не типичной девчоночьей улыбкой. Скорее это был злобный оскал...

«Тебе чудится, — одернул я себя. — Ты принимаешь желаемое за действительное».

Я бросился к компьютеру и с помощью фотошопа обрезал все лишнее, оставив одну Мер-

ДОКАЗАТЕЛЬСТВА ИЛИ РЕЗУЛЬТАТЫ?

седес. С этой своей усмешкой она выглядела довольно мерзко. Ее черные волосы были заплетены в косу, поверх школьной формы накинута яркая спортивная куртка.

А если я зря трачу время? Может, в этой фотографии и нет ничего особенного...

Я пристально вглядывался в снимок в поисках разгадки или хотя бы намека на нее. Открытые босоножки, сумка через плечо, из-под клапана сумки виднеется белая раковина наушника...

«Дай мне подсказку, — безмолвно умолял я снимок. — Хотя бы крошечную... хоть что-нибудь...» Может, стоит снова бросить циркуль?.. Ага, и бросать до тех пор, пока не изорву все фотографии в клочья...

— Ну, — послышался голос Реда за спиной, — это и есть наш великан?

Ред вернулся. Мое время истекло. Остается одно — признать свое поражение.

— Честно говоря...

Ред заглянул мне через плечо.

— А, Мерседес. Знаешь, Минимун, она только с виду милашка. На самом деле связываться с ней не стоит.

— Да? — растерянно переспросил я.

— Родди говорит, это не девчонка, а тихий ужас, хоть и прикидывается барби. У Родди был приятель, Эрни, так она на этого парнишку наступала, и его исключили из школы.

Мне стало любопытно.

— Исключили? За что?

— Мерседес видела, как он продавал цифровой плеер iPod, который стащил из стола ее подружки. — Ред покачал головой. — Малыш Эрни всегда был нечист на руку, но обычно воровал сладости, ну или деньги по мелочи, чтобы купить сладости. И iPod... Для него это как-то слишком сложно.

У меня словно пелена с глаз упала. Вот же оно — то, что я так искал!

— Говоришь, iPod?... Когда это было?

— На последней неделе перед летними каникулами. Забыл?

Теперь я вспомнил. Последняя неделя перед каникулами... Снимок тоже был сделан примерно в те дни... Эрни Бойль. Исключен за воровство. Это был не первый его проступок. У меня есть на него досье.

Я снова поглядел на фото. Вот оно: из школьной сумки Мерседес Шарп высовывается белая раковина наушников. В точности как у цифрового плеера.

— Ред, — сказал я, — нам нужно поговорить с Эрни.

— Нет ничего проще. Только сначала придется заглянуть в кондитерскую.

ДОКАЗАТЕЛЬСТВА ИЛИ РЕЗУЛЬТАТЫ?

Эрни Бойль болтался в галерее игровых автоматов в деловой части города. Об этом нам сообщила его мать и посулила пятерку, если мы приведем его домой. Мы отказались. У нас своих забот хватало.

Когда мы пришли, Эрни был самым младшим, потому что в это время все дети еще в школе. Ну, если не считать еще двух мальчиков, один из которых под подозрением, а другой сбежал из-под надзора полиции. Эрни стоял на стуле рядом с бильярдным столом и зарабатывал себе на сладости.

Он как раз заканчивал со своей последней жертвой, когда мы появились.

— Черный в центральную лузу, — сказал он.

Черный шар беззвучно скользнул вниз, не задев бортов. Самым обидным для соперника Эрни было то, что малыш нанес удар не глядя.

Проигравший с презрительным видом швырнул евро на стол и ушел.

— Курочка по зернышку клюет, — усмехнулся Эрни, сгребая выигрыш.

Жилет и кепка придавали ему такой вид, точно он сбежал из какого-нибудь романа Диккенса.

Ред подошел к столу, освещенному лампами дневного света.

— По-прежнему обжуливаешь жуликов, Эрни?

Эрни сгреб со стола свой выигрыш.

— Кого я вижу? Самого Реда Шарки! Как там твои зверские нападения? Приносят доход?

Ред взял кий.

— А как же. Подумываю о том, чтобы перейти на полный рабочий день.

Эрни тут же сбавил обороты. Ростом-то он был — метр с кепкой, а дразнить вооруженного кием Реда Шарки поостерегся бы и двухметровый верзила.

— Эй, Ред, я же просто пошутил! Не бери в голову. У тебя есть драже?

Эрни «подсел» на драже. Собственная мать не узнала бы его без оттопыренной щеки и желтовато-черной слюны, скапливающейся в уголках губ.

— Может, и есть. А что я буду с этого иметь?

Эрни взмахнул своим укороченным кием, словно дирижерской палочкой.

— Давай сыграем!

— Нет, — отрезал Ред. — Нам нужна информация.

— Ты дашь мне конфеты только за то, чтобы я тебе что-то рассказал? — недоверчиво уточнил Эрни.

— Точно. Нам нужно узнать совсем немного.

— Клянешься?

— Поклясться?

— Чтоб мне кирпич на голову упал.

ДОКАЗАТЕЛЬСТВА ИЛИ РЕЗУЛЬТАТЫ?

Это такая ирландская клятва. Тому, кто ее нарушит, до конца жизни никто доверять не будет.

— Чтоб мне кирпич на голову упал, — торжественно, нараспев произнес Ред и сделал сложный жест, которым всегда сопровождается эта клятва.

Эрни усмехнулся, чего, вообще-то, делать не следовало.

— Отлично. Здесь даже не продают, а тащить за ним я терпеть не могу. Ну и что я могу сделать для парочки Шарки?

Я оглянулся в поисках второго Шарки, но тут же вспомнил, что это я и есть.

— Это Ватсон, мой кузен, — кивком указал на меня Ред. — Он тебе все объяснит.

Я прочистил горло.

— Я попросил бы тебя, Эрни, поделиться с нами своими личными впечатлениями о том дне, когда тебя исключили из школы.

Эрни недоуменно уставился на Реда:

— Он говорит не как Шарки, а как какой-нибудь чертов полицейский.

Моя маскировка угрожала вот-вот пойти прахом. Нужно было срочно исправлять положение. Стать Шарки.

Я стукнул кулаком по столу.

— Только назови меня еще раз полицейским, и даже тебе придется выковыривать из ушей.

Эрни расслабился.

— Прости. Без обид, ладно? Валяй, спрашивай.

— Этот iPod. Ты украл его?

— Конечно нет. Это не мой стиль. Его, кстати, так и не нашли. Просто маленькая мисс Совершенство ткнула в меня пальцем, все и поверили. Вот такая трагедия на справедливость.

— «Пародия на справедливость», ты хотел сказать?

— И это тоже.

Ред взял пакет с конфетами, из-за которого нам пришлось задержаться по пути сюда, и покати одно драже по столу.

— Ты, Эрни, всегда говоришь, что ты ни при чем. С какой стати мы должны тебе верить?

Эрни сунул драже за щеку.

— Хошь верь, хошь не верь, Ред, мне плевать. Это правда. Я бы даже не знал, что с этой штукой делать. Я таскаю конфеты, колу и все такое прочее. По всяким там плеерам специализируется мой брат. «Les Jeunes Étudiantes» просто повесили это дело на меня, вот и пришлось уйти.

Я записал его слова.

— Повесили это дело на тебя? Зачем?

— Понятия не имею. Как-то раз их босс, Деверо, отвела меня в уголок двора и давай бол-

ДОКАЗАТЕЛЬСТВА ИЛИ РЕЗУЛЬТАТЫ?

тать о том, что парни мешают девчонкам получать образование и что надо с этим кончать.

Просто в голове не укладывалось, что «Les Jeunes Étudiantes» могут вести себя подобным образом. Насколько я знал, Эйприл и компанию больше интересовали поп-звезды, чем опросы общественного мнения.

— Мешают девчонкам получать образование? Каким образом?

Эрни постучал по столу, и Ред покатиł следующее драже, исчезнувшее так же быстро, как первое.

— Ну, знаешь, я и другие парни иногда любим пошутить. Спрятать классный журнал или поджечь мусорную корзину. Совершенно безвредные шутки, а Эйприл сказала, что мы срываем уроки. Только прикинь, а?

Я попытался изобразить сочувствие.

— Какая наглость!

Хороший следователь использует любую возможность, чтобы завоевать доверие свидетеля.

— Ага. И вот однажды, после того, как я мертво залепил клеем замок учительского стола, Эйприл Деверо подходит ко мне и протягивает листок бумаги. На нем ничего нет, и она говорит, что такое меня ждет будущее, если я не прекращу срывать уроки. Это предупреждение, говорит она. На следующей неделе пропадает iPod, и Мерседес клянется, что она видела,

как я продавал его у ворот школы. Тогда я сам предложил вывернуть мне карманы, глядь — а там двадцатка. Понятия не имею, откуда она взялась. Честно.

Я закрыл блокнот. Если это не вранье...

— Если это правда, у нас есть зацепка, — сказал я Реду.

Он отдал остальные конфеты Эрни, и тот сунул в рот сразу штук шесть, не меньше.

— Эрни, ты знаешь меня и мою семью.

— М-м-м... — промычал в ответ Эрни.

— Я верю тебе и буду действовать, опираясь на твои слова. Если выяснится, что ты соврал, Родди придет сюда поболтать с тобой.

Эрни перестал жевать. Из-за драже щека у него раздулась, точно от флюса.

— Еще правда! Шоб мне кивпич на голову упал!

Это Реда успокоило. Такой человек, как Эрни, никогда не посмеет нарушить эту железную клятву.

ЮНЫЕ УЧЕНИЦЫ

Складывалось впечатление, будто моя нанимательница имеет к происходящему гораздо больше отношения, чем хочет показать. Я решил посетить ее дом, но так, чтобы она об этом не знала. Однако сначала мы с Редом решили заскочить в «Шале Шарки», прихватить кое-какие необходимые для дела инструменты.

Когда мы появились, Ирод сидел за кухонным столом, а перед ним лежал довольно странный набор предметов: два боковых зеркала от «мерседеса», спутниковая «тарелка», блок GPS с рыболовного судна и шесть видеокассет с «Бобом-строителем»*.

Ирод поднял на нас взгляд.

* «Боб-строитель» — популярная во всем мире детская телепередача, по мотивам которой выпущено также несколько компьютерных игр.

— Вы только гляньте, а? За это можно выручить пятьдесят баксов, не меньше, а люди оставляют такие вещи лежать без присмотра.

Ред постучал ногтем по телевизионной антенне.

— По-твоему, привернуть эту штуку у себя на крыше означает оставить без присмотра, а, Родди?

Ирод вцепился в антенну.

— Тебе-то что за печаль? Я просто делаю то же, что и все Шарки. А ты... ты... По-моему, ты вообще не Шарки. Тебя нам подкинули, вот что я думаю. А на прошлой неделе ты докатился до того, что читал эту лошадиную книгу, «Черный красавчик»*, я сам видел!

— Ничего ты не видел! — запротестовал Ред. — Ну а если даже и так... Читать лучше, чем воровать! — Он ткнул пальцем в сторону лежащего на столе добра. — Все это нужно вернуть.

— Ага, щас, уже бегу! Что, настучишь на меня? Кому? Своему новому лучшему другу, вот этому Минимуму? Или его лучшему другу, сержанту Хоригану?

— Как знаешь, — вздохнул Ред. — Когда тебя посадят в тюрьму, я буду тебе писать. Жаль только, ты не сможешь прочесть ни строчки. —

* Книга английской писательницы Анны Сьюэлл.

Он посмотрел на меня. — Пошли, Минимум. Не будем терять времени.

— Во-во, — усмехнулся Ирод. — Вали отсюда, мистер Болван, и дружочка своего ненаглядного прихвати. Вы с ним два сапога пара, просто созданы друг для друга. Обручились бы, что ли...

Учитывая такой теплый прием, мы задержались в доме не дольше, чем потребовалось, чтобы съесть по тарелке супа и собрать сумку Реда. Никого из Шарки, похоже, не взволновало, что двое парней собираются уйти из дома с кучей шпионского снаряжения. Вот мой папа — тот потребовал бы от меня объяснений по поводу каждого предмета в сумке, но что взять с Шарки? Их нельзя назвать нормальной семьей. Хотя, с другой стороны, что такое «нормальный»? С точки зрения моего отца, я и сам ненормальный...

Мы покинули дом так же, как и пришли в него — через заднюю дверь, потому что у ворот все еще торчал полицейский. Ред был не в духе. Весьма не в духе. За всю дорогу он не сказал ни слова — только без усталости, словно робот, крутил педали, вцепившись в руль и втянув голову в плечи.

Меня нещадно мотало из стороны в сторону и подбрасывало на кочках, но я уже вроде как начал привыкать ездить пассажиром на этом велосипеде.

Ред преодолел подъем на Черный холм, и мы покатались под горку. Ред дал ногам отдохнуть и откинулся назад — прямо на меня. Заметив это, он что-то раздраженно буркнул. Наверное, извинился.

Я умудрился удержаться в седле... в смысле, на багажнике.

— С тобой все в порядке, Ред? Что тебя беспокоит?

Он долго не отвечал, и когда я уже решил, что Ред забыл о моем вопросе, он вдруг сказал:

— Ты же видел Родди.

Я к тому времени уже успел погрузиться в размышления о нашем деле и не сразу врубился, о чем это он.

— Так вот что тебя беспокоит! Ирод и его добыча, да?

— Ему десять лет. И он уже крадет в школе все, что под руку подвернется. Мама не хотела, чтобы он стал таким. Перед смертью она просила меня присматривать за младшим братом. Я пообещал, хоть сам был тогда от горшка два вершка. Только у меня не очень-то получается. Я из кожи вон лезу, чтобы он жил честно, а толку ноль. Хуже того, я сам постоянно влипаю в истории. Просто злой рок какой-то. Хоть ты тресни, не могу свернуть с дорожки, которая мне уготована. По которой идет отец. И Джини. И Родди.

Я не знал, что и сказать.

— А ты подай ему хороший пример, — предложил я, подумав. — Ну, отвлеки его как-то воровства, переключи на что-то другое...

— Думаешь?

— Почему бы и нет? Может, он мог бы стать детективом, когда вырастет?

Ред засмеялся:

— Детектив Ирод Шарки! Это что-то! Преступники будут трепетать от страха.

— Ты ему не отец, Ред. И не можешь заменить отца. Если хочешь, чтобы у Ирода не было неприятностей, тебе нужна помощь Папаши. Отец знает о твоём обещании?

— Нет. Не поверишь, но ты единственный, кому я рассказал. Не представляю, как папа отнесется к тому, что мама просила меня приглядывать за Иродом.

— И все же ты должен рассказать ему. Чем скорее, тем лучше. Сегодня вечером.

Ответом мне была тишина. Потом тихо донеслось:

— Спасибо, Минимум.

Дом Эйприл Деверо не был сказочным замком, скорее пародией на него. Задний фасад украшали декоративная каменная кладка, сводчатые арки, цветные витражи в окнах, изящная башенка и даже балкон в стиле Ромео и Джуль-

етты. Единственный выход на этот балкончик был как раз из спальни Эйприл. Ее окно охраняли два мраморных единорога. Эйприл стояла между ними и приветственно махала подругам внизу. Несколько «лендроверов» и «БМВ», развернувшись на гравийной дорожке, вырулили за ворота и скрылись из виду.

— Похоже, у «Les Jeunes Étudiantes» сегодня вечеринка без взрослых, — заметил Ред, разглядывая что-то за перилами балкона.

Мы спрятали велосипед за живой изгородью и взобрались на могучий дуб во дворе. Ред карабкался ловко, как обезьяна. Казалось, он во все ничего не весит, так легко он подтягивался. Я тоже карабкался, как обезьяна. Очень старая обезьяна, одноногая и шестипалая. Честно говоря, лазанье по деревьям никогда не было моим коньком, а тут еще давали о себе знать ноющая боль в руке и головокружение. Когда я в конце концов одолел подъем, мы уселись в развилке ветвей.

Даже здесь до нас доносились визг и болтовня. Девочки толкались и подпрыгивали, предвкушая затяжную вечеринку. Они помахали родителям на прощание и устремились вверх по лестнице в комнату с единорогами.

Достав из сумки бинокль, Ред принялся разглядывать девочек. Их было человек десять — двенадцать.

— Экая прорва розового, — прокомментировал он. — Не иначе, какую-то бедную розовую овечку остригли догола.

Неплохое замечание, вполне в духе частного сыщика. Ред явно делал успехи.

— Слышишь что-нибудь? — спросил я.

Ред насмешливо покосился на меня:

— Это бинокль, Минимун. Он позволяет лучше видеть, а не слышать.

Оказывается, замечания в духе частного сыщика тоже могут быть обидными.

Я наклонился вперед, опираясь на ветку, пока она не затрещала.

— Ничего не слышу. Нужно подобраться поближе.

Ред уже рылся в своей сумке.

— У меня тут есть кое-какое подслушивающее устройство.

Он бросил мне уоки-токи* от игрушечного Солдата Сэма.

— Подслушивающее устройство? Это же игрушка!

— Действует на расстоянии трех метров и может произносить голосом Солдата Сэма шесть фраз.

Я театрально выпучил глаза.

* Переносная рация небольшого радиуса действия.

— Три метра? Класс! Огромный радиус действия! Почти такой же, как у моих ушей!

Ред вырвал у меня радио и сунул его в сумку.

— По-моему, ты забыл, кто здесь крутой парень, а кто беглый преступник, который к тому же вот-вот может схлопотать оплеуху.

В сознании вспыхнула картинка: я лежу на спортивной площадке, а Ред подсовывает мне под подбородок свою клюшку. Казалось, это происходило целую жизнь назад и Ред с тех пор стал совсем другим, но кто знает?

— Намек понял. Однако подобраться поближе все равно нужно.

Ред спрыгнул с ветки, приземлившись на носки ног и пальцы одной руки. Я тоже спрыгнул, приземлившись на лицо и ягодицу. Это не всякий сможет, поверьте.

— Тихо ты, — прошипел Ред.

— Агрх, — ответил я.

Мы подкрадывались по саду. Уже стемнело, но на светлый гравий падал розовый отблеск из спальни с единорогами.

— Ощущение такое, будто мы собираемся взломать Диснейленд, — пробормотал Ред.

Я не ответил. Мне было слишком не по себе. Может, для Шарки шпионить — дело привычное. Но не для меня.

Родители Эйприл предусмотрительно посадили под балконом ползучие растения с прочны-

ми стеблями, поэтому, чтобы забраться наверх, нам даже не пришлось использовать веревку с крюком, которую Ред прихватил с собой. Это обстоятельство слегка разочаровало его.

— Кой черт я ее тащил? Знаешь, какая она тяжелая? Обратно ты ее понесешь.

Но я почти не слышал его слов, поскольку уже подполз к балконной двери и заглянул внутрь. Странный ритуал, происходящий в комнате, заставил меня начисто забыть о своих разыгравшихся нервах.

— Иди сюда, Ред, — прошептал я. — Это нужно видеть.

Комната с единорогами была воплощением самого страшного кошмара мачо. Все розовое: двери, абажуры, занавески, покрывала. Ни единого пятнышка другого цвета. Тут были все оттенки розового, от нежно-пастельного до кричащего. У меня даже глаза заслезились.

Ред возник рядом со мной у застекленной двери.

— Ух ты! Я же говорил, тут целая прорва розового.

«Юные ученицы» собрались в кружок возле скамеечки для ног, отделанной кричащей бахромой. Розовой. На скамеечке стояла Эйприл Деверо, воздев руки, словно проповедник. Больше десяти девочек ловили каждое ее слово. По-

верьте, внимательно слушать чью-то речь — это крайне нехарактерное поведение для десятилетних девочек. В особенности когда их много.

— Надо подслушать, что она говорит, — прошептал я.

— Нет проблем, — ответил Ред и активировал один уоки-токи.

Он потянул балконную дверь за уголок, и она слегка приоткрылась. Не заперта. Он продолжал тянуть, пока щель не увеличилась настолько, чтобы можно было просунуть в нее руку. Никто из девочек ничего не заметил — они были слишком увлечены загадочной «проповедью».

— Теперь самое трудное, — сказал Ред. — Приготовься сматываться, если что.

Сматываться? Как, интересно? Но не успел я и рта раскрыть, как Ред швырнул уоки-токи через всю комнату. Рация упала на кровать, зарывшись между пушистым кроликом и маленькой подушкой. Розовыми, конечно.

— Видал? — Ред подмигнул мне.

Я подмигнул в ответ.

— Видал. Но очень хотел бы повидать, как ты будешь эту штуку вытаскивать.

Иногда приятно осознавать, что ты — мозг команды.

Однако Реда так просто не смутить.

— Как поживает твой зад, Минимум? — спросил он, начисто сбив меня с толку. — Спорю, завтра там проступит очередной синяк.

Время сменить тему.

— Мы здесь, чтобы дело делать, Ред. Обменяться оскорблениями можно будет и потом.

Ред подкрутил колесико громкости на втором уоки-токи. Первое устройство было настроено на передачу, и мы получили возможность слышать каждое произносимое в спальне слово. И чем больше мы слышали, тем больше у нас глаза лезли на лоб.

Эйприл Деверо стояла на розовой скамеечке, одетая во все розовое — от пижамы Барби до пушистого берета и вплетенных в волосы ниток с розовыми бусинками.

— Приветствую вас, сестры! — провозгласила она.

Я еще никогда не слышал, чтобы она говорила таким голосом. То есть голосок-то у нее был по-прежнему писклявым, но теперь в нем слышался удивительный напор, даже ярость.

— Приветствуем, мадмуазель президент, — ответили девочки, все до одной тоже в розовых пижамах.

Мадмуазель президент? Похоже, эти девочки чересчур серьезно воспринимают свой маленький клуб.

— Зачем мы сегодня собрались здесь, сестры?

— Чтобы решить проблему века, мадмуазель президент, — нараспев ответили девочки, не очень громко, но с горящими от возбуждения глазами.

— И что это за проблема века?

— Мальчишки!

Эйприл Деверо вскинула маленький кулак.

— Да. Мальчишки. Слишком долго этим миром правят повзрослевшие мальчишки, в результате чего мы имеем неразбериху в политике, озоновые дыры и все такое прочее. Поскольку слишком давно мужчины не прислушиваются к тому, что говорим мы, девочки! Даже отцы и братья, которые знают нас лучше остальных. И как мы собираемся изменить это, сестры?

— Обретя власть над миром, — почти пропели «Les Jeunes Étudiantes».

— Совершенно верно. Мы, такие умные, такие хитрые, захватим все ведущие посты. Станем премьер-министрами, управляющими директорами, партнерами юридических фирм и владельцами музыкальных магазинов. Мы запретим оружие и опыты над людьми. Но это будет потом, а сейчас, кто мы такие?

— Ученицы.

— Правильно. Мы «Les Jeunes Étudiantes». Юные ученицы. В этом и состоит наш способ изменить мир. Мы изменим его, сидя за партами, слушая учителей. В чем сейчас наш долг?

— Учиться, — немедленно последовал ответ.

— И какова наша цель?

— Знания.

Ред ткнул меня локтем под ребра.

— Эта девчонка чокнутая, но она не великан.

Я шикнул на него сквозь зубы, чтобы он помалкивал. Здесь происходило что-то невиданное, что-то зловещее, и я не хотел упустить ничего. Эйприл Деверо и ее «Les Jeunes Étudiantes» проявляли себя с такой стороны, с какой никто их прежде не знал. Маленькая речь Эйприл была не очень-то розовой и пушистой.

— Единственный путь к власти лежит через знания, — продолжала тем временем верховная жрица судьбы. — Но на этом пути стоит наш старый враг...

Остальные девочки злобно зашипели.

— Да. Опять мальчишки. Ужасные, вонючие, гадкие мальчишки, — подтвердила Эйприл.

В ответ девочки зашипели еще громче. Мы с Редом почувствовали себя очень неудобно, пусть они пока и не догадывались о нашем присутствии.

— Еще с детского сада мальчишки отвлекают внимание взрослых своими воплями, драками и наглыми выходками. Как можно приобрести знания, когда кругом такое творится?

Сестры захлопали в ладоши и завизжали в знак согласия.

— Возьмем, к примеру, Аарона. Этот гадкий мальчишка всюду сует свой нос! Всюду, но только не в носовой платок, а надо бы!

Слушательницы застонали и содрогнулись; слушатели на балконе — тоже.

— И Джерри, с этими его насекомыми. Ну-ка, скажите, кто из вас, благодаря Джерри, находил в своих косметичках какую-нибудь мерзость?

В ответ на это с готовностью вскинулись несколько рук. Надо полагать, этот Джерри времени зря не терял.

— И вряд ли нужно напоминать вам о Реймонде.

— РЕ-Е-ЕЙМОНД! — замогильными голосами взвыли девочки.

— Он липучий, словно клей, — сокрушалась Эйприл. — Учитель тратит все свое драгоценное время, отвечая на его дурацкие вопросы. Какого цвета запах? Что происходит, когда спишь? Сколько в Дублине дубов?

— Идиот! — завизжали юные ученицы.

Но один голос выбился из хора:

— А мне нравится Реймонд. Он так хорошо фотографирует.

Эйприл застонала.

— Мэй, я знаю, ты редко бываешь на наших собраниях из-за своих драгоценных танцев. Но сейчас ты здесь и постарайся соответствовать. Тебе *не нравится* Реймонд. Помнишь? Я же объясняла тебе. Он противный, он гадкий. Вспомни, как от него несет чесноком.

Мэй захихикала.

— Ну, он же мальчик.

В любой компании всегда найдется кто-нибудь, кто не врубается.

— Быть мальчиком плохо, Мэй, — гнула свое Эйприл. — И мы не должны мириться с их выходками. Мы должны устанавливать правила. Быть боссами, как нам и положено.

Мэй кивнула, но было видно, что она просто не хочет выделяться.

— Тогда отвечай. Ты ненавидишь мальчишек?

— Ну... иногда.

— Мэй?

— Ненавижу их. Ненавижу их. Не выношу их.

— Уже лучше. — Эйприл хлопнула в ладоши. — А теперь, девочки, в смысле, сестры...

— Ты моя кузина, Эйприл, а не сестра, — сказала Мэй.

— Мэй! — завизжала Эйприл, тыча в нее пальцем. — Заткнись! Ты мешаешь нам проводить собрание. На самом деле мы, конечно, не сестры. Просто делаем вид. Это игра. Если не можешь играть с нами, отправляйся домой.

Мэй покусала губу.

— Извини, Эйприл, но я не могу уйти домой. Папа говорит, мы должны играть вместе, потому что мы кузины. Папа говорит, чтобы я не

обращала внимания, если ты начнешь вести себя как капризная принцесса.

Если бы не присутствие остальных девочек, Эйприл, наверное, накинулась бы на Мэй с кулаками. Но нет. Она президент и должна соответствовать. Эйприл сделала очень глубокий вдох, точно стремясь наполнить воздухом все тело.

— А теперь, девочки, настало время трансформации.

Возбужденные «Les Jeunes Étudiantes» выстроились в два ряда перед плакатом, на котором была изображена поп-звезда Шона Бидербек, застывшая в танцевальной позе. Неоспоримая принцесса розового, девчоночьего икона с писклявым голосом и несколькими платиновыми дисками на счету.

— Что люди видят, когда смотрят на нас? — спросила Эйприл.

— Они видят маленьких девочек, — ответили маленькие девочки.

— И что они думают о нас?

— Что мы сделаны из конфет и пирожных и сладостей всевозможных!

— А чего они не видят?

— «Les Jeunes Étudiantes»! — проскандировали девочки.

— А почему мы используем эти французские слова?

— Потому что мальчишки такие тупицы, что не понимают даже по-английски, не говоря уж о французском!

— Настал момент продемонстрировать нашу истинную суть. Нашу тайную суть. Начинайте трансформацию, сестры!

— Транс... что?

— Переодевание, Мэй, переодевание.

— А-а... Извини.

Девочки скинули розовые пижамы — и остались в темных брючных костюмах. Розовые клипсы сменились черными в виде бабочек, розовые домашние тапочки — кожаными туфлями. Эйприл торжественно сдернула накладные ногти и вытащила из волос нитки с розовыми бусами. Завершающим штрихом стал вывернутый наизнанку пушистый берет, внутри оказавшийся черным.

Она указала на плакат с Шоной Бидербек.

— Чья это мечта?

— Мальчишек!

— А наша мечта?

Один голос ответил:

— Тоже она.

— Мэй! Помолчи. Это наша мечта?

— Нет!

— Ну, сестры, тогда что же наша мечта?

Эйприл спрыгнула с возвышения и сорвала со стены плакат с поп-звездой. Под ним оказа-

лось изображение Мэри Робинсон, первой женщины-президента Ирландии.

— Да здравствует Мэри!

— Да здравствует Мэри! — эхом выкрикнули «Les Jeunes Étudiantes».

— Вот наша мечта. Мы хотим стать такими же, как Мэри Робинсон. Хотим править страной, когда вырастем.

— О-го-го! — завопили девочки.

Эйприл вздрогнула.

— Я вот что подумала... «О-го-го» — это же как-то связано с Шоной, верно?

— Это с ее второго альбома, — сказала Мэй и пропела: — «О-го-го, посмотри на меня».

— Так, может, вместо «о-го-го» будем говорить что-нибудь вроде «замечательно»? Или просто «мы за»? Как в «Звездном пути»...

— В той серии, где голова у чудища взрывается?

— Нет, Мэй. В той, где они не знают, что еще скормить чудищу.

— А-а, это моя любимая серия.

— Моя тоже. Хоть в чем-то мы с тобой похожи. А теперь к делу. — Эйприл вытащила из-за спинки кровати блокнот. — В прошлом году несколько мальчишек причиняли нам беспокойство. Мы составили список.

Лежа на балконе, я вспомнил, что мне следует записывать все услышанное.

— Четверо из этих мальчишек, не без помощи «Les Jeunes Étudiantes», решили перейти в другие школы. Двое усвоили, что надо сидеть тихо и не чирикать. А трое не поняли намека, и мы добились их исключения. Самый последний случай — мой план с цифровым плеером.

Девочки вежливо зааплодировали; план, что ни говори, был изобретательный.

Эйприл скромно улыбнулась.

— Mersi, mersi. Это пустяки. Думаю, мастер Эрни Бойль получил хороший урок.

У меня отвисла челюсть. Признание. Я ушам своим не верил. Да, это мы удачно зашли!

— Однако осталось еще несколько мальчишек, от которых следует избавиться. Первый в этом списке такой вульгарный, такой отвратительный, что рядом с ним Эрни выглядит... ну, почти как девочка. Думаю, вы все понимаете, о ком речь.

Да, они понимали, о ком речь. Как и Ред. Он застонал, плечи у него поникли.

— Мастер Ирод Шарки!

Ирод! Ну конечно! Эти девочки должны просто ненавидеть Ирода!

— Родди, ты влип, — пробормотал Ред. — Ты довел этих девчонок до того, что они рехнулись.

Эйприл постучала пальцем по странице, посвященной деятельности Родди.

— В прошлом году у мастера Шарки было не так уж много нарушений, поскольку *большую* часть учебного времени он *проболел*.

Девочки понимающе закивали. Очевидно, Ирод только говорил, что болеет, чтобы прогулять побольше уроков. Об этом догадывалась вся школа, даже десятилетки.

— Но в этом году он присутствовал в школе целых четыре дня и за это время успел натворить немало дел. Ударил двух учениц, причем одну в живот, а это очень больно. Стащил у учителя все мелки и сожрал их. Я точно знаю, что это его рук дело — вскоре после пропажи мелков Ирод показывал мне язык. Далее... Не выполнил ни одного домашнего задания, не решил ни одной задачи, подавая плохой пример другим мальчикам. Их, бедняжек, так легко сбить с толку.

— Ирод умеет стоять на руках, — сказала Мэй, свидетель со стороны защиты.

— Это замечательно, Мэй, но ведь вовсе не обязательно делать это на парте, правда? Нет, ему придется покинуть школу. Мы не можем подвергать свое образование ни малейшему риску. В этом году нас ждет новый сложный материал, который достаточно трудно усвоить и без того, чтобы каждые две минуты урок прерывался из-за мастера Шарки, демонстрирующего свое умение стоять на руках.

— Давайте подсунем ему деньги, а потом скажем, что видели, как он продавал что-то, — предложила другая девочка.

— Очень хорошо, Аманда, но это мы уже проделали с Эрни, — возразила Эйприл. — Нет, нужно придумать что-нибудь новенькое. У меня есть идея. Мерседес! — (Мерседес выступила вперед.) — Покажи сестрам руку!

Мерседес закатала правый рукав, демонстрируя множество багровых синяков.

— Вы только посмотрите! — взвизгнула Эйприл. — Вот на что способен Ирод Шарки!

Мэй пришла в ужас.

— Правда? Это сделал Ирод?

— Ох, конечно нет, Мэй. Не будь дурой. Буффи, пони Мерседес, сбросил ее сегодня, но мы же не хотим, чтобы у него были неприятности, правда? Вот и свалим все на Ирода.

На балконе Ред тронул меня за плечо.

— Ты записываешь?

Я постучал ручкой по блокноту.

— Каждое слово.

— Выходит, уоки-токи Солдата Сэма — не такая уж плохая идея?

— Похоже на то, — нехотя признал я.

Эйприл тем временем продолжала излагать свой план:

— Завтра утром я отведу к миссис Куинн бедняжку Мерседес, и она дрожащим от страха

голосом расскажет директору, что Ирод выкручивал ей руку, а она никому не говорила, потому что боялась его мести.

— Я выучила свою роль наизусть, — с гордостью объявила Мерседес. — Как на занятиях в драмкружке.

— Хотите послушать, что будет говорить Мерседес?

Все с воодушевлением закричали: «Да!»

Вдохновенно улыбаясь, Мерседес встала на скамеечку.

— Ладно. — Она принялась трясти пальцами. — Это такое упражнение, мы делаем его в драмкружке для создания настроения. Повторяйте за мной; представьте, будто это не пальцы, а горячие сосиски, и вы хотите, чтобы они скорее остыли.

Девочки так усиленно затрясли руками, что из-за двери потянуло ветерком. Я заметил, что и сам трясусь, только когда Ред хлопнул меня по руке.

— Ты вроде бы должен писать.

— Прости.

— И когда трясете, — продолжала Мерседес со своих подмостков, — повторяйте: «Сосиски-сосиски, вкусней чем ириски». Это тоже упражнение, только вокальное.

— Надо полагать, завтра мы обойдемся без всего этого, — встряла Эйприл. Похоже, она

слегка разозлилась, что из-за Мерседес отошла на второй план. — Ладно. Я буду директриса Куинн, а ты будешь ты. — Эйприл сложила на груди руки и понизила голос: — Ну, Мерседес, что у тебя за проблема?

Мерседес перестала трясти пальцами.

— Еще секундочку, мне нужно придумать что-нибудь, чтобы подхлестнуть эмоции...

Она уставилась в пространство, и вскоре у нее на глазах заблестели слезы.

— Здорово у тебя получается, — восхитилась Мэй.

— Спасибо. Я думала о своей кукле, которую сгрыз волк.

Мэй ужаснулась:

— Твою куклу сгрыз волк?

Мерседес закатила полные слез глаза.

— Конечно нет, глупая. Я же актриса. Теперь, мадмуазель президент, я готова.

— Уверена? Смотри, завтра нам будет не до разминки.

— Уверена. Только давайте побыстрее, пока я не вспомнила, что у меня никогда не было куклы.

— Ну, Мерседес, — слегка раздраженно спросила Эйприл, — что у тебя за проблема?

— Ох, миссис Куинн, — запричитала Мерседес, — я... я не могу вам этого сказать. Меня уговорила прийти сюда моя лучшая, моя самая

надежная подруга, Эйприл. Но если я расскажу, он убьет меня.

— Кто убьет тебя?

Мерседес на миг спрятала лицо в ладонях.

— Ирод Шарки... Ох, нет! Я назвала его имя. Он узнает. Этот мальчик — сущий дьявол.

Эйприл уперла руки в боки.

— Я могла бы и сама догадаться. Ирод Шарки. Что он натворил на этот раз?

— Пожалуйста, не надо, миссис Куинн! Вы же женщина... Вы понимаете, как все устроено в мире мужчин. Мы вынуждены страдать молча.

— Только не в моей школе, юная леди. Ну, рассказывай наконец, что сделал Ирод. Рассказывай немедленно!

Мерседес, с трагическим видом и непрерывно вздрагивая, продемонстрировала покрытую синяками руку.

— Он выворачивал мне руку, миссис Куинн. Он думает, что это смешно.

— Зато я так не думаю, — отрезала Эйприл в роли директрисы Куинн. — Это недостойное поведение! Он будет немедленно исключен из школы. Ля-ля-ля, Ирода больше нет, еще одна победа «Les Jeunes Étudiantes»!

Зрители разразились бурными аплодисментами, Мерседес со скромным видом раскланялась.

— Мы уже пытались избавиться от Ирода, но его брат Ред всегда появляется в самый ответственный момент. Прямо какой-то рыжий ангел-хранитель.

Мэй засмеялась:

— Здорово. Рыжий ангел-хранитель. Надо будет сказать Реду.

— Это не шутка, Мэй. Ред уже не раз разрушал мои планы. Но только не теперь.

— Потому что у нас есть волосы Буффи, — добавила Мерседес, которой не терпелось снова оказаться в центре внимания.

Эйприл достала из кармана закатанный в пластик локон волос.

— Да. Добрый Буффи пожертвовал этот локон якобы волос Шоны. Я собиралась подсунуть его в сумку Реду, но он и без меня влип в неприятности. К тому времени, когда он из них выпутается, для малыша Ирода будет уже слишком поздно. Мы избавимся от него.

Новый взрыв аплодисментов. Пока они хлопали, я торопливо записывал.

— Ирода больше нет, — бормотал я. — Еще одна победа «Les Jeunes Étudiantes». Это динамит!

Ред хлопнул меня по спине.

— Нужно рассказать все твоему другу Марту. Одного взгляда на блокнот королевы Эйприл будет достаточно, чтобы снять с нас подозрение.

Я тоже так думал. Внутренний голос подсказывал мне, что многообразная деятельность «Les Jeunes Étudiantes» имеет самое непосредственное отношение к предъявленным нам обвинениям. Однако ничего конкретного пока не было. У Марта уйдет не один час, чтобы увязать преступления с преступниками. Оставалось надеяться, что Эйприл облегчит нашу судьбу, сознавшись еще в парочке-троечке трюков.

Однако как раз в этот момент разрядились батарейки во втором уоки-токи. Том самом, который лежал в комнате с единорогами.

— Требуется подзарядка, — произнес уоки-токи голосом Солдата Сэма. — Требуется подзарядка, солдат.

— Хоп! Кажется, мы влипли, — сказал Ред.

Эйприл Деверо завертела головой, отслеживая источник звука, словно кошка, услышавшая писк раненой мыши. И быстро обнаружила уоки-токи. Некоторое время она пристально смотрела на рацию, спрашивая себя, как эта штука оказалась на ее постели.

Я вскочил. Эта девчонка умнее, чем я думал. Она быстро сообразит.

Так и произошло.

— Кто-то подслушивает! — взвизгнула она. — Кто-то шпионит за нами, сестры!

Ред не выдержал. Хлопнув в ладоши, он фальцетом передразнил ее:

— Кто-то шпионит за нами, сестры!

— Вон! — завопила Эйприл, тыча рукой в нашу сторону. — На балконе! Мальчишки!

— Мальчишки! — Они провыли это слово, словно демоны преисподней.

— Звучит не слишком по-дружески. — Ред оглянулся на меня. И, клянусь, он усмехался. Усмехался! — Ладно тебе, Минимун, не вешай нос. Они всего лишь маленькие девочки.

Всего лишь маленькие девочки, это правда. Однако, даже пригнувшись, я видел, как Эйприл вооружает свою армию, раздавая им клешки для гольфа.

Перекрывая потрескивание разряжающейся рации, она приказала:

— Хватайте их! Они грабители, так что мы имеем полное право убить их, как бы случайно. Все будет в порядке, никто к нам не придерется.

Убить нас? Что же это за девочки?

— Ред, нужно уходить. Если мы ввяжемся в драку с десятилетними девочками на пороге их спальни, нам не поздоровится.

Смех Реда сошел на нет, словно рокот заглохшего мотора. Мой напарник прекрасно понимал, как это будет выглядеть в глазах блюстителей закона: Ред Шарки пытается вломиться еще в один дом. Он окажется под арестом быстрее, чем успеет произнести «*Les Jeunes Étudiants*».

Вцепившись в рог единорога, Ред взлетел на перила балкона.

— Ладно. Сматываемся. Только мы не удираем, мы просто...

— Отступаем на заранее подготовленные позиции, — подсказал я.

— На заранее подготовленные позиции, — пробормотал Ред и застонал.

За нашими спинами распахнулась дверь балкона, и девочки хлынули оттуда, словно тараканы из трещины в стене, вскинув клюшки и яростно сверкая глазами.

Эйприл вела свой отряд в атаку. Мельком увидав ее хищный оскал, я почему-то обратил внимание, что у нее все молочные зубы уже сменились на постоянные. Она была слишком зубастой для девочки с губками бантиком.

— Уходим! — Ред схватил меня за воротник.

Клюшка Эйприл со свистом рассекла воздух. Это была клюшка типа «паттер». С углепластиковым стержнем между головкой и рукоятью. Удивительно, чего только не заметишь в критической ситуации. Если стальная головка такой клюшки угодит по голове — мало не покажется. По счастью, моя голова на этот раз не пострадала, удар пришелся по плечу, но и это было достаточно неприятно, у меня аж рука онемела.

— Ой! — вскрикнул я. — Поосторожнее, вы!

— Они из плоти и крови! — победоносно завопила Эйприл. — Их можно убить!

«Это немыслимо, — стучало у меня в голове. — Наверное, это просто сон».

Держа за воротник, Ред опускал меня с балкона.

— Хватайся за плющ, — проворчал он.

Действующей рукой я потянулся к плющу и вцепился в него. Мы еще вполне могли бы бежать. Но тут я услышал две вещи. Во-первых, металлический звон, как будто кто-то ударил палкой по туго натянутому стальному кабелю. А во-вторых, придушенный возглас Реда: «Ох, нет!»

Ни то ни другое особых надежд не внушало.

Внезапно выяснилось, что Ред больше меня не держит. Однако лететь было недалеко, и вся жизнь не успела промелькнуть перед моим внутренним взором. Помню, я ударился плечом о стену, потом в глаза блеснула луна, а в следующее мгновение я уже сидел по уши в гравии.

«Не так уж плохо», — успел подумать я, но тут на мою голову рухнул Ред. Тогда я понял, как чувствуют себя мультяшные герои, когда расплющиваются в лепешку под сброшенной с третьего этажа наковальней.

Нельзя сказать, что я лишился чувств. Я был в сознании, но был совершенно неспособен ни что-нибудь сделать, ни даже сообразить. Я за-

мечал происходящее, но не улавливал смысла. Все равно что смотреть кино, сидя в аквариуме.

Там были девочки, и хруст гравия, и шепот...

«Живы. Они живы».

«Заткнись, Мэй. Папа может услышать».

«Мы должны их...»

«Нет, Мерседес. В этом нет нужды. Хватите их за щиколотки».

«Это Ред Шарки. Они оба Шарки».

«Интересно, много они слышали?»

«Не имеет значения. Кто поверит грязным, вонючим Шарки?»

Я лежал на берегу, среди бурунов, и отлив тащил меня по гальке, норовя унести в море. Может быть. Такое, по крайней мере, было ощущение. Рубашка задралась, спину царапал гравий. Голова моя моталась из стороны в сторону. Ред тоже был здесь, совсем близко. Его лицо было всего в нескольких дюймах от моего. И оно было залито чем-то красным...

СИЛА МАГНЕТИЗМА

Даже не открывая глаз, я понял, что нахожусь в подземелье. Что-то такое мертвенное ощущалось в воздухе. Я лежал на каменном полу, щеку холодила тоненькая струйка воды. Когда мне все-таки удалось приоткрыть веки, я увидел множество девчоночьих ног, тонких, как тростинки.

«Что теперь?» — произнес чей-то голос.

Черт побери, они никак не уймутся. Что им стоит помолчать хоть немного? Моя голова раскалывалась от боли.

«Нельзя ждать до утра, сестры. Я поеду сейчас, прямо домой к директрисе Куинн. Папа отвезет меня. Он сделает все, что я скажу».

«А что с мальчиками? Ред ранен».

«Мэй, похоже, ты так и не уловила суть “Les Jeunes Étudiantes”. Мы ненавидим мальчишек. В особенности мальчишек по фамилии

Шарки. Завтра утром папа чисто случайно обнаружит здесь этих двоих, и полиция заберет их. Они все равно оказались бы в тюрьме, рано или поздно. Мы просто... ну, типа, ускорили процесс».

«Но у него течет кровь...»

«О господи, Мэй... Знаешь, если бы можно было подать на развод с кузиной, чтобы ты больше не была мне родней, я бы так и сделала».

Девочки ушли, поднявшись по цементным ступеням и исчезнув в квадрате лунного света. Деревянная дверь со стуком захлопнулась, раздался шорох задвигаемого засова. Я остался в полной темноте, и это было хорошо. Мне надо было немного вздремнуть... Я подставил лицо под тоненькую струйку и попил. Прохладная вода. С небольшой примесью песка, но все равно вкусная. А теперь спать...

Однако заснуть не получалось. Какая-то мысль упорно не давала мне покоя. Эйприл знала, что я — Флетчер Мун! Знала, что рыжие волосы и прочее — это всего лишь маскировка! Так почему же она говорила со своими подругами так, будто я тоже Шарки? Почему? Ответ был настолько очевиден, что даже мой затуманенный мозг довольно быстро нашел его. Потому что на Шарки всем наплевать. И когда Эйприл предложила запереть двоих Шарки в

подвале, ей никто и слова не возразил. Ну, почти никто...

— А-а! — послышался голос. — Как башка-то трещит...

Я приоткрыл один глаз — и увидел парящую в темноте голову Реда. Только голову, и больше ничего. С подбородка капала кровь.

— Ред? Где твое тело?

Голова усмехнулась, потом подмигнула. Призрачные пальцы прикоснулись к порезу на призрачном лбу.

— Ну я и треснулся!

Только тут я разглядел маленький электрический фонарик, который Ред держал в руке, а потом и самого Реда, целиком.

— Так ты не призрак! — с облегчением выпалил я.

Ред повел лучом фонарика по стене в поисках выключателя.

— Давай скорее приходи в себя, Минимум.

Он щелкнул выключателем, и в глаза мне ударил ослепительно яркий свет. Я зажмурился. Когда я пришел в себя и проморгался, оказалось, что это всего-навсего зажглась тусклая лампочка свечей на сорок.

— Слышал, что они говорили? — сказал Ред. — Если они доберутся до директрисы раньше нас, Родди крышка!

Я сжал ладонями виски, дожидаясь, пока перед глазами перестанут плясать цветные пятна.

— Кому крышка?

— Родди! Родди! Когда ж ты очухаешься, Минимун!

В глазах у меня понемногу прояснялось.

— Редди... Родди... отличие всего в одной букве. Запросто запутаешься, если у тебя, к примеру, сотрясение мозга.

Не обращая на меня внимания, Ред рылся в своей сумке.

— Ты взял с собой фонарик?

— И антисептические салфетки. — Ред протер одной из них лоб. — Мы же не погулять вышли. Мы ведем скрытое наблюдение, или ты забыл?

— Ну, чисто формально, мы наблюдение уже не ведем, — заметил я. — Нас захватила в плен банда десятилетних девчонок. Чисто формально.

— Никто никогда не должен узнать об этом, — твердо сказал Ред. Сейчас он выглядел гораздо лучше. По крайней мере, у него уже не все лицо было в крови. — Я дорожу своей репутацией. Если просочится слух, что меня заперли в подвале какие-то четвероклашки, такое начнется... Каждый задира, кому охота прославиться, станет гоняться за мной...

Я оглянулся по сторонам. Мы находились в угольном подвале, со стенами из стали и бетона.

Скорее всего, когда-то это был масляный бак, но отец Эйприл приспособил его для других целей. У задней стены высилась груда угля. В воздухе плавала густая черная пыль. Дверь была одна, деревянная. И, разумеется, запертая.

Ред проверил свой мобильный телефон.

— Связи нет. Нужно выбирать.

Первым делом он испробовал первобытный метод, то есть стал колотиться в дверь ладонями и плечом. Дверь не поддавалась, зато количество угольной пыли в воздухе заметно увеличилось, и весь бывший масляный бак наполнился звоном, как пустая металлическая бочка. Самое то, чего нам не хватало.

Наконец металлический гул стих. В наступившей тишине отчетливо стал слышен звук тяжелого, частого дыхания Реда.

— Береги кислород, — сказал я. — Кто знает, вдруг сюда воздух не поступает.

Я осмотрел стены и потолок. Проломить их не было никакой возможности, если только в волшебной сумке Реда не спрятан полицейский таран.

Ред несколько раз ударил в дверь ногой. С тем же результатом — дверь не открылась, уголь взметнулся в воздух. Я громко раскашлялся, чтобы обратить внимание напарника на проблему пыли.

— Ред, от этого нам только хуже, знаешь ли.

Он резко обернулся. Никогда прежде я не видел такой безумной одержимости на лице Реда Шарки. Даже в те минуты, когда он угрожал мне на спортплощадке.

— Я должен выбраться отсюда! — прошипел он сквозь стиснутые зубы. Пот стекал по его лицу, смывая угольную пыль и кровь. — Родди нуждается во мне. Я обещал маме приглядывать за ним. Если его вышвырнут из школы, он закончит в бильярдном зале вместе с Эрни... — Он в два огромных прыжка пересек бункер и заглянул мне в глаза. — Ты же у нас голова! Придумай что-нибудь!

Белки его глаз были испещрены красными прожилками. Должно быть, от пыли. А может быть, и не только. Может быть, и от слез тоже.

— Ладно, — сказал я. — Попробую. Что у тебя в сумке?

Ред вывалил ее содержимое на цементный пол.

— Пара кусков хлеба, мой вязаный шлем и колготки. «Кошку» я потерял.

— Колготки? — удивился я.

— Ну, чтобы надеть тебе на голову, если понадобится. Для лучшей маскировки.

— Надо же! По-моему, я и так замаскирован что надо, с этими волосами, серьгой и татуиров-

кой. — Тут я заметил на полу еще кое-что. — А это что такое?

Ред поднял то, что выглядело как железный костыль.

— Рог одного из единорогов на балконе. Он отломился, поэтому мы и упали. *Чисто формально*, как ты выражаешься, на балконе теперь остался конь.

Длиной около фута, рог заканчивался зловещего вида острием. Он был сделан из стали и выкрашен в темно-зеленый цвет.

— Жаль, что он не намагничен, — сказал я.

— Почему жаль?

— Если бы он был намагничен, может, мы сумели бы через дверь оттянуть засов. Теоретически.

Ред сунул мне в руки рог.

— Сумеешь его намагнитить? — с надеждой спросил он.

— Ну, будь мы в лаборатории, можно было бы поместить его в магнитное поле или пропустить через него ток. Тогда бы он намагнитился.

Я говорил очень уверенно, не сомневаясь, что у нас нет ни малейшего шанса проверить мои слова на практике. На самом-то деле я знал о магнитах совсем немного. Фактически только то, что ими можно притянуть рассыпанные по листу бумаги железные опилки.

Однако Ред внезапно оживился:

— Пропустить через него ток? Запросто!

Я побледнел. Оставалось надеяться, что под слоем угольной пыли это было незаметно.

— Что?

— Лампочка! Нужно просто оголить провода!

Тут я испугался по-настоящему. Кто его знает, что может из этого получиться? А вдруг рог вовсе не намагнитится? А вдруг его отбросит со страшной силой, и он начнет метаться по подвалу, отскакивая от стен и круша все на своем пути? Признаться, я не слишком большой знаток физики.

— Не знаю, Ред. Тут играет роль полярность и всякое такое...

— Надо хотя бы попытаться, Минимум! Я обещал маме. Неужели непонятно? Я обещал!

Я мог только догадываться, как много может означать для человека такое обещание, но Реда оно, по-видимому, держало крепко.

— Ладно. Только запомни: нельзя дотрагиваться до оголенных проводов и давать им коснуться друг друга. По крайней мере, это я знаю точно.

Ред выключил свет и отдал мне фонарик. Потом он вырвал электрический кабель из скоб, на которых он крепился к стене и потолку.

— Ну вот, — сказал Ред, опасливо держа провод на отлете. — Что дальше?

Я направил на него луч фонарика.

— Гм-м, теоретически это делается так: ты приставишь рог к оголенным проводам, а я включу свет. Должно получиться. Только на твоем месте я бы держался подальше от острия. Кто знает, куда рог может отшвырнуть?

— Ты мог бы сам приставить рог к проводам.

— Мог бы, — согласился я. — Через пару недель, когда очухаюсь.

Ред сделал глубокий вдох.

— Ладно. Время дорого. Значит, просто приставить?

— Да. Так мне кажется. Я не специалист. Только учти, может возникнуть вибрация.

— Вибрация? Что ты имеешь в виду?

— Ну, когда электричество потечет через рог. Так что держи кабель крепче.

Ред сглотнул. Он боялся не меньше меня, но был полон решимости.

— Ладно. Повернешь выключатель, когда я подам знак.

— Какой знак?

— Ну, не знаю. Скажу что-нибудь вроде: «Поверни выключатель».

— Ладно. Это я в состоянии запомнить.

Ред опустил на колени рядом с рогом и придвинул его вплотную к медным проводам кабеля.

— Порядок, Минимум. Включай.

От напряжения у меня свело все мышцы: плечи против воли ссутулились, глаза сощурились, пальцы стали как каменные. Каждая из многочисленных травм, полученных за последние дни, решила напомнить о себе, послав сигнал болевым центрам в мозгу.

Обмирая от ужаса, я повернул выключатель... И ничего не произошло. С таким же успехом можно было потереть рог о деревяшку.

— Ну и что теперь? — спросил Ред.

— Гм-м... Подержи его так с минуту. — Я подошел к напарнику. — Чувствуешь?

— Извини. Я немного нервничал.

— Нет. Не это. Слышишь такое тихое гудение?

Ред наклонился поближе к рогу.

— Может быть. Думаю, просто проволока царапает металл. Рука немного дрожит. Но это не...

— Знаю. Помолчи.

Ред отбросил кабель.

— Ну что, теперь он намагнитился?

Я внимательно изучил рог в свете фонарика. Внешне он ничуть не изменился.

— Не знаю. Давай попробуем.

— А меня не шарахнет?

— Предположительно, нет. — Я сознательно высказался так осторожно, чтобы Ред не имел

повода подать меня в суд, если вдруг что случится.

Ред одним пальцем ткнул в рог.

— Он немного теплый. Кажется.

Он пошевелил пальцами над рогом, а потом осторожно взял его.

— Не шарахнуло. Теперь давай проверим. — С рогом на изготовку Ред зашагал к двери. — Посвети мне, Минимун.

Направив луч фонарика на дверь, я разглядел, что поперек нее на некотором расстоянии от пола тянется влажная полоса.

— Наверное, засов как раз там, где дерево подмокло, — сказал я. — Год за годом после каждого дождя между засовом и дверью задерживается вода, и доски понемногу ею пропитываются.

— О, да ты у нас и впрямь умник! — протянул Ред. В его голосе мне послышалась издевка.

Он приставил плоский конец рога к краю влажной метки на двери и медленно повел им влево.

— Толкни дверь, — приказал он, отступая. Я толкнул. Заперто.

— Заперто, — сказал я.

Ред выругался.

— Дурацкая это была идея с магнитом! Нужно придумать что-нибудь другое, Минимун.

— Нет ничего другого, Ред. Давай еще попробуй.

И Ред попробовал, бормоча себе под нос отборные ругательства. И — о чудо! Удивительно, невероятно, но засов по ту сторону двери начал отодвигаться! Очень-очень медленно.

— Не спеши, не спеши... А то упустишь... — машинально принялся приговаривать я.

— Да чего ты раскомандовался? — вспылил Ред. — Ты что, эксперт по магнитам? Каждый день такое делаешь?

— Просто води помедленнее. И заткнись.

Ничего себе! Я только что велел Реду заткнуться!

— Понимаешь, твоя негативная энергия может создать помехи в магнитном поле, — поспешил я исправить положение.

— Гр-р-р...

Глухое рычание Реда было не очень приятно для слуха, но все же лучше, чем звон в ушах после оплеухи. Ред продолжал медленно, дюйм за дюймом, отодвигать засов. Мы оба отчетливо слышали шорох металла по дереву...

В конце послышался щелчок, и дверь слегка отошла наружу.

— Открылась! — воскликнул Ред. — Глазам своим не верю!

Мы распахнули дверь — и увидели Мэй. Она стояла, положив руку на засов.

— Эйприл — чокнутая, — с ходу заявила она. — Поэтому я вернулась, чтобы выпустить вас.

Я испытующе заглянул ей в глаза:

— Скажи, когда ты отодвигала засов, не помогала ли какая-то невидимая сила?

Выражение лица Мэй подсказало мне, что вопрос прозвучал, мягко говоря, странно.

— Дверь открывала я. Может, Эйприл и права. Может, все мальчики действительно глупые и противные. Ты, по крайней мере, выглядишь ужасно. Голова слишком большая для тела. Прямо как у одного моего знакомого мальчишки.

Я схватил рог.

— У меня большая голова, потому что в ней много мозгов! Кто придумал намагнитить рог? Я!

Мэй взяла рог и приложила его к металлической стене подвала. Увы, он не прилип ни на мгновение и со звоном упал на пол.

— Наверное, мне самому следовало додуматься до этой проверки, — буркнул я.

Было ужасно унижительно сознавать, что десятилетняя девчонка оказалась умнее меня.

Мэй перевела взгляд на Реда, очевидно решив, что из нас двоих он более здравомыслящий.

— Вам лучше поторопиться, если хотите спасти Ирода. Эйприл велела папе отвезти ее к директрисе Куинн. Сейчас они уже на пути туда.

Ред бросился вон, словно борзая за кроликом.

— Спасибо, — пробормотал я. — И все-таки не сбрасывай магнетизм со счетов. Никогда не знаешь, вдруг пригодится...

Я выбежал вслед за Редом. Смех Мэй еще долго звенел у меня в ушах.

Миссис Куинн жила в доме рядом с единственной на весь наш городок железнодорожной станцией. Множество ее предков были учителями, но лишь она одна достигла высокого положения директрисы. Миссис Куинн объясняла это своими навыками общения с людьми, серьезным подходом к дисциплине и тем, что муж у нее — старший инспектор.

К тому времени, когда мы с Редом на велосипеде добрались до места, машина Деверо уже стояла у дома. Хуже того, рядом был припаркован полицейский автомобиль.

Ред резко затормозил, так что нас даже немного занесло.

— Опоздали, — тяжело дыша, сказал он. — Миссис Куинн уже вызвала кавалерию.

— Наверняка на этом настоял отец Эйприл. Теперь Ирода обвинят в причинении увечий.

Мы спрятали велосипед поблизости и, обогнув дом с тыла, прокрались к мощеному заднему двору, где миссис Куинн принимала гостей. Мы надеялись хотя бы подслушать часть разговора.

Мощный дворик чуть возвышался над уровнем сада и был обнесен оградой. Вот у подножия-то этого возвышения мы и затаились, преодолев часть сада ползком. Очень-очень осторожно я высунулся из своего укрытия — ровно настолько, чтобы бросить взгляд между прутьев ограды.

За сосновым столом сидели Эйприл, Мерседес, мистер Деверо и сержант Март Хориган. Миссис Куинн разливала в высокие бокалы мутный лимонад. Эйприл и Мерседес снова были в розовом.

— Я попросила девочек подождать до вашего приезда, сержант, — говорила миссис Куинн. — Проблема серьезная, и мистер Деверо считает, что лучше ее рассматривать в присутствии полиции. Как вам лимонад?

Чувствовалось, что Марту не хочется пить то, что у него в бокале. Сделав глоток, он тут же закашлялся, да так, что лимонад пришлось выплюнуть.

— Аргх... Тьфу! Господи, на вкус это как... В смысле, ох, просто попало не в то горло. Прекрасно, немного кисловато, но прекрасно. Спасибо.

Миссис Куинн покачала кувшин, размешивая напиток. В мутной жидкости плавали какие-то комки.

— Еще чуточку, сержант?

— Нет, спасибо. Я при исполнении. Кроме того, в участке меня ждут бланки сорок три дробь семь, так что если не возражаете...

Мне случайно было известно, что сорок три дробь семь — код формы заявления на отпуск по беременности и родам.

— Конечно, сержант. Преступники никогда не спят, верно? Итак, вы знакомы с мистером Деверо?

— Добрый вечер, сэр.

— Приветствую вас, сержант.

— Мистер Деверо привез сюда этих девочек. Они не решились прийти ко мне после уроков, поскольку боялись, что Родди Шарки увидит их.

— Ред?

— Нет, его брат, Родди. Его полное имя — Ирод, как ни странно это звучит.

Март достал блокнот.

— Ничто не звучит странно, когда речь идет о мастере Ироде Шарки. Это ведь не первая жалоба на него.

— Видишь, он уже настроен против Родди! — прошептал Ред. — Нужно вмешаться! Выдать себя, но рассказать Хоригану, что было на самом деле!

Я потянул его за рукав.

— погоди. Этим ты никому не поможешь.

Ред стряхнул мою руку.

— Может, и нет. Но я должен попытаться! Я обещал!

— Одну минуту! — в отчаянии попросил я. — Дай мне минуту. Если я ничего не придумаю, тогда мы выйдем к ним.

Ред неохотно уступил.

— Ладно, минуту. И, надеюсь, твой план будет лучше, чем тот, с магнитом.

Я и не сомневался, что мне еще не раз припомнят, как мы намагничивали злосчастный рог.

Я сосредоточил внимание на дворике. Эйприл одарила Марта ангельским взглядом больших глаз.

— Сегодня вечером мы собрались на вечеринку, сержант, но Мерседес все время плакала. Это была вечеринка в розовом. Мы все были в розовом, потому что это любимый цвет девочек.

— Вечеринка в розовом? — спросил Март. — Вы меня из-за этого вызвали? У меня есть дела поважнее. Я обещал Арту Фаулеру проверить его склад торговых автоматов — там накануне был замечен вор. Так что сегодня вечером у меня хлопот полон рот.

— Прошу вас, сержант, — сказал мистер Деверо, — проявите терпение. Они всего лишь дети.

Марту, однако, доводилось слышать множество жалостных историй и его было нелегко пронять.

— Я человек занятой, сэр. Давайте выслушаем девочек и посмотрим, что можно сделать. Эйприл?

— Ну, на самом деле это случилось не со мной. Пострадала Мерседес. Пусть она расскажет. Мерседес...

Мерседес встала и медленно сделала несколько шагов, встав так, чтобы ее все видели. Откашлялась, встряхнула волосами, готовясь повторить представление, которое мы видели в комнате с единорогами.

Представление!

Я вытащил блокнот и полистал его, находя нужную страницу. Там были записаны все реплики Мерседес.

Я нацарапал на том же листе блокнота номер мобильного и сунул листок Реду.

— Перешли текст этой страницы вот по этому номеру. Быстро.

— С какой стати...

— Быстро! — прошипел я. — Нет времени объяснять.

Мерседес затрясла пальцами.

— Сосиски-сосиски, вкусней, чем ириски, — по привычке произнесла она.

Взрослые удивились.

— Прошу прощения? — сказал Март.

— Она нервничает, — поспешно вмешалась Эйприл. — Это все от переживаний. Правда?

— Да, — ответила Мерседес со слезами на глазах. — Мою куклу сожрал волк.

Март закатил глаза.

— С меня довольно. Спасибо за лимонад, миссис Куинн...

— Нет, сержант. Теперь я готова. Пожалуйста.

— Последний шанс. И чтобы я не слышал слов «розовое», «сосиски» и «волк».

Мерседес сделала глубокий вдох, собираясь начать, но тут зазвонил мобильник Марта.

— Что-то слишком быстро, — вздрогнув, сказал я.

— Пока только первое предложение. — Ред не отрывал взгляда от экрана. — Буду посылать по частям.

Март достал телефон.

— Продолжай, Мерседес. Я профессионал, могу одновременно читать текст и слушать истории про сосиски.

— Ох, миссис Куинн, — запричитала Мерседес, — я... я не могу вам этого сказать. Меня уговорила прийти сюда моя лучшая, моя самая надежная подруга, Эйприл. Но если я расскажу, он убьет меня.

— Полагаю, ты имеешь в виду Ирода Шарки? — спросила миссис Куинн, отступая от текста.

Март рассеянно читал сообщение, когда до него дошло, что именно сказала Мерседес. Внезапно он выпрямился в кресле.

— Что ты только что сказала? — выпалил он, но тут же сдержался. — Впрочем, неважно. Продолжай.

Мерседес спрятала лицо в ладонях.

— Ирод Шарки... Ох, нет! Я назвала его имя. Он узнает. Этот мальчик — сущий дьявол.

— Я знаю, о ком речь, Мерседес. Ты это уже говорила.

Март открыл следующее сообщение. Мерседес продолжала свой отрепетированный монолог.

— Пожалуйста, не надо, миссис Куинн! Вы же женщина... Вы понимаете, как все устроено в мире мужчин. Мы вынуждены страдать молча.

Миссис Куинн выглядела несколько ошарашенной.

— О чем ты говоришь, девочка? Что значит: мы вынуждены страдать молча?

Мерседес, с трагическим видом и снова непрерывно вздрагивая, продемонстрировала покрытую синяками руку.

— Он выворачивал мне руку, миссис Куинн. Он думает, что это смешно.

При этих словах по щекам Мерседес покатились слезы, но они не произвели впечатления

на Марта, поскольку он только что прочел то же самое на своем экране. И понял, что перед ним разыгрывается спектакль.

Он вперил в Мерседес свой самый свирепый взгляд «злого полицейского».

— Что тут происходит? Даю тебе шанс. Говори!

Мистер Деверо вскочил, опрокинув стакан с прокисшим лимонадом.

— Сержант Хориган, как вы смеее разговаривать с бедной девочкой в таком тоне?

— Смею, сэр, — возразил Март, тоже не без драматизма, — поскольку эта девочка читает текст. Тот самый текст, который кто-то присылает мне. Кто-то, кому известен номер моего мобильного... — Март помолчал. Он был не дурак. — Кто-то, кто по некоторой причине не может обнаружить себя. — Он оглянулся. — Кто-то ведущий собственное расследование.

Мы с Редом припали к земле.

Мистер Деверо тут же вскинулся:

— На что вы намекаете, сержант? Уж не на то ли, что моя маленькая дочь имеет отношение к этому жульничеству?

Телефон Марта просигналил в последний раз.

— Именно это я и хочу сказать, сэр. И мой источник сообщает, что это не первый случай. Он советует мне заглянуть в блокнот Эйприл, который спрятан за спинкой ее кровати.

— Значит, теперь Эйприл — заводила. Чушь! Ищите где хотите и что хотите! Уверяю вас, моя девочка никаких блокнотов не прячет. Ей это не нужно. Мы очень открытая семья.

У Мерседес задрожали губы.

— Буффи! — выпалила она.

Эйприл резко ударила подругу по руке.

— Молчи!

— Буффи сбросил меня, — рыдала Мерседес.

— Ты законченная тупица! — взорвалась Эйприл. — Прямо как мальчишка! У них нет на нас ничего. Абсолютно ничего!

Но Мерседес уже не могла остановиться.

— Я не хотела делать этого. Мадмуазель президент... в смысле, Эйприл, сказала, что мы сможем избавиться от Ирода точно так же, как избавились от Эрни, Джимина и Камалы. Эйприл сказала, что Буффи не пострадает.

— Кто такой этот Буффи? — недоуменно спросил Март.

— Мой пони. Он сбросил меня, отсюда и синяки.

Тут уж и миссис Куинн решила вмешаться.

— Вы избавились от Эрни? И Джимина? — переспросила она.

И Мерседес раскололась.

— Это все Эйприл! Она взяла с нас клятву, что мы будем молчать. Эйприл заставила меня стащить iPod, а потом подсунула деньги Эрни.

— А что с Джимином? Ведь это его голосом говорил школьный звонок. Как вы сумели сделать такое?

Эйприл не устояла перед искушением объяснить, как ловко она все придумала.

— Джимин такой болван, что не в состоянии придумать рифму даже к слову «кот». Мы просто уговорили его прочесть в компьютерный микрофон длинный отрывок, а потом отредактировали его. Джимин был рад сделать что угодно, лишь бы ему уделили хоть чуточку внимания.

Сейчас миссис Куинн меньше всего походила на гостеприимную хозяйку. В ней проснулась разгневанная директриса.

— А маленький презент Камалю на моем пороге?

Мерседес залилась краской.

— Это Буффи сделал.

Эйприл с независимым видом положила ногу на ногу.

— Я разочарована. — Она уже справилась с раздражением и теперь хотела спокойно изложить свою точку зрения. — Странно, что вы не понимаете, миссис Куинн. Я должна была избавиться от этих мальчиков, потому что они мешают нам получать образование.

Мистер Деверо откинулся на спинку стула и закатил глаза.

— О господи! Моя мать была права: Эйприл превратилась в избалованное чудовище. — Он

выпрямился. — Хорошо же, юная леди. Это была последняя капля, которая переполнила чашу моего терпения. Тебе придется исправить все, что ты натворила, чего бы это ни стоило.

Эйприл ухмыльнулась.

— Неужели, папа? А разве ты можешь наказать меня, не согласовав это с мамой?

Март хлопнул ладонями по столу.

— Замолчите, все! Похоже, здесь имеет место преступление. Значит, это дело полиции. Я должен увидеть упомянутый блокнот, мистер Деверо. Есть возражения?

Эйприл надула губы.

— Прежде чем отвечать, ты должен согласовать это с мамой, — заявила она.

— Ничего я не должен согласовывать! — взорвался ее отец. — Можете смотреть что угодно, сержант. И без всякого ордера на обыск.

Март убрал телефон в карман.

— Прекрасно. Я подъеду рано утром, около восьми тридцати. — Он перевел взгляд на миссис Куинн. — На вашем месте я бы уговорил этих исключенных из школы ребят вернуться, пока их родители не подали на вас в суд.

Эйприл онемела... но всего лишь на мгновение.

— Ушам своим не верю! — взвизгнула она. — Вы должны быть благодарны мне! Должны награждать медалью! Я в миллион раз облегчила вашу работу!

Однако сержант Хориган был не в настроении награждать кого-либо медалью.

— На твоём месте, мисси, я бы заткнулся, пока мое кровяное давление не зашкалило.

Эйприл побледнела, точно получила пощечину.

— Ты слышал, папа? Он велел мне заткнуться! И ты позволяешь какому-то жалкому сержанту так со мной разговаривать? Разве ты не играешь в гольф с инспектором Куинном?

Отец Эйприл погрозил пальцем Марту.

— В самом деле, офицер. Она же просто ребенок. Дитя. Не думаю... — Но тут его решимость вернулась. Он достал из кармана мобильник, набрал номер и дождался, пока ему ответили. — Алло, это я. Как ты отнесешься к гостье? Да. То, о чем мы с тобой говорили. Думаю, на месяц. Постараюсь привезти ее как только смогу. — Он убрал телефон. — Все улажено, мисси. — Мистер Деверо из всех сил старался говорить тем же непререкаемым тоном, что и Март, но безуспешно. Его голос едва не дрожал от ужаса. — После того, как сержант Хориган закончит с тобой, и при условии, что ты не окажешься в тюремной камере...

Эйприл сложила ладони рупором и поднесла ко рту.

— Алло, гараж! — нагло завопила она. — Я несовершеннолетняя, не забывай!

Эта последняя выходка придала отцу Эйприл мужества.

— Прекрасно. В таком случае тюрьма тебе не грозит. Что очень кстати, поскольку ты уезжаешь. На каникулы. На месяц.

Нахальство Эйприл растаяло, как дым.

— Куда?

Мистер Деверо решительно расправил плечи.

— К бабушке.

— К бабушке! — взвилась Эйприл. — На ферму! Они заставляют меня работать по дому! Там даже нет ни телика, ни Интернета!

— Вот и хорошо, — не очень твердо заявил мистер Деверо.

Я испугался, что, если Эйприл не уедет в самое ближайшее время, ее отец растеряет всю решимость.

— Вы не возражаете, директор, если Эйприл пропустит часть школьных занятий?

Однако миссис Куинн была погружена в собственные печальные думы.

— Надо будет заменить картинки этих мальчиков... И Эйприл тоже. Я всегда считала ее маленьким ангелом, но это была ошибка. Это будет первый случай, когда придется менять картинки.

— Полагаю, это означает, что не возражаете.

Мерседес похлопала Эйприл по плечу:

— Не волнуйся, я буду председательствовать на наших собраниях за тебя. И буду все записывать на магнитофон, чтобы ты могла потом послушать.

Эйприл сбросила руку подруги.

— Я президент! Никто, кроме меня, не будет председательствовать на собраниях! — Она встала и одернула розовую вельветовую рубашку. — Я ухожу. Вам, взрослым, нужно хорошенько обдумать свое решение.

Ноздри мистера Деверо затрепетали.

— Никуда ты не уйдешь. На этот раз я принял твердое решение.

Эйприл зашагала к выходу.

— Кто бы сомневался. Ты уже миллион раз делал это.

— Вернись немедленно! — с оттенком отчаяния в голосе закричал мистер Деверо. — Не ты здесь распоряжаешься!

Терпение Марта иссякло.

— У меня, знаете ли, есть и другие дела, сэр. Так что либо вы сами добьетесь от своей девочки послушания, либо это сделаю я.

Взрослые последовали за Эйприл вокруг дома к тому месту, где были припаркованы автомобили. Мы с Редом выползли из-под прикрытия ограды, чтобы проследить за ними.

Эйприл села на водительское место семейной машины и захлопнула дверцу. Ее милое ли-

чико было аж перекошено от решимости и злости.

Мистер Деверо постучал по стеклу.

— Открой дверцу, Эйприл. Немедленно!

Она вцепилась тонкими пальцами в руль.

— Я еду домой, папочка. Когда успокоишься, приходи.

Ничего удивительного, что это заявление ничуть не успокоило папочку.

— Ты... что? В моем автомобиле? Ты же не умеешь водить! Клянусь, если ты хоть пальцем тронешь мою малышку, то проведешь с бабушкой весь следующий год!

Очевидно, автомобиль был слабым местом мистера Деверо.

Однако на Эйприл его слова не произвели ни малейшего впечатления.

— Ох, пора бы тебе повзрослеть, папа. Это же просто кусок металла.

— Но ты не умеешь водить машину! — От крика на шее мистера Деверо вздулись жилы.

— Подумаешь, велика премудрость. — Эйприл повернула ключ, предусмотрительно оставленный отцом в замке зажигания. — Я тысячу раз видела, как это делается.

— Эйприл! Заглуши мотор!

Марту все происходящее казалось забавным — до тех пор, пока он не заметил, что по-

лицейский автомобиль стоит точно на пути Эйприл.

— А теперь слушай меня внимательно, мисси... — строго начал он.

Однако Эйприл его не видела и не слышала. Слова сержанта потонули в реве мотора. С усилием передвинув рычаг автоматической коробки передач в положение «драйв», она отжала ручной тормоз. Спустя две секунды машина Деве-ро врезалась в автомобиль Марта на скорости десять миль в час, причинив повреждения на общую сумму почти двенадцать тысяч евро.

Эйприл едва успела полюбоваться потрясением на лицах взрослых, прежде чем утонуть в подушке безопасности.

ОБЕЩАНИЕ

Мы вернулись в «Шале Шарки» усталые, но довольные. Лица у нас аж пылали от торжества. Хотя, может, Ред покраснелся от усилий, пока крутил педали велосипеда. Все-таки ему пришлось целый день возить меня на багажнике...

Джини снова торчала у моего компьютера, скачивая песни с пиратского сайта.

— Ты нарушаешь закон, — сказал я.

— Как и ты, — парировала она.

Веский довод.

— Где папа? — спросил Ред немного нервно.

Он твердо решил поговорить об обещании, которое дал матери, и из-за этого был на взводе.

Джини вставила диск в дисковод.

— Нет его. Работает.

— Где?

— Я не могу тебе сказать, пока тут этот тэ-у-пэ-и-цэ-а.

Я закатил глаза.

— Я, знаешь ли, в состоянии сложить слово по буквам.

— Правда? Тогда о-тэ-вэ-а-эл-и.

Ред втиснул голову между Джини и экраном.

— Где он? Мне нужно знать!

Джини вздохнула.

— Ну, хорошо, противный младший братец. Он на складе торговых автоматов. Папаша уже несколько дней приглядывался к нему.

Склад торговых автоматов... Где-то я уже слышал эти слова, совсем недавно. А слова вроде бы не из тех, что твердят все кому не лень. А, вспомнил! Я слышал их от Марта! Он сказал, что обещал проверить склад торговых автоматов, где был замечен вор. Март может поймать Папашу на месте преступления.

— Нужно остановить его.

Неужели это произнес я? Папаша Шарки совершает преступление. Разве я не на стороне закона и порядка? Да, но... Ред мой друг. И его семья в опасности.

Я потянул Реда за рукав.

— Нужно пойти и остановить его.

Джини сложила на груди руки.

— Так, пора прочесть маленькую лекцию этому поросенку, изображающему из себя детектива. Мир не делится только на черное и белое,

Минимун. Есть еще серое, и кое-кто из нас прекрасно чувствует себя в этом промежуточном цвете.

— Март Хориган, сержант Март Хориган как раз сейчас едет на этот склад торговых автоматов! Вспомнил, Ред?

Тут до него наконец дошло. Ред стал бледнее призрака.

— Да, нужно идти, — сказал он. — Немедленно.

Мы рванули в промышленную зону Локка напрямик, через сады и пустоши, заваленные ржавеющими остовами автомобилей. Маяком нам служили оранжевые отблески, которые фонари промзоны бросали на низкие облака. Чем дальше, тем больше я отставал от Реда. Он спортсмен, ему пробежать мило по ровной местности — раз плюнуть. А у меня легкие горели огнем, и вообще казалось, что я вот-вот умру. Но я не окликал Реда — сейчас скорость была важнее мозгов.

Промышленная зона имела форму буквы П, к которой вела подъездная дорога. Весь гигантский двор был залит ярким светом прожекторов. Так могла бы выглядеть взлетная площадка НЛО — пришельцы наверняка очень заботятся об освещении на своих аэродромах. Ред мчал-

ся по стоянке автомашин в окружении нескольких собственных теней.

К тому времени, когда я догнал его, он уже обнаружил Папашу позади склада торговых автоматов. Тот прятался в канаве, выходящей на погрузочный двор.

— Ну и с какой стати я не должен идти туда? — говорил он.

Чувствовалось, что неожиданное появление Реда его, мягко говоря, не обрадовало. Потом он заметил меня.

— Ты привел с собой Минимуна? На работу? Ред, я, конечно, в курсе, что у тебя мозги не нашенские, не как у всех Шарки, но ты ведь пока еще член семьи!

Ред решительно выпятил подбородок.

— Просто не ходи туда, вот и все.

Папаша выбрался из кустов. В его густой шевелюре и бороде застряли листья и кусочки коры, из-за спины слепяще бил оранжевый свет. В этот момент Шарки-старший мог бы сойти за пещерного человека, выходящего из какого-нибудь коридора времени.

— Послушай, сынок. Нам всем известно о твоих чувствах. Но я такой, какой есть. Прекрати бороться с этим. Смирись и успокойся. Ничего со мной не случится. Меня еще ни разу не поймали, как тебе известно. Я слишком хитер для полиции.

— Можем мы поговорить об этом дома? — спросил Ред. — Нам нужно домой.

— Почему это нам нужно домой? — подозрительно спросил Папаша. — Никогда прежде ты не разыскивал меня.

Я подумал, что могу прояснить детали.

— Март Хориган едет...

Больше я ничего не успел сказать, потому что Папаша, выкатив глаза, злобно уставился на меня и слова застряли у меня в горле.

— Март Хориган. Сержант Хориган? Ты что, переметнулся на их сторону, Ред? Сдал меня?

Ред сердито зыркнул на меня. «Спасибо, Минимун, удружил», — прочитал я в этом взгляде.

— Нет. Конечно нет. Я никогда бы так не поступил. Мы здесь, чтобы спасти тебя. Не делай этого, папа. Доверься мне. Войдешь туда и окажешься в тюрьме, а мы под надзором. Неужели ты этого хочешь? Маме бы такое не понравилось.

Папаша Шарки пришел в ярость.

— Все! — воскликнул он, тыча в Реда пальцем размером с сардельку. — Ты пересек черту! И нечего ссылаться на мать! Тебе было всего пять, когда она умерла!

— Я знаю, чего она хотела, — стоял на своем Ред.

— Ничего ты не знаешь! — закричал Папаша. — Посмотри на меня, Ред. Я — твоя семья.

Я, а не этот приبلудный пацан. Не сочти за оскорбление, Минимун.

— Ничего, — промямлил я.

— Это моя жизнь, — развел руками Папаша. — Что тут поделаешь?

Ред не ответил ничего, просто кивнул в сторону подъездной дороги. Огни фар прорезали тьму, свернув к промышленной зоне. В лучах оранжевых прожекторов вырисовался полицейский автомобиль со смятым в лепешку задним бампером. Объезжая склад спереди, он исчез из виду, но на другой стороне не появился.

Папаша зажал под мышкой сумку с инструментами.

— Домой! — приказал он. — Но учти, Ред, — разговор не окончен.

Я снова вернулся в «Шале Шарки», в последний раз. По дороге мы почти не разговаривали. Так или иначе, это будет моя последняя ночь здесь. Даже если бы мы не подсказали Марту заглянуть за спинку кровати Эйприл, все равно двадцать четыре часа, отведенные Папашей на расследование, почти истекли. А мы уложились даже быстрее.

На ночь полицейский пост у ворот сняли, и мы смогли войти через передний двор. Мы с Редом замешкались у двери, не испытывая осо-

бого желания снова оказаться лицом к лицу с Папашей.

— Мне нужно разобраться с этим семейным делом, Минимун, — сказал Ред. — Наверняка крику будет на весь дом. Почему бы тебе не отправиться к себе прямо сейчас?

Я и сам задавал себе этот вопрос. Мне отчаянно хотелось увидаться с родителями и сестрой. Однако интуиция подсказывала мне, что лучше вытерпеть еще несколько часов разлуки, пока Март окончательно не сложит все части головоломки одна к одной. Будет страшно интересно узнать, как все-таки они связаны...

— Э-э, видишь ли, дело-то пока не закрыто. У Марта может уйти целая ночь, чтобы разобраться с уликами, которые указывают на Эйприл и ее шайку. Я бы предпочел подождать, пока все не утрясется, а уж потом сдаваться полиции.

Остальные Шарки ждали нас на кухне. Папаша сидел во главе стола. По пути домой у него было достаточно времени, чтобы успокоиться. Однако он не воспользовался им по назначению.

— Марш сюда, вы, оба! — взревел он.

У нас мелькнула мысль дать деру, но тут же растаяла.

Глаза Папаши грозно сверкали из-под бровей, которые можно было заплетать в косички. Это-

му человеку не хватало только рогатого шлема, чтобы выглядеть в точности как викинг.

— Выкладывай, Ред. Что за муха тебя укусила?

— То, как мы живем... это неправильно, — прошептал Ред, глядя в пол. — Ты... ты сделал свой выбор, и Джини тоже. Но мы с Родди не обязаны жить той же жизнью.

Ирод засмеялся.

— А чего, классная же житуха! У меня в комнате полно видеоигр, а захочу еще — будут еще. И на что мне сдались друзья? Пацаны из школы? Пошли они куда подальше, эти уроды! Все, что мне нужно, — это пульт управления и мешок конфет!

Папашу это заявление явно застало врасплох.

— У тебя еще и мы есть, Родди.

— Пока — есть, — сказал Ред, уже громче. — Пока ты не оказался в тюрьме, в соседней камере с Артуром, дядей Питом, Чокнутой Мэри и Эйлин. Скоро там для Шарки придется отвести целое крыло. Да если бы не Минимун, ты бы уже сидел за решеткой!

— Ты скоро сядешь в тюрьму, папа? — спросил Ирод, которого такая перспектива, похоже, ничуть не испугала. — Когда?

Папаша насупил брови.

— Не сяду я ни в какую тюрьму!

— Я-то уж точно туда не собираюсь, — заявила Джини. — С моей страстью к нарядам... что мне там делать?

Однако Ред не собирался отступать.

— Расскажи Ироду правду! Расскажи, а потом уж делай из него вора!

У Папаши отвисла челюсть. По-видимому, это был первый случай, когда кто-то из его детей приставал к нему с такими требованиями. Придя в себя, он попытался обернуть все в шутку.

— Ах, Ред, мальчик мой, — почти пропел он и, пританцовывая, направился к сыну. — Ну какие же мы преступники? Просто здесь немного прихватим, там чуток отщипнем... — Обхватив Реда за плечи, он принялся вальсировать вместе с ним по кухне. — Расслабься, малыш. Разве мы не счастливы? Разве у нас дом не полная чаша?

Джини и Ирод тоже закружились в танце.

Ред вырвался из объятий отца.

— Мама взяла с меня обещание! — воскликнул он с вызовом. — Хотя мне было всего пять, мама заставила меня пообещать, что я не спущу глаз с Родди. Но как прикажешь это делать, если вы оба по уши увязли в мошенничестве? Какой пример вы ему подаете?

Да, это было внутреннее дело семьи Шарки, и я чувствовал себя совершенно лишним. Мне на-

до было бы сейчас быть дома, с родными. У нас своих проблем хватает. Мне вдруг остро захотелось домой. Я понял, что истосковался даже по надрывным мелодрамам Хейзл. Я готов был надеть любую рубашку, которую предложит мама. И папа. Папа... При мысли о нашей семье у меня защемило сердце. Эх, бросить бы все это расследование к чертям! А потом проспаться денек-другой...

Папаша Шарки перестал танцевать.

— Ты дал матери обещание? Она попросила об этом тебя, несмышлениша? Почему не меня?

Он и сам знал почему, но Ред все же произнес это вслух:

— Потому что ты никогда не изменишься, а для нас с Родди еще не все потеряно. Мы можем жить нормальной жизнью.

— Не хочу я жить нормальной жизнью! — заявил Ирод. — Какая в этом радость? Что мне, заделаться частным сыщиком, как ты и твой новый лучший друг?

— Ты слишком мал, чтобы знать, чего хочешь! — Ред понуро опустил на стул и спрятал лицо в ладонях.

Ирод засмеялся:

— Вот-вот, поплачь, Мэри! Дать тебе платочек?

— Заткнись, Родди! — внезапно взорвалась Джини. В ее глазах дрожали слезы. Она сердилась, грустила и раскаивалась — все одновременно. — Почему ты раньше ничего не рассказывал? — накинулась она на старшего из братьев.

— Я пытался приглядывать за ним тайком, — ответил Ред, не убирая рук от лица. — Не хотел идти против вас. Но сейчас... все зашло слишком далеко. Ирод постоянно ворует в школе. Полиция уже держит его на примете. Ждет не дождется его шестнадцатилетия, чтобы вручить в подарок наручники.

Джини достала из рукава бумажный носовой платок и вытерла слезы.

— Папа, знаешь... по-моему, Ред прав.

Папаша вскинул могучие руки.

— И ты туда же! Все против меня?

Джини стояла на своем:

— Тут нет ничего личного. Мы не против тебя. Мы за мамочку и за Родди тоже.

Погрузив пальцы в заросли бороды, Папаша поскреб подбородок.

— Ну, может, мне следует немного приструнить его...

— Что?! — завопил Ирод. — Нечего меня приструнивать! Еще не хватало — из-за каких-то дурацких бредней Реда...

Но Ирод забыл главное правило своей семьи: никто не смеет указывать Папаше.

— Нечего тебя приструнивать? — загремел Шарки-старший. — Это ты мне говоришь? В этом доме хозяин я! И ты будешь делать то, что я скажу. Начиная с сегодняшнего дня, три дня в неделю в школе! И никакого воровства!

— Тря дня в неделю! — взвыл Ирод. — Я что, робот?

Отец семейства был неумолим.

— Три дня. Без разговоров. А после Рождества, может, и четыре!

Ирод выбежал из комнаты, завывая, словно россомаха. По дороге он умудрился врезать мне по плечу.

— Это все ты виноват, Минимум, я знаю! — закричал он и исчез в коридоре.

Папаша обратил взгляд на меня.

— Долго ты уже болтаешься в нашем доме? — спросил он таким тоном, как будто переворот в его семье и впрямь произошел по моей вине.

— Всего один день.

— Да? А кажется, будто целую вечность. Как бы то ни было, к утру твое время истекает.

— Знаю. Двадцать четыре часа.

— С этим никаких проблем, папа, — сказал Ред. — Все улажено. Мы разобрались в этом деле, и к утру с нас снимут подозрения. Тогда Мун уйдет домой, и мы вернемся к обычной жизни.

— Все кончено? — задумчиво пробормотал Папаша. — Что-то уж больно легко и быстро. У меня нюх на преступления. Ничего тут еще не кончено, и возвращением к обычной жизни пока даже не пахнет.

Нюх против фактов. Папа располагал первым, я вторым. Если прав я, это дело мертво и похоронено. И существует только два способа восстать из мертвых. Первый — явиться кому-нибудь во сне. И второй — если закопали не то тело.

Во мне заворочался червячок сомнения.

— Мне нужно пойти к себе, — пробормотал я. — Еще раз просмотреть данные...

Мои распечатки так и валялись по всей комнате. Обычно, когда дело закрыто, взгляд в прошлое помогает заполнить пробелы, восстановить всю картину. Когда знаешь, кто совершил преступление и почему, нетрудно вычислить, как оно было совершено.

Итак. Эйприл Деверо хочет избавиться от недисциплинированных мальчиков из своего класса. Какое отношение это имеет к Мэй Деверо, Адриану Маккою, Изабель Френч или Мауре Морнейн? На первый взгляд, никакого. Однако должна же быть какая-то система в безумии Эйприл. Какая-то связь между ее злодеяниями.

Разобраться в этом невозможно без ее блокнота. Март разберется. Он сложит вместе фрагменты мозаики, и я снова стану законопослушным членом общества. Счастливый финал, крепкие объятия и нежные поцелуи.

Я лежал на постели среди распечаток и фотографий. Старый пружинный матрас угрожающе провисал даже под моим ничтожным весом.

Мама. Папа. Хейзл. Простите. Скоро вернусь. Люблю. Флетчер Ватсон Шарки Минимун Мун.

Меня обуревали противоречивые чувства, в голове мелькали сценарии нашего воссоединения. Большинство этих сценариев заканчивалось тем, что меня держат под домашним арестом до той поры, пока я не женюсь и не стану жить отдельно. Когда воображение начинает рисовать картинки одна другой страшнее, это верный признак, что ты влип...

С какой стати «Les Jeunes Étudiantes» вообще заинтересовались мной?

Этот вопрос не давал мне покоя, потому что я не знал на него ответа. Почему я стал мишенью Эйприл и ее приятельниц? Чем больше я думал об этом, тем больше начинало казаться, что существуют два разных дела. Как сказал Март на скамье в парке целую вечность назад? Иногда, если никак не удастся найти систему,

причина в том, что система не одна. Две группы злоумышленников. «Les Jeunes Étudiantes» и таинственный великан. Возможно ли это? Возможно ли, что, бросив дротик в фотографии, я случайно вышел на грандиозные замыслы Эйприл Деверо, которые тем не менее не объясняют всего?

Нет, решил я. Невозможно. Городок Локк просто слишком мал, чтобы вместить две преступные группы. Между жертвами должна быть связь, пусть даже тонкая, как паутина. Нужно проявить терпение. К утру прояснится, как часто говорят синоптики. Вот только такие прогнозы редко сбываются.

Мое вымотавшееся до предела тело провалилось в сон. Но мозг, честное слово, бодрствовал до самого утра, неустанно пытаюсь разгадать головоломку. Что, если мы ошибаемся? Что, если наш великан все еще прячется в кустах, поджидая следующую жертву?

К восьми тридцати утра я был уже на ногах и, полностью одетый, шел по коридору к спальне Реда.

Постучав в дверь, я крикнул:

— Не спишь?

Из-за соседней стены донесся голос Джини:

— Заткнись, свинтус. Ночь же еще.

В двери возник Ред. Его рыжие волосы слиплись и торчали во все стороны, словно иголки дикобраза.

— Мне нужен телефон, — сказал я, щелкнув пальцами. — Срочно.

Ред бросил мне мобильник.

— Домой хочешь позвонить? Сказать, что вот-вот будешь?

— Нет. Мне нужно поговорить с Мартом.

Ред выхватил у меня телефон, не дав набрать номер.

— Ты в своем уме? Никогда не звони полицейскому поутру. Ты что, даже этого не знаешь?

— Я должен удостовериться, что подозрения с нас сняты.

— Конечно сняты, Минимун. За всем стоят Эйприл и ее чокнутые подружки.

— Может, да. А может, и нет.

Ред вздохнул.

— Ты параноик, Минимун. — Он снова сунул мне телефон. — Давай, избавься от своих страхов.

Я набрал номер. Март ответил только после восьмого гудка.

— Сержант Хориган слушает. Вы что, не знаете, что лучше не звонить полицейскому поутру?

— Март, это Флетчер.

Он громко задышал, как будто пытаюсь успокоиться.

— Флетчер Мун, — сказал он наконец. — Ты сделал из меня шута, Флетчер. Или, может, мне следовало сказать «Ватсон»? — Март сложил два и два быстрее, чем я думал. — Кассиди рассказал мне о новом Шарки, и Эйприл только что подтвердила мои подозрения. Я еду к вам. Будь любезен, оставайся на месте.

У меня на это не было времени.

— Обвинение в поджоге с меня снято?

— Послушай, Флетчер. Выкинь из головы эту чепуху. У тебя и без нее хватает неприятностей.

— Я чист или нет? — заорал я в телефон. — Вы нашли блокнот? Он снимает подозрения с меня и Реда?

Воцарилось молчание — по всей вероятности, Март ждал, пока утихнет звон в ухе.

— Думаю, твое поведение можно рассматривать как покушение на офицера полиции, — наконец сказал он, — точнее, на его слух. И, отвечая на твой оглушительный вопрос: нет, в блокноте нет никаких упоминаний о тебе или твоём напарнике. Вам все ещё предстоит ответить на множество вопросов. Я не смогу помочь тебе, пока ты остаешься недостижимым для моей помощи.

Сердце у меня упало. Подозрение с нас не снято! Великан по-прежнему на свободе.

— Извините, Март. Мне нужно идти. Дайте мне двенадцать часов.

Он расхохотался.

— Двенадцать часов! Ну ты и шутник, Флетчер. Будет над чем посмеяться, когда встретимся. Конечно, после того, как разберемся с делами.

— Простите, Март.

— Не делай этого, Флетчер.

— Я должен идти.

— Флет...

Я отключился.

Ред сумел уловить суть нашего разговора.

— Полиция по-прежнему гоняется за нами, — утвердительно сказал он.

— Да. Март уже едет сюда.

Ред попытался пригладить волосы. Отчасти это ему даже удалось.

— Ясно. Здесь нам оставаться нельзя. Ты уже до чего-нибудь додумался?

Его вопрос обрушился на меня, словно удар дубины.

— Нет. У меня нет ничего. Нужна дополнительная информация.

Ред натянул рубашку.

— Нужно найти еще какую-то связь между жертвами, — закончил я.

Ред настороженно взглянул в оба конца коридора.

ГЛАВА 12

— Что, если я знаю того, кто может дать тебе эту информацию? — спросил он, убедившись, что поблизости никого нет.

— Тогда пошли.

— А как же завтрак? — заныл Ред. — Завтрак — самая главная еда за весь день.

Я застегнул доверху молнию на своем блестящем тренировочном костюме.

— Тогда выбирай: либо мы останемся без завтрака, либо окажемся в тюрьме.

СЛЕД ВЕЛИКАНА

— Куда мы едем, Ред? — спросил я.

Мы катили вниз по разбитой дороге, в ушах у меня свистел ветер.

— Туда, где смогут подхлестнуть твоё расследование, — бросил Ред через плечо. — Существует только одно место, где можно узнать, что происходит в нашем городе.

— Полицейский участок?

Ред так хохотал, что руль едва не вывернулся у него из рук на очередной колдобине.

— Полицейский участок! Ты что, серьезно? Никто ничего не рассказывает полиции! Нет, это, можно сказать, участок наоборот. Именно там папа узнает все, что ему требуется. Просто так, с улицы туда не попадешь. Папа предупреждал, чтобы я не приводил тебя. Но, видишь ли, мы теперь напарники.

Напарники? Вот так сюрприз! Впрочем, скорее приятный.

Ред обогнул холм Хили, направляясь в сторону пригородов. Не тех пригородов, где стоят шикарные новомодные коттеджи. Других. Тех, где подростки скачут на неоседланных лошадях и дымятся останки сожженных автомобилей.

Ред остановился около одного из двух домов, имеющих общую стену. Над крыльцом была закреплена камера видеонаблюдения, защищенная ячеистой сеткой.

Не успели мы слезть с велосипеда, как нас окружили трое подростков.

— Привет, Ред, — сказал один, тощий тип с полудюжиной колец в ухе и экстравагантной прической: в его коротких волосах были выбриты полосы в виде кельтских спиралей. — За евро я пригляжу за твоим великом.

Ред развернулся к нему.

— Если с моим великом что-нибудь приключится, я буду считать, что ты в ответе за это, Торопыга.

Торопыга. В каждом ирландском городе есть хотя бы один парень с такой кличкой.

— Считай, как тебе угодно, велик это не убежит.

Ред схватил штаны спортивного Торопыги за пояс и с такой силой дернул на себя, что швы разошлись и штаны оказались у него в руках, обнажив мосластые колени незадачливого юнца.

— Получишь обратно, когда выйду. И если на руле будет хотя бы птичья какашка, я сотру ее твоими штанами.

Торопыга кивнул, натягивая футболку аж до колен.

— Никаких проблем, Ред. И никаких обид.

— Вот-вот, Торопыга, так-то лучше, а не то придется померзнуть.

Эффективная тактика. Если бы удалось заставить всех хулиганов вершить свои черные дела без штанов, мир стал бы гораздо безопаснее.

Ред надавил на кнопку интеркома.

— Пожалуйста, встаньте в рамку, — слышался голос из громкоговорителя.

У порога был нарисован белый квадрат. Я втиснулся рядом с Редом.

— О, смотрите-ка, кто пожаловал! — произнес женский голос. — Знаменитый беглый преступник!

Очевидно, обитательницу этого дома моя хитроумная маскировка не обманула. Кто же она такая и что ей известно о наших делах?

Миновав вполне обыкновенный коридор, мы попали в большую гостиную, посреди которой в кресле сидела пожилая женщина в твидовом брючном костюме. Ее седые с голубоватым отливом волосы были стянуты на затылке в плот-

ный узел, в ухе красовался наушник беспроводной гарнитуры мобильного.

— Ух ты! — вырвалось у меня.

Старая леди превратила свою комнату в настоящий информационный центр. На одной стене висели три плазменные телевизионные панели, показывающие «Си-эн-эн», «Скай-ньюс» и «Би-би-си». Вдоль другой стены выстроились офисные шкафы для документов. Ящики шкафов были помечены ярлычками «Кражи», «Хулиганство» и «Б».

— А что такое «Б»? — спросил я.

— Брачные дела и все, что с ними связано. Если в этом городе кто-то целуется или обнимается, я тут же об этом узнаю. Могу тебя порадовать, юный Мун: твои родители целуются только друг с другом. Хотя они, к сожалению, в меньшинстве.

— Откуда вам известно обо мне? — удивился я. — Кто вы?

Женщина похлопала по медной табличке у себя на груди. Там было выгравировано: «Доминик Кехау».

— Я знаю о тебе все, Флетчер Мун. Мы с тобой занимаемся одним делом. Кроме тебя, я — единственный в Локке дипломированный частный детектив.

— Никогда не слышал о вас.

Доминик улыбнулась.

— Потому что мне не нужно было, чтобы ты слышал. Однако, хотя мы с тобой и по разные стороны баррикад, я уже давно тебя поджидаю.

Третью стену комнаты занимали карты, утыканные цветными флажками. Я опознал в них схему деятельности нескольких преступных групп, теперь уже раскрытых. Однако Доминик сумела выявить такие закономерности и связи, каких я в жизни не вычислил бы даже с помощью своего компьютера.

— Очень впечатляет, — сказал я в конце концов. — Только непонятно, зачем вы это делаете?

— Потому что знание — это сила, Флетчер. Рано или поздно в жизни каждого человека наступает момент, когда он нуждается в информации. И, как правило, я могу дать ему то, что он хочет. За соответствующую плату.

— У вас есть свой человек в полиции, верно? Женщина засмеялась.

— Много ли люди рассказывают полицейским?

— Вряд ли вы можете знать подробности, не имея доступа к полицейским досье, — скептически заметил я.

Вместо ответа Доминик встала, подошла к одному из шкафов и достала довольно увесистую папку.

— Пять лет назад, декабрь. Флетчер Мун покупает книгу по вязанию крючком.

Мне стало неуютно.

— Постойте, миссис Кехау! Обойдемся без подробностей.

Она провела пальцем по странице.

— Флетчер Мун под вымышленным именем побеждает в окружном конкурсе по вязанию крючком. Приз так и остался невостребованным. Если хочешь, я могу предъявить видеозапись.

У меня перехватило горло.

— Видеозапись?

— Куда бы тебя ни занесло, Флетчер, всегда внимательно смотри по сторонам. Камеры есть везде. Установленная на почте камера зафиксировала, как ты отправляешь свое изделие в ярко-голубом конверте.

Я натянуто улыбнулся Реду.

— Это было просто увлечение. С ним давно покончено.

Он рассмеялся.

— Вязание? Знаешь, я не так уж и удивлен. Доминик достала другую папку.

— Флетчер не единственный, у кого есть секреты. — Она полистала страницы. — Прошлый сентябрь. Ред Шарки записывается в местную библиотеку.

— Вранье! — выпалил Ред.

— Боюсь, что нет. Вот они данные, все тут. В декабре ты пять раз расписывался за «Черного красавчика».

Ред закашлялся, прикрывая рукой покрасневшее лицо.

— Да, я люблю лошадей. Очень люблю. А теперь, Доминик, давайте перейдем к делу.

— Прекрасно. Только сначала уладим формальности.

— Формальности? — спросил я.

Доминик открыла на своем компьютере шаблон счета.

— Я помогу тебе лишь потому, что знаю — ты невиновен. Тем не менее, молодой человек, я хочу получить плату.

— Откуда вы знаете, что я невиновен?

— Ред сказал мне.

— Вы доверяете Реду больше, чем всем полицейским файлам?

— Конечно. Ред на протяжении многих лет исправно поставляет мне информацию и еще ни разу не подвел, — ответила Доминик. — Но это вовсе не означает, что я стану помогать просто по доброте душевной.

Ред достал истрепанный бумажник.

— Ставка обычная, Доминик?

Она заполнила разделы с датой и именем клиента.

— М-м... нет. Это особый случай. Значит, с надбавкой. Двести евро и никаких гарантий.

Ред вздрогнул.

— Двести? Но ведь сейчас решается наша судьба!

Доминик пожала плечами.

— Мое сердце кровью обливается, Ред. Двести. И никакой торговли, как это принято у вас, Шарки.

— У меня всего восемьдесят, и ради этого мы выскребли оба наших банковских счета.

— Я могу кое-что предложить вам, миссис Кехау, — сказал я. — В порядке обмена.

— Не интересуюсь, — отрезала Доминик принимая факс. — Я имею дело только с наличными.

— Вам наверняка известно о существовании полицейского веб-сайта.

Доминик наострила уши.

— И что?

— Тот или та, кому известен его пароль, может несколькими прикосновениями к клавиатуре раздобыть немало ценных сведений.

Доминик попыталась изобразить безразличие, но я заметил, как хищно дернулись ее пальцы.

— И ты знаешь пароль?

— Знаю. В данный момент он действителен, но его могут сменить в любой момент.

— У меня беспроводной доступ. Он позволяет за секунды скачать огромное количество информации.

— Так вы поможете нам?

Доминик вернулась к компьютеру и открыла интернет-браузер.

— Не так быстро, Флетчер. Сначала я должна оценить информацию. Какой пароль?

— Блю-флю, — ответил я, молясь, чтобы Март еще не успел сменить пароль.

Руки Доминик пробежались по клавишам, и перед ней открылся доступ ко всей полицейской информации. От радости она будто на десять лет помолодела.

— С тобой стоит иметь дело, Флетчер. Нас ждут годы плодотворного сотрудничества.

Я не был уверен в этом. Как детективы, мы стояли на диаметрально противоположных позициях. Доминик хотела власти и денег, меня же интересовали лишь разгадки.

Я достал из кармана блокнот.

— Тут у меня есть список. — Я вырвал страницу. — Мне нужно установить связь между этими людьми.

Доминик бегло проглядела список.

— Школа?

— Это первое, что приходит в голову, однако школа связывает лишь Реда, Эйприл, Мэй, Мерседес и меня. Но не остальных.

Доминик принялась один за другим вводить фамилии.

— Я работаю с базой данных всего города. Людей связывают семейные отношения, работа или учеба и местожительство. Посмотрим, что дадут эти фамилии.

Спустя несколько мгновений компьютер выявил все случаи упоминания введенных Доминик восьми фамилий. Она включила цифровой проектор, и то, что было на экране компьютера, отразилось на висящей на стене белой доске.

Она бросила мне маркер для работы с доской.

— Покажи, что ты можешь отсюда извлечь.

Я встал перед доской, пристально глядя на фамилии и страстно желая, чтобы меня осенило. На экране высветились двадцать карточек наподобие каталожных. Большинство фамилий фигурировали в двух из них, некоторые в трех. Семья, род занятий, место жительства. Ни в одной карточке не присутствовали все восемь фамилий.

— Ответ где-то здесь, — пробормотал я себе под нос.

Я обвел фамилии всех восьми жертв и соединил их неровными линиями. Толку от этого было немного, разве что стало ясно, как высоко я могу дотянуться.

— Пятеро учатся в одной школе. А что насчет остальных? — спросила Доминик. — Как ты на них вышел? Пока ловил журавля в небе?

Я постучал по ссылке на Мауру Морнейн, маниакальную любительницу шоколада.

Доминик за моей спиной вздохнула.

— Ее мать ужасная особа, но сама Маура прелестная девочка.

Я резко обернулся.

— Вы ее знаете?

— Она иногда сидит с моим внуком. Он в ней души не чает.

Кусок головоломки встал на место. Озарение сверкнуло белой вспышкой перед моим внутренним взором. Вот ради таких мгновений и живут детективы! Прежде чем заговорить, я несколько раз глубоко вздохнул, чтобы успокоиться.

— Она не только в вашей семье работает, верно?

— Да. Родителям она нравится. У меня есть список ее клиентов.

Просить Доминик не пришлось. Охваченная сыщицким азартом, она уже рылась в шкафу.

— В чем дело? — спросил Ред.

Я пропустил его вопрос мимо ушей, боясь потерять мысль.

Доминик вручила мне список. Расправив его на стене, я проглядывал фамилии.

— Вот! — победоносно воскликнул я. — Джеймс и Иззи Бэннон. Их дочь Гретель учится в третьем классе школы Святого Иеремии.

Связь. В конце концов это все-таки оказалась школа. Нужно было просто шире раскинуть свою сеть.

Я с новым энтузиазмом заскользил взглядом по остальным фамилиям.

— Изабель Френч.

Эта молодая учительница танцев упоминалась в трех карточках. Причем ее фамилия была указана в двух вариантах: в одном — та, которую она носила сейчас, в другом — та, которую получила при рождении.

Я пробежал пальцем по карточке семьи Изабель. Там стояла фамилия Хэлпин.

Я стукнул по доске.

— Френч — фамилия ее отчима. Она урожденная Хэлпин.

Ред щелкнул пальцами.

— Тяни-Толкай Хэлпин из пятого класса! Изабель, наверное, его сестра!

— Остался всего один.

Всего один. Так близко!

Доминик включила лазерную указку и высветила ею имя Адриана.

— Адриан Маккой? Диджей?

В ее голосе послышалось что-то знакомое... Без сомнения, это была увлеченность, охотничий азарт детектива! Может, мы не такие уж и разные.

— Да. И что о нем, миссис Кехау?

— Адриан часто выступает в центре досуга.

Я знал, я чувствовал, что сейчас услышу, с той же уверенностью, какую испытывает человек, внезапно вспомнивший, где оставил потерянную вещь.

— Два мальчика из его группы, Джонни Ригордан и Пирс Бент, учатся в...

— Школе Святого Иеремии! — выпалил Ред. — Я их знаю. Они иногда берут у Адриана напрокат его вертушки.

Лоб у меня запылал и загудел, словно обогреватель.

— Теперь все. Мы нашли всех.

— Нет, не всех, — сказала Доминик. — Люди часто не сообщают о преступлениях, не имевших серьезных последствий. Но я слышала об одном таком.

— Ну?

Доминик кивнула на грудку папок в лотке для входящих бумаг.

— Поищи сам.

— Не тяните, Доминик. Что там интересного для нас?

Доминик на мгновение задумалась.

— Только одно дело. Странный случай. Маура Лэси. Кто-то прислал ей в букете роз начиненную краской бомбу. После этого мисс Лэси переехала в Дублин. Она так испугалась, что не смогла больше оставаться в Локке.

Я нашел нужную папку. Там был указан номер мобильного телефона.

Я вручил папку Доминик.

— Сами позвоните?

— Конечно.

Доминик набрала номер, переключив разговор на громкую связь.

Маура Лэси ответила после третьего гудка.

— Да? — Тон у нее была настороженный, почти испуганный.

— Маура, это детектив Бирн из полицейского участка Локка. Нам известно о цветах, которые вы получили якобы от друга. Этот случай заинтересовал нас, и меня интересует, не согласитесь ли вы нам помочь?

Из громкоговорителя слышалось учащенное дыхание Мауры.

— Я стараюсь забыть Локк, как страшный сон. И не буду подавать никаких заявлений, даже если вы найдете виновного.

— Всего один вопрос, — Доминик говорила очень спокойно, очень профессионально, — и мы оставим вас в покое. Мы просто пытаемся связать вместе несколько случаев. Даже ваше свидетельство не понадобится, если дойдет до суда.

— Один вопрос?

— Десять секунд, и можете спать спокойно, зная, что выполнили свой гражданский долг.

— Хорошо, детектив. — Голос у Мауры был тихий, точно мышиный писк.

Ничего удивительного, подумал я. Ведь стать жертвой нападения — это такая травма для пси-

хики, которая может навсегда изменить человека.

— Вопрос вот какой, Маура. Живя тут, в Локке, вы имели какой-либо контакт с учениками школы Святого Иеремии?

Маура долго молчала, прежде чем ответить.

— Я подрабатывала репетиторством по математике. Готовила учеников к выпускным экзаменам. Одна из моих девочек была из школы Святого Иеремии. Джулия Кеннеди. У нее очень требовательные родители. Они угрожали посадить ее под домашний арест, если она не добьется более высоких оценок. Надеюсь, она нашла нового репетитора. Это все, что вы хотели узнать?

— Да, благодарю вас, Маура. Вы очень помогли нам.

Маура отключилась первой, и несколько секунд из динамика доносились гудки — пока Доминик не вспомнила, что ей надо сделать то же самое.

— Все ясно, — прошептал я. — Больше вопросов нет. Школа Святого Иеремии — вот связь.

Ред шагнул к доске, и его тень упала на нее, заслонив часть карточек.

— Отлично. Но что это за связь?

Этого я пока не знал.

ГЛАВА 13

— Требуется более детальная информация обо всех, кто входит в наш новый список.

Доминик Кехау полистала свои папки.

— Если ни у тебя, ни у меня нет такой информации, то у кого она может быть?

Внезапно перед моим внутренним взором возникли ухмыляющиеся псы и вязаный кардиган.

— Есть один человек, — с дрожью в голосе ответил я.

ЛАРРИ И АДАМ

В тот день я по-настоящему стал одним из Шарки, а не просто крашеным самозванцем. Я сделался Шарки до мозга костей. Гены Шарки, точно вирус, распространились по всем моим системам, запугали остальные гены, и те забились в укромные уголки моей личности. Я обнаружил, что шагаю уверенно и разговариваю жестко. Прежнее существование казалось бесцветным. Теперь я жил полной жизнью, радуясь каждой секунде, проведенной вне стен полицейского участка.

Ред прихватил с собой целую гору всякого снаряжения: длинную веревку, небольшой набор инструментов и две маленькие сковородки.

— Сковородки?

Ред усмехнулся и протянул мне на выбор колготки или жестянку с гуталином.

— Секреты ремесла, Флетчер. Смотри и учись.

Я выбрал гуталин и намазал его густым слоем на щеки, чувствуя, как он проникает в поры. Уйдут месяцы, прежде чем удастся до конца отчистить его, а ведь под ним еще и искусственный загар. Я предложил гуталин Реду.

— Ага, размечтался, Флетчер, — усмехнулся он и натянул на лицо свой верный шлем.

Вечером школа Святого Иеремии выглядела совершенно иначе, нежели днем. С наступлением темноты она лишилась всех отличительных признаков школы и превратилась просто в одно из городских зданий. Без разрисованных стен, начерченных мелом «классиков» и выбегающих из ворот неугомонных детей школа с равным успехом могла быть и офисным зданием, и тюрьмой.

Прячась за оградой, мы с Редом готовились совершить проникновение со взломом.

Ред достал сковородки.

— Я все время пытаюсь уйти от такой жизни, Минимун, — сказал он.

В своем шлеме Шарки чем-то походил на большую черную рыбу.

— Знаю, Ред, но у нас нет выбора. Великан все еще на свободе.

— Эх, рановато еще для проникновения со взломом. Папа всегда говорит, нужно дожидаться, пока закроются ночные клубы. Мало ли кто будет возвращаться домой?

— Мы не можем ждать. Вдруг еще кто-нибудь пострадает?

Ред вздохнул.

— Не привык я беспокоиться о ком-то, кроме своих родных...

Он перекинул сковородки через ограду и перелез сам.

— Для чего нужны сковородки? — спросил я.

Поскольку мы находились по разные стороны забора, мне приходилось глядеть на напарника сквозь прутья решетки, и это зрелище показалось мне дурным предзнаменованием. А вдруг мне уже пора привыкать смотреть на мир из-за решетки?

Ред усмехнулся, сверкнув зубами.

— Просто перелезай сюда, как только услышишь мой свист.

С этими словами он исчез.

И я остался один... Совсем один. Мне стало страшно одиноко. Главным образом как раз потому, что я остался один, многоточие, совсем один. Но не только это бредило мне душу. Через считанные минуты мне предстоит пересечь черту между дерзостью и преступлением. Если я действительно приму участие в проникновении со взломом, моя фотография запросто может оказаться в полицейском досье. Но... куда деваться? Мне позарез нужно пробраться в шко-

лу, чтобы найти последнее недостающее звено. Иначе пострадает кто-нибудь еще, а моя собственная жизнь растает, точно парус на горизонте...

Тут я услышал рычание Ларри и Адама. Звук был такой, словно во дворе разгоняются, ревя моторами, два спортивных автомобиля. Мне казалось, ужаснее этого рычания я ничего в жизни не слышал — пока вслед за ним не раздалось быстрое клцанье когтей по бетону.

Я вцепился в решетку ограды и принялся ее трясти, как будто рассчитывал вытащить металлические прутья из давно затвердевшего цементного ложа.

— Ред! — крикнул я, начисто забыв о том, чем мы тут занимаемся. — Выбирайся оттуда! Псы сожрут тебе живьем! Ну или если повезет, то сначала убьют...

Раздался свист. Может, это был сигнал, что мне пора перелезть, а может, Реду не хотелось умирать в одиночестве.

— Ред? — зашипел я во тьму. — Ты жив? Можешь разговаривать? Медицинская помощь не требуется?

В темноте передо мной снова сверкнули белоснежные зубы.

— Слушай, заткнись, а? Ты что, не слышал, как я свистел? Дуй сюда!

Я не стал спорить и полез через ограду. Ред лицом к лицу встретился с Ларри и Адамом —

и уцелел. Да, в школе его не зря считали крутым.

Я уверенно пересек двор в полной темноте, благо за долгие школьные годы успел изучить его как свои пять пальцев. Впереди слышались шаги Реда и какие-то зловещие чавкающие и хлюпающие звуки. Мне сразу вспомнились все страшные истории, которые я читал, и разыгравшееся воображение принялось рисовать картины одна другой ужаснее. Но, оказавшись рядом со зданием, я обнаружил, что зловещее плотоядное чавканье издают Ларри с Адамом, слизывая жир со сковородок.

Ред стоял на коленях рядом с псами, привязывая их к школьному масляному баку.

— Родди знает всех сторожевых псов в Локке. Они его любят. Думаю, это из-за того, что он сам носится по улицам, как дворняжка. Покажи эти сковородки любому псу в радиусе пяти миль, и он брякнется на спину, чтобы ему пощекотали живот.

— Очень хитроумно.

— Старый трюк. Мы никогда не моем эти сковородки — на случай, если понадобится отвлечь какого-нибудь пса.

Меня чуть не вывернуло наизнанку: я вспомнил, как с этих самых сковородок Джини накладывала всем сосиски. Сколько собак вылизывали их? Ох, лучше и не думать...

Мы обошли начерченные на бетоне «классики» и на цыпочках подобрались к окну директорского кабинета. Жалюзи опущены не были, и на подоконнике был отчетливо виден похожий на жука датчик сигнализации.

— Вот и все. — Я вздохнул с облегчением. Против лома нет приема, ничего не поделаешь. — Мы не сможем открыть окно.

Ред положил сумку с инструментами на наружный подоконник.

— Я и не собираюсь открывать его, — сказал он. — Тогда включится сигнализация.

Если Ред сделал это заявление только ради того, чтобы я почувствовал себя болваном, он своего добился.

Он достал из сумки плоскую стамеску и с величайшим терпением принялся отковыривать замазку сначала вдоль нижней части окна, потом вдоль боковой, верхней и вниз вдоль другой боковой, к началу.

— Тук-тук, — сказал он, осторожно постукивая по центру стекла.

Оно наклонилось и выпало из рамы. Ред подхватил его и аккуратно положил на землю.

— Датчик активируется, только когда окно открывают. А так я не разомкнул цепь.

Еще один перл семейной премудрости Шарки. Тысяча и одна вещь, которым не учат в школе.

— Я запомню.

Ред потупился.

— Не надо, не запоминай, Флетчер, — тихо попросил он. — Когда мы выпутаемся из этой истории, забудь обо всем, что мы делали. Я, во всяком случае, попытаюсь. Я все время пытаюсь.

Было темно, лицо Реда скрывал шлем, но я знал, что увидел бы в его глазах. Боль. Ему не так уж легко далось решение нарушить закон, проникнув в школу.

Сделав глубокий вдох, он ловко подтянулся, вскочил на подоконник и скрылся в темноте комнаты. Я вскарабкался следом. Получилось не столь грациозно, но, по крайней мере, мне удалось не зацепиться за раму и не на шуметь.

Ред включил маленький электрический фонарик.

— Ну и что мы ищем?

Я подошел к письменному столу. Этот кабинет заставлял меня сильно нервничать. Вдоль стен чувствовался мускусный душок доберманов, от кресла исходил запах влажной шерсти, заставляя ощущать призрачное присутствие директрисы Куинн.

— Вот. — Я вытащил из ящикаgrossбух с обложкой из узорчатой бархатной бумаги. — Здесь директриса Куинн хранит уникальные записи о школьной деятельности каждого ученика. Ее картинки должны помочь нам найти последнее связующее звено.

Я обеими руками грохнул грессбух на стол и открыл его. Ред опустил жалюзи и включил настольную лампу.

— Поторопись, Минимум.

Я почти не обратил внимания, что он опять обозвал меня, — сейчас это меня волновало меньше всего. По правде говоря, прозвище даже начало мне нравиться. Так герои гордятся боевыми шрамами, пусть и некрасивыми.

Фамилии учеников были сгруппированы по классам, а в пределах каждого класса рассортированы по алфавиту. Я полистал страницы, пока не нашел интересующие меня фамилии.

— Ну? — спросил Ред.

Сердце у меня учащенно забилося, перед глазами поплыло, руки задрожали. Конечно. Конечно. Идиот. Дубина. И ты еще называешь себя детективом?

— Заткнись, — зашипел я на Реда. — Я думаю.

Картинки объясняли все. Танцовщица. Королева караоке. Диджей. Однако следовало убедиться окончательно. Я перелистал страницы до пятого класса. Нашел Тяни-Толкая и нарисованную рядом с его фамилией балетную туфлю. Дальше, третий класс. Гретель Бэннон и неумелое изображение флейты рядом. Значит, она музыкантша. Я проверил остальные фамилии. Моя теория подтверждалась.

— Смотр талантов, — прошептал я, как будто опасаясь, что, произнесенные громко, слова разрушат заклинание и мои рассуждения рассыплются как дым. — В прошлом году все вы участвовали в смотре талантов. Мэй и Тяни-Толкай танцевали, Мерседес исполняла караоке, Джонни и Пирс были диджеями. Джулия Кеннеди и Гретель Бэннон выступали с музыкальными номерами. А ты вроде как изображал Элвиса.

— Почему это «вроде как»? — надулся Ред. — Совсем даже не «вроде как». Мне потом делали предложения. Если уж на то пошло, ты-то вообще в смотре не участвовал.

Я закрыл грессбук.

— Не понимаешь? Мы с тобой одной веревочкой связаны. Тот, кто напал на меня, одновременно и меня устранил, и тебя сделал подозреваемым. — Я сорвал список участников смотра талантов с доски объявлений директрисы. — А теперь все жертвы не смогут участвовать в конкурсе. Единственное исключение — Мэй, этот тип сжег ее «счастливое» платье, но танцевать-то она может. Думаю, теперь он попытается добраться до нее самой.

— Тогда ему лучше поторопиться, — заметил Ред. — Смотр талантов начался двадцать минут назад.

У меня подогнулись колени.

— Сегодня вечером? — потрясенно переспросил я. — Смотр сегодня вечером?

Вообще-то такие мероприятия, как смотр талантов, меня не слишком интересовали. Бернстайн был бы разочарован своим лучшим учеником. Хороший детектив ничего не упускает из виду.

— Ага. Я собирался петь «Люби меня нежно», но вместо этого пришлось сюда лезть.

Я потер лоб, соображая, как лучше действовать.

— Ты и споешь. Мэй в опасности. Мы должны попасть на конкурс.

— Каким образом? Меня же отстранили от занятий в школе!

— Чисто формально — это внеклассное мероприятие, оно не имеет прямого отношения к школе. Только комитет центра досуга обладает властью запретить Элвису участвовать в нем.

Мы покинули кабинет тем же путем, каким пришли, поставив на место стекло и заново наклепив замазку. Пять минут спустя мы уже перелезали через ограду, и единственным признаком нашего недолгого пребывания на территории школы было то, как смущенно моргали, глядя нам вслед, Ларри и Адам.

ПОСЛЕДНИЙ ФРАГМЕНТ ГОЛОВОЛОМКИ

И что только люди находят в этих конкурсах самодеятельности? Не понимаю. В центре досуга яблоку негде было упасть, повсюду толпились юные дарования и их многочисленная родня. Некоторые из выступающих выглядели так, что могли бы посрамить самых популярных кинозвезд.

Автомобили на стоянке стояли так плотно, что едва не царапали друг друга бортами. Тепло множества тел волнами выплескивалось сквозь открытые окна зала.

Ред послал сообщение своей группе поддержки, и Шарки встретили нас у служебного входа, при всех регалиях шестидесятых. По счастью, костюмы были готовы заранее, так что единственное, о чем Шарки оставалось побеспокоить-

ся, это грим и прическа. Джини соорудила у себя на голове что-то вроде окаменевшего пчелиного улья. На ней было украшенное блестками мини-платье и перчатки до локтей, а высоченные каблуки ее туфель здорово смахивали на ходули. Ирод нацепил черные очки и наклеил бачки.

— Отлично выглядишь, — сказал я, пытаясь проявить дружелюбие.

Ирод повертел бедрами, сложил два пальца пистолетом, «выстрелил» в меня и надменно фыркнул:

— Премного благодарен.

— От тебя требуется одно — провести меня внутрь, — сказал я Реду. — После этого можешь выступать сколько влезет. Я должен присмотреть за Мэй, чтобы с ней ничего не случилось.

Ред нахмурился.

— Знаешь, я всю дорогу думал об этом. И вот что я тебе скажу, Минимун: ничего с Мэй не случится.

Я понял, что он имеет в виду. Такие подозрения следовало пресечь в зародыше.

— Ее счастливое платье сгорело, Ред. Это неспроста.

— Это лишь вызовет к ней сочувствие. Она участвует в конкурсе, и не важно, какое на ней платье. Оно все равно не принесет ей удачи.

ПОСЛЕДНИЙ ФРАГМЕНТ ГОЛОВОЛОМКИ

Я постарался придать лицу скептическое выражение. Учитывая толстые слои искусственного загара и гуталина, далось мне это нелегко.

— О чем ты, Ред? По-твоему, все это натворила Мэй, чтобы победить в конкурсе? Устранила конкурентов, сожгла собственное платье, и все ради того, чтобы заполучить какой-то жалкий приз?

— Может быть. Насколько хорошо ты ее знаешь?

— Достаточно хорошо. Я, видишь ли, всегда присматриваюсь к людям, Ред. Это часть моего ремесла. Разве Мэй не помогла нам? Разве она не спасла Ирода?

Ред упрямо выпятил подбородок.

— Да, но... может, ты слишком уж внимательно присматривался к Мэй. Проникся всякими там романтическими идеями...

Щеки у меня запылали, едва не расплавив гуталин.

— Господи, да она же суший ребенок! Ей всего десять!

Ред неожиданно уступил, удивив этим и меня, и себя.

— Ладно, успокойся. Это возможность, не более того. Ты же сам не раз говорил, что нужно рассматривать все возможности, Флетчер.

Я действительно это говорил, цитируя «Руководство» Бернстайна. Может быть, и правда

нельзя исключать версию, что за всеми таинственными случаями стоит Мэй? А почему бы и нет? Потому что мне нравится Мэй? Потому что я доверяю ей? Впрочем, сейчас мне было не до того: над этой версией следовало хорошенько поразмыслить, а это можно будет сделать позже, когда Мэй окажется в безопасности. А кстати, неужели Ред только что назвал меня Флетчером?

У служебного входа маячил полицейский, все тот же Джон Кассиди. Дополнительная мера предосторожности в связи с угрозой со стороны двух полоумных беглых преступников. Кассиди со скучающим видом сидел на стуле, сложив на груди руки, но, увидев приближающегося Реда, тут же встрепенулся.

— Гляньте-ка, кто это! Элвис и с ним маленький уродец. Ты отстранен от занятий, Ред. У тебя столько же шансов попасть туда, сколько у какого-нибудь вооруженного топором психопата. И вдобавок Март разыскивает тебя.

Не говоря ни слова, Ред сунул Кассиди свой мобильный телефон. Тот поднес его к уху — естественная реакция человека, которому протягивают телефон.

— Алло?

— Алло? — откликнулся мужской голос. — Кто это?

Кассиди встал и подобрался.

ПОСЛЕДНИЙ ФРАГМЕНТ ГОЛОВОЛОМКИ

— Полисмен Джон Кассиди, а вы кто?

— Я Брендан О'Келли Риордан, адвокат семьи Шарки. Вы нарушаете конституционные права моих клиентов, не пропуская их на публичное мероприятие, в список участников которого они внесены.

Кассиди окаменел.

— Я получил приказ.

— Прекрасно, но ваш приказ не имеет законной силы. Если вы будете продолжать оказывать на них давление, мы предъявим вам иск.

Голова Кассиди дернулась.

— Иск?

— Вот именно, иск. Вы травмируете моего клиента, чем способствуете задержке его умственного развития и провоцируете его на антиобщественные поступки. Спросите-ка юного Реда, как сильно он травмирован.

Полицейский Кассиди прикрыл микрофон рукой.

— Эй, Ред! Ты сильно травмирован?

Ред изобразил на лице мировую скорбь.

— Очень сильно. Примерно на десять тысяч долларов. А если в суде я пушу слезу, может, потянет и на все двадцать.

Кассиди бросил ему телефон.

— Я только что услышал подозрительный шум неподалеку и должен на минутку оставить

пост. Если кто-то проникнет в зал, пока меня нет, это не моя вина, верно?

Ред убрал телефон в карман.

— Ага, не ваша.

Мы гуськом прошли мимо Кассиди через служебный вход центра досуга. По такому случаю даже Ирод умудрился промолчать. Кассиди был на взводе, и любое колкое замечание могло вывести его из себя.

Когда я попытался прошмыгнуть мимо его живота, Кассиди придержал меня за плечо.

— Остерегайся Флетчера Муна, Ватсон. Он психопат, каких мало, поверь мне на слово.

— Не беспокойтесь. — Я почесал бровь, чтобы прикрыть лицо. — Я буду настороже.

Оказавшись в здании, я испустил вздох облегчения. По-видимому, Март пока никому не сообщил, что Ватсон Шарки и есть Флетчер Мун. То ли счел, что улики маловаты, то ли хочет сам поймать меня.

За кулисами центра досуга было не протолкнуться. Похоже, Кассиди пропускал сюда всех подряд. Гордые мамы взбивали волосы дочерям, папаши бросали на соперников сердитые взоры, а сами будущие поп-звезды расхаживали с таким видом, словно «платиновые» диски уже у них в кармане. Мэй нигде видно не было.

ПОСЛЕДНИЙ ФРАГМЕНТ ГОЛОВОЛОМКИ

— Ладно. — Мой взгляд метался по сторонам, словно у испуганного оленя. — Вы, ребята, занимайтесь своими делами, а я поищу Мэй. Надо ее предостеречь.

— Или насторожить, — пробормотал Ред.

Я сделал вид, что не слышал. Не мог я исходить из возможности, что за всем случившимся стоит Мэй, не мог и все. Мне она нравилась.

«Сердце — враг разума». Опять Бернстайн. Но я никак не мог просто так взять и отбросить свои чувства, словно отклеившийся пластырь. Я живой человек, а не ходячий сборник цитат.

Джини дала нам с Редом по объемистому пакету.

— Надевайте костюмы. Нам же все-таки и выступать еще.

Я хотел воспротивиться, поскольку времени не переодевание не было, но потом передумал. Вряд ли я смогу помочь Мэй, если меня станут на каждом шагу останавливать работники центра с вопросом, что я забыл за кулисами.

Мы нырнули за декорацию волшебного колодца, склеенную из картонных коробок. Наряд Реда копировал костюм Элвиса периода Вегаса: белый комбинезон, серебристый пояс-шарф и плащ. Мой наряд, позаимствованный из фильма «Тюремный рок», состоял из черного полотняного костюма и полосатой рубашки. Все это

было скроено на Реда, так что мне пришлось подвернуть штаны и рукава.

Ред расправил на плечах плащ на шелковой подкладке и улыбнулся:

— Ну и видок у тебя!

Несмотря на наше незавидное положение, я не мог не улыбнуться в ответ. Мы с Редом сейчас были лазутчиками на вражеской территории, сыщиками, под чужими личинами расследующими преступления. А у таких героев жизнь полна опасностей, и лишь в краткие моменты затишья они могут позволить себе обменяться дружескими улыбками. Особой остроты ощущениям придавало то, что за углом вполне мог прятаться опасный маньяк.

Я хлопнул Реда по плечу, и он не увернулся, хотя вполне мог бы.

— Экий ты хулиган, Минимум. Я натравил бы на тебя адвоката, если бы он у нас был.

Я не слишком удивился, услышав, что у Шарки нет семейного адвоката.

— Кто же тогда говорил по телефону?

— Папа. Он на любую тему может шпарить, как по писаному. В Тринити-колледже* набрался. Папа был одним из первых студентов по философии.

* Тринити-колледж — старейшее высшее учебное заведение в Ирландии, одно из самых уважаемых в Европе.

ПОСЛЕДНИЙ ФРАГМЕНТ ГОЛОВОЛОМКИ

Вот так сюрприз! Да уж, Шарки не стоит недооценивать в любой сфере.

— Встретимся здесь же, — сказал я. — После «Люби меня нежно».

Ред приклеил на щеки бачки.

— Ладно. Будь осторожен. Знаю, ты считаешь Мэй жертвой, но в кино злодеем всегда оказывается тот, кого меньше всего подозреваешь.

— Это не кино, это реальная жизнь. А в реальной жизни виновным обычно оказывается тот, на кого падает больше всего подозрений.

С этими словами я поспешил прочь, пока Ред не напомнил мне, что больше всего подозрений падает на нас с ним.

Идти приходилось, раздвигая толпу плечом. Абсолютно все, кто суетился за кулисами, знали Флетчера Муна в лицо, и многие боялись этого беглого преступника, но я высоко держал голову, уверенный в своей маскировке. Сейчас я был Шарки, и люди могли усмехаться у меня за спиной, но никто не посмел бы бросить мне вызов.

Найти Мэй оказалось нелегко. Мне попались фокусники, запихивающие за пазуху полузадушенных голубей, две музыкальные группы, роняющие на пол дождь блесток, которыми были усыпаны их жилетки, и два жонглера, перебрасывающиеся булавами. Но никаких ирландских танцовщиц.

Я начал уже впадать в отчаяние, когда услышал беспорядочный стук подкованных башмаков по деревянному полу. Это наверняка Мэй, догадался я. Так неритмично стучать способна только она.

Я пошел на этот звук и вскоре обнаружил, что не ошибся. Мэй танцевала в тени огромной связки воздушных шаров. На ней было новое платье, черное с серебром; светлые волосы струились по плечам. Свет из окна высоко под потолком падал на диадему у нее в волосах, рассыпаясь на тысячу радужных бликов. Я замер. Она была прекрасна. Такое прекрасное создание не может быть виноватым. Нет, Ред наверняка ошибался...

Я пристально вглядывался в лицо Мэй в поисках хоть малейших признаков потаенной злобы, но ничего не обнаружил. Недовольно надутые губки — да, но тут не было ничего удивительного: ноги Мэй упорно не желали двигаться в ирландском танце. «Цок-цок-цок» — стучали каблуки, и все мимо. Мэй повторяла танцевальные па с завидным упорством, но ритм не складывался.

И тут в густой тени возле стены что-то шевельнулось. Что-то темнее самой тьмы. Строго-настро-го запретив себе бояться, я стал вглядываться во мрак. Кто-то с головы до ног затянутый в

ПОСЛЕДНИЙ ФРАГМЕНТ ГОЛОВОЛОМКИ

черное подкрадывался к Мэй, держась у стены. Высокая фигура двигалась странно, слишком уж театрально-зловеще. Вряд ли этот человек имел добрые намерения. Вот он, преступник, который хитроумно сплел всю эту паутину, а теперь подбирается к своей последней жертве!

Живот у меня свело, сердце, казалось, стиснула невидимая рука. Я открыл было рот, чтобы позвать Реда, но быстро передумал. Нет времени. Придется справляться самому. Вообще-то задержания с применением силы — не мой конек. Обычно я предоставляю это полиции, сообщая знакомому сержанту, где и когда ему представится возможность схватить преступника. Однако сейчас и этот способ отпадал, все по той же причине — из-за недостатка времени. Я должен был действовать самостоятельно.

Черный силуэт приближался к своей жертве текучими, но одновременно какими-то рваными движениями. Это был крупный человек. Гораздо крупнее, чем я. Но, с другой стороны, от меня ведь не требовалось одерживать над ним верх в поединке. Чтобы сорвать планы злоумышленника, достаточно будет сбить его с ног. Между тем темная фигура хищно вскинула руки над головой, скрючив пальцы наподобие когтей, как это делают вампиры в кино.

«Действуй, — сказал я себе. — Теперь или никогда».

И я начал действовать. Двигался я словно во сне, мозг отказывался верить тому, что творят ноги. Я не имел ни малейшего представления о том, как напасть на человека. С чего тут вообще начинать? Такой главы в «Руководстве» Бернстайна не было. Поэтому я просто рухнул на врага. Со стороны, наверное, это выглядело так, будто я споткнулся и пролетел далеко вперёд.

В книгах частные детективы, как правило, запросто одолевают всяких темных личностей. Сыщики в таких романах всегда профессионально владеют приемами рукопашного боя, проучившись много лет где-нибудь высоко в горах Дальнего Востока. Я же восточным единоборствам не обучался. Самый страшный враг, которого мне довелось одолеть, это банка маринованного лука, не желавшая открываться.

Чтобы сбить противника с толку, я решил проводить свое нападение шумом — оглушительным ревом разъяренного хищника. Однако вместо грозного рыка из моего горла вырвался какой-то жалкий писк, и в результате я бросился в атаку, визжа, словно закипевший чайник. Однако и этого оказалось довольно. Человек в черном резко повернул голову на звук — и увидел несущегося на него во весь опор рыжеволосого коротышку в костюме Элвиса.

ПОСЛЕДНИЙ ФРАГМЕНТ ГОЛОВОЛОМКИ

Злодей успел лишь коротко вскрикнуть, а потом я врезался в него, и мы рухнули на деревянный пол клубком молотящих куда попало конечностей.

Мэй взвизгнула и испуганно отскочила в сторону. Мы покатались по полу, пока наконец нас не задержала низкая скамья, стоявшая в нескольких метрах от Мэй. Я выполз из-под подозреваемого. Человек в черном, заливаясь горькими слезами, разглядывал свой локоть. Нетипичное поведение для преступника.

Мэй попятилась было, но потом снова шагнула вперед.

— Что это ты вытворяешь?

— Это я, Флетчер, — пропыхтел я, пытаюсь отдышаться. — Это все он. Он... Но теперь он попался.

Мэй нахмурилась.

— Флетчер? Это ты? И в подвале тоже был ты?

— Да! Я думал, Эйприл стоит за всем этим. Но я ошибался. Вот он, преступник. И все дело в смотре талантов.

— А я так не думаю, Флетчер, — сказала Мэй. — Дэвид — он и бабочки не обидит.

— Я пацифист, — всхлипнул Дэвид, потирая ушибленный локоть.

От волнения мое сердце готово было выскочить из груди.

— Но он подкрадывался к тебе, одетый во все черное! Не нужно быть детективом...

— Мы оба просто репетировали здесь. Дэвид — мим.

Мим? Ой-ой-ой...

Дэвид сердито посмотрел на меня.

— Как я с такой рукой буду открывать невидимую дверь? Вот спасибо, угрожил!

Мим. Ну я и тупица!

Вокруг начала собираться толпа юных дарований. Можно было не сомневаться, что вот-вот на шум прибегут учителя. А возможно, и полицейский Кассиди тоже.

— Флетчер! — перешептывались школьники. — Это же Флетчер Мун!

Нужно было уходить. Немедленно.

Моя маскировка трещала по всем швам. И я очень хорошо представлял себе, как мое поведение выглядит со стороны: как будто я замаскировался специально, чтобы неузнанным проникнуть в центр досуга и добраться наконец до Мэй.

И снова на помощь мне пришел Ред. Протолкавшись сквозь толпу, он схватил меня за руку.

— Пошли, Ватсон. Нам пора на сцену.

И потащил меня за собой. Я не сопротивлялся. Фраза «нам пора на сцену» заставила меня оцепенеть от страха. Джини и Ирод, тоже за кулисами, нараспев повторяли вокальное упражнение:

ПОСЛЕДНИЙ ФРАГМЕНТ ГОЛОВОЛОМКИ

Пес глядит —
Сапог лежит,
Пес ест
И скулит.

Скорее всего, это упражнение они придумали сами.

— Пошли, — приказал Ред.

— Мы так и не разогрелись толком! — запротестовала Джини. — Нужно еще хотя бы парочку «псов»!

— И пару сапог, — сострил Ирод, поправляя свои бачки.

Ред подталкивал их к сцене, продолжая тащить меня за собой.

Трио, исполняющее народные песни, только что закончило свой вариант «По дорогам страны». Они как раз раскланивались, когда мы вывалились на сцену. За кулисами между тем разворачивалось совсем другое действо.

«Мун-лунатик, — передавалось из уст в уста. — Он здесь. Он замаскировался!»

Из-за противоположной кулисы на сцену вышла директриса Куинн, одарив Реда взглядом, который заставил бы окаменеть и Медузу Горгону. «Ты за это еще заплатишься», — говорил ее взгляд.

— Итак, леди и джентльмены, — провозгласила она в свистящий микрофон, — похоже, у нас небольшое изменение в программе, и следу-

ющим выступает Ред Шарки со своей версией классической песни Элвиса «Люби меня нежно». Сцена в твоём распоряжении, Ред. Поговорим позже.

И директриса слегка поклонилась ему. С тонкой издевкой.

Ред выдавил улыбку и под жидкие аплодисменты подошел к микрофону. Хлопки почти утонули в приглушенном гудении — это мобильные телефоны множества зрителей сигналили о приеме сообщений. В сообщениях говорилось, что я здесь. Текст, словно крикетный мяч, перепрыгивал от телефона к телефону, сохраняясь в памяти каждого мобильного.

Ред встал в позу, дожидаясь, пока Джини включит стоящий на стуле рядом с ней проигрыватель мини-CD. Спустя мгновение зал заполнила музыка песни Элвиса.

Джини и Ирод синхронно покачивались за спиной Реда у второго микрофона, толкая меня с обеих сторон.

— О, о, о-о-о! — пели они.

— Ой! Ох! Ай! — вскрикивал я.

— Люби меня нежно... — запел Ред.

До второй строки дело так и не дошло, потому что в зале зазвенели уже сотни мобильных телефонов. Сообщение Мэй распространялось по центру досуга, словно вирус.

ПОСЛЕДНИЙ ФРАГМЕНТ ГОЛОВОЛОМКИ

«Флетчер Мун здесь. Преступник среди нас».

Я понял, что происходит. Возникло ощущение, будто моя маскировка медленно становится прозрачной. Школьники во все глаза глядели на меня, сначала с выражением недоверия, потом узнавания — по мере того как мысленно сопоставляли лицо рыжего коротышки на сцене с лицом Флетчера Муна.

И наконец какая-то перwokлашка, медленно водя пальцем по строчкам на экране, поднялась со своего места. Я всегда считал, что в семь лет еще рано иметь мобильный телефон, а теперь окончательно в этом убедился.

— Вон тот безобразный мальчишка, — сказала малявка, тыча в меня пальцем на случай, если кто-нибудь не понял, какого безобразного мальчишку она имеет в виду. — Мой телефон говорит, что это Минимум.

Я ожидал, что зал взорвется криками и все повскакивают с мест, — и опять ошибся. Это было такое невероятное, такое волнующее мгновение... Никто не хотел разрушать очарование момента. Все затаили дыхание, ожидая, что я скажу. Исключение составляли директриса Куинн и полицейский Кассиди, но они намертво увязли в толпе, набившейся за кулисы. Однако я понимал, что это ненадолго. В моем распоряжении было секунд десять, чтобы расставить все точки над «і».

Я лихорадочно размышлял. Ред прав, глупо отрицать это. Есть только один человек, который выигрывает в результате буквально каждого инцидента. Я был слеп, раз не понял этого раньше. Истинная картина произошедшего разворачивалась передо мной, выхваченная из темноты серией озарений, которые вспыхивали в моем мозгу, словно фейерверк. Чувства и привязанности отступили на второй план. Истина есть истина. Такова тяжкая ноша детектива.

Огорошенный собственным открытием, я все же нашел в себе силы шагнуть вперед. Одно дело — самому понять что-то, и совсем другое — убедить в этом других. Мои слова не будут значить ничего, если их не подтвердит виновная сторона. Я должен добиться признания. Только оно может спасти меня.

Я быстро повернулся к Ироду.

— Мне нужна твоя помощь, — прошептал я, прикрыв рукой микрофон. — И Реду тоже.

Видимо, отчаяние в моих глазах убедило младшего Шарки в том, что сейчас не время спорить.

Он коротко кивнул, и я шепотом объяснил ему, что нужно сделать.

Улыбка осветила его ребяческую физиономию.

— Вообще-то обычно я не кладу, а беру.

Я снял со стойки микрофон. Настало время поговорить со зрителями по душам.

ПОСЛЕДНИЙ ФРАГМЕНТ ГОЛОВОЛОМКИ

— Привет, Локк, — сказал я, вымученно улыбнувшись.

Ирод рядом со мной застонал, Джини спрятала лицо в ладонях. Я посмотрел на Реда. Он поклонился, уступая мне сцену. Все Шарки встали так, чтобы было удобнее дать стрекача, — на случай, если я не справлюсь.

Кто-то из задних рядов крикнул:

— Это и впрямь ты, Минимун? Скажи, ты правда заделался маньяком-убийцей?

Некоторым людям нельзя позволять смотреть телевизор после девяти вечера.

— Да, перед вами в самом деле я. — Мой усиленный динамиками голос гулко разнесся по всему залу. — Я пришел сюда, потому что невиновен, и могу доказать это.

Ответом мне было недоверчивое молчание. Я чувствовал себя, как одинокий лучник под неприступными стенами Трои. Тем не менее никто не кинулся на сцену, чтобы заткнуть мне рот. Все ощущали, что стали участниками редкостного приключения, которое никогда не забудут.

Даже директриса Куинн и полицейский Кассиди попались на крючок. Они больше не пытались прорваться на сцену, зато локтями прокладывали себе дорогу туда, откуда лучше видно. Однако вечно так продолжаться не может, напомнил я себе. Нужно поторопиться.

— Знаю, вы все считаете меня сумасшедшим... — начал я издалека.

— Зануда! — вякнул кто-то из сидевших в зале.

— Не тяни резину! — закричал другой.

— А когда фокусник будет выступать? — капризно спросила девочка постарше в первом ряду. — Я слышала, должен быть фокусник.

Ладно. По-видимому, придется обойтись без разминки. Берем быка за рога.

— Все замыкается на смотре талантов, — заявил я, театральным жестом широко раскинув руки. — Вот зачем я здесь — чтобы защитить одного из выступающих. Этому человеку угрожает опасность!

По рядам зрителей побежал шепоток. Кто-то в опасности? Ух ты, класс! Все интереснее и интереснее!

— Все началось двенадцать месяцев назад на этой самой сцене. *Кое-кто* выступил очень плохо, и *кое-кому* это очень не понравилось.

Я начал расхаживать по сцене, и все головы поворачивались, следя за мной.

— Итак, давайте посмотрим, кто же участвовал тогда в конкурсе. Прежде всего Ред Шарки, бесспорный победитель. Ред не должен был сегодня оказаться здесь, поскольку стал подозреваемым по делу о нападении на меня. То есть,

ПОСЛЕДНИЙ ФРАГМЕНТ ГОЛОВОЛОМКИ

как полагал преступник, Реда можно сбросить со счетов.

— Какое свинство с его стороны, мамочка, — вставил Ред. — Ведь я чертовски хорош в любом деле!

По залу прокатился смех. Люди любят шуточки.

Я бросил на Реда осуждающий взгляд, который он, естественно, проигнорировал.

— Второе место заняла Мерседес Шарп, за свое выступление с песней Бритни Спирс. Однако в этом году кто-то похитил ее мини-диск с караоке, и Мерседес тоже выбыла из игры. Впрочем, когда она поняла, что не сможет участвовать в конкурсе, она утешилась, с головой погружившись в другое свое увлечение — сплетни.

Честно говоря, мое последнее замечание не имело прямого отношения к делу. Однако Мерседес годами распространяла дурацкие слухи обо мне. И, судя по грому аплодисментов, не только обо мне.

— Третьими в прошлом году были Джонни Риордан и Пирс Бент. В этом году они тоже не участвуют в смотре, поскольку у диджея, который собирался одолжить им «вертушки», украли иглы, а нет проигрывателей — нет и выступления.

Пока что меня слушали. Я видел, как на некоторых лицах появилось задумчивое выраже-

ние. Пусть таких было немного, но это все-таки лучше, чем ничего.

— Четвертое место занял Тяни-Толкай Хэлпин.

— Тяни-Толкай! — в один голос взвыл пятый класс.

Это случалось каждый раз при упоминании его прозвища, что сильно огорчало учителей и родителей, предпочитавших, чтобы его называли Реймондом.

— К несчастью, с сестрой Тяни-Толкая... то есть, гм, Реймонда, в этом году произошел несчастный случай, и она не смогла продолжать давать уроки танцев. Итак, Тяни-Толкай тоже выбыл.

— Тяни-Толкай!!!

— Пятое место досталось Гретель Бэннон. Она не участвует в конкурсе в этом году, потому что ее няне, Мауре Морнейн, кто-то тайком подсовывал шоколад. В результате Маура, которая очень следит за своей фигурой, была вынуждена заняться собой, а без нее водить Гретель в музыкальную школу стало некому.

До слушателей определенно уже начало доходить, что в моих словах есть смысл.

— Шестой была Джулия Кеннеди, которой родители не позволили участвовать в конкурсе, потому что у нее упала успеваемость. А успеваемость у нее упала, потому что девушке-репети-

тору, которая дополнительно занималась с Джулией, прислали какую-то гадость, спрятанную в букете цветов, и она уехала из города. Семь человек участвовали в конкурсе — и все оказались за бортом из-за каких-то на первый взгляд незначительных обстоятельств. Слишком много совпадений. Настолько много, что это никак нельзя объяснить случайностью.

— И кто же был следующий? — крикнул кто-то из задних рядов.

Вопрос напрашивался сам собой. Я очень надеялся, что его зададут, но не сразу собрался с духом, чтобы ответить. То, что я собирался сказать, изменит мою жизнь. Пострадает человек, который мне нравится. И это навсегда, поскольку нет никаких шансов, что я ошибаюсь. Я *знал*, кто во всем виноват.

— Мэй Деверо, — прошептал я в микрофон.

Зрители разом ахнули. Я прекрасно понимал их.

— Флетчер, что ты несешь?

Мэй протолкалась на сцену. Она выглядела как сама невинность — нарядное платье, белокурые волосы, дрожащие от обиды губы. Мне было бы легче убедить фанатов «Звездного пути», что Спок* — чокнутый сорвиголова, чем

* Спок — один из персонажей упомянутого сериала, отличающийся редкостной рассудительностью и хладнокровием.

зал — в том, что она виновна. Однако я должен был убедить лишь *одного* человека.

— Ты хочешь сказать, что все это я сделала? Ты это имеешь в виду?

Я отвернулся, стараясь не смотреть на ее поблескивающий серебром костюм. То, что я делал, было жестоко, но необходимо. Преступника нужно было остановить сегодня же.

— Да, именно это я имею в виду, Мэй.

Она сделала шаг в сторону. Блестки на платье засверкали.

— Почему ты не смотришь на меня, Флетчер? Потому что знаешь, что я невиновна?

— Невиновна? — фыркнул я. — Ничего себе невиновна! Устранила всех, кто победил тебя на конкурсе в прошлом году.

— Ну, до меня ведь тоже добрались. Сожгли мое счастливое платье.

— Но ты-то здесь, — возразил я.

Она ничего не ответила, вид у нее сделался совершенно убитый.

Я продолжал наступать. Доверие к Мэй нужно разорвать на клочки, иначе ничего не выйдет.

— Давайте подумаем все вместе. Мэй Деве-ро, такая же прелестная, как ее имя. Замечательная ученица и любящая дочь. Однако за этим фасадом скрывается человек, готовый на все, чтобы добиться желаемого. Жалкое восьмое ме-

сто? Нет, это не для Мэй. После унижения прошлого года она месяцами вынашивала хитроумные замыслы, направленные на одно — убрать со своего пути всех, кто оказался на конкurse выше ее.

Мэй так сильно побледнела, что казалась полупрозрачной.

— Итак, у Мерседес пропадает мини-диск. Джонни и Пирс лишаются проигрывателей. Мауру Морнейн преследует призрак шоколада. И так далее. Однако остается еще одна проблема: Ред Шарки. Мэй в отчаянии, у нее нет никаких идей. Но потом и тут все устраивается лучше некуда. В один прекрасный день ее кузина Эйприл, проворачивающая свои собственные делишки, нанимает меня, чтобы я нашел поддельный локон волос Шоны Бидербек. Вот оно, решение проблемы.

Я остановился, чтобы восстановить дыхание. Тишина стояла полная, никто даже чипсами не хрустел — вот до какой степени эта драма захватила всех. А чтобы целая толпа школьников позабыла о чипсах — это, поверьте, о многом говорит.

— Эйприл натравила меня на Реда, словно собаку-ищейку, обвиняя его в похищении локона. В результате я подвергся нападению, в котором обвинили Реда, а Мэй, естественно, осталась в стороне. Все прекрасно.

У Мэй хватило духу выйти вперед, на свет. Ее костюм засверкал еще ярче.

— Ты же знаешь, мне всего десять, Флетчер. — Голос у нее дрожал, но теперь в нем слышались решительные нотки. — И ты ничего не сможешь доказать.

Доказательства. Вот она, прореха в логической цепи моих рассуждений. Очень важная прореха. Но и она была частью моего плана.

— Я не нуждаюсь в доказательствах, потому что все в этом зале понимают, что я прав. Твоя жизнь обожаемой всеми принцессы окончена.

Какая жестокость с моей стороны! Ужасно. Я ненавижу себя. Если бы существовал другой способ закрыть это дело!

Мой последний выпад совершенно ошеломил Мэй. Судя по движению губ, она пыталась произнести мое имя, но не сумела издать ни звука.

— Ты имеешь больше многих других, Мэй, но тебе все мало. Ты жаждала заполучить и корону победительницы на смотре талантов, пусть даже путь к ней будет вымощен телами школьных товарищей. С некоторыми своими жертвами ты дружила с детского сада. Как ты могла?

— Она не делала этого! — послышался голос из зала.

Вот он, переломный момент, о котором я молился! Эти простые слова прозвучали для меня как победный гул. Я знал, ни мгновения не со-

ПОСЛЕДНИЙ ФРАГМЕНТ ГОЛОВОЛОМКИ

мневался, что моя теория верна. И теперь она подтвердилась — будто призрак обрел плоть и явил себя миру.

— Да, — сказал я, повернувшись к человеку с покрасневшим лицом, который поднялся со своего места и сейчас стоял в проходе. — Она не делала этого. Это сделали вы. Разве не так, мистер Деверо?

Отец Мэй, Грегор Деверо, оглянулся на свое кресло, как будто удивляясь, с какой стати он его покинул. Потом наши взгляды встретились, и, заглянув ему в глаза, я окончательно уверился в своей правоте. Последний фрагмент пазла встал на свое место — и подошел с точностью до долей миллиметра. Правда восторжествовала, и это заставило меня трепетать от восторга. На мгновение мир перестал существовать для меня, осталась только истина.

Деверо ткнул в меня пальцем.

— Просто... просто оставь мою девочку в... Просто заткнись, маленький...

— Незаконченные предложения, — заметил я, — несомненный признак вины.

Никто не двигался. Никто не говорил. Матери прикрывали рты младенцев руками.

— Мне понадобилось немало времени, чтобы понять это. — Я подошел к самому краю сцены. — Как я мог быть так слеп! Это сделали вы, и никто другой, мистер Деверо.

— Зови меня Грегор, — машинально сказал отец Мэй.

— Все указывало на Мэй, поскольку именно она оказывалась в выигрыше. Но если злоешие происшествия — не ее рук дело, а я ни секунды не верил в это, кто еще мог желать, чтобы она оказалась в выигрыше? *Кто?* Конечно, ее отец.

Грегор Деверо попытался рассмеяться, но безуспешно.

— Флетчер, ты не в себе. Это всем известно. Да к тому же еще и сбежал от полиции!

Сказано было, в целом, совершенно справедливо, но прозвучало неубедительно.

Я нацелил на мистера Деверо палец.

— Вы украли иглы. Вы послали цветы с «подарком». Вы подбрасывали шоколад. Это все ваши козни. Крестовый поход с целью доказать покинувшей вас жене, что вы в состоянии самостоятельно вырастить Мэй. Отец, вопреки всякой логике отказывающийся смириться с тем фактом, что его дочь не может танцевать.

— Она *может* танцевать! — взорвался Деверо. — Может! Не хуже, чем ее мать! Ее нужно лишь немного приободрить, дать ей веру в себя...

— Папочка? — Стоя в центре сцены, Мэй смотрела на него широко распахнутыми, полными слез глазами. — Скажи им, что это неправда. Скажи *мне*.

ПОСЛЕДНИЙ ФРАГМЕНТ ГОЛОВОЛОМКИ

Деверо внезапно понял, что признание едва не сорвалось с его губ. Собираясь с духом, он на мгновение закрыл глаза. Когда он снова открыл их, его взгляд был открыт и почти беззаботен.

— Ну конечно, это неправда. — Грегор Деверо уверенно, как и полагается отцу, улыбнулся Мэй. — Да, я забочусь о том, чтобы ты научилась танцевать, принцесса. Но это все. Ничего другого я никогда не делал. Я никому не причинил вреда.

Для Мэй этого было достаточно. Еще бы! Он же ее папочка.

— Вот. — Она повернулась ко мне. — Я ненавижу тебя, Флетчер.

Сердце у меня дрогнуло, но я взял себя в руки и продолжал наступать.

— Мэй имела мотив и возможности, но некоторые фрагменты головоломки никак не вставали на место, пока мой радар не нащупал вас, мистер Деверо.

— Ах, так у тебя еще и радар есть! — попытался пошутить Деверо, но никто не засмеялся.

— Прежде всего, этот странный след, оставленный в нашем саду тем, кто напал на меня. Прямо великанский след. Потом до меня дошло, что это отпечаток не только подошвы, но и наколенника. Такой след мог бы оставить взрослый, который притворялся, что он ребенок, стоя

на коленях. А для этого понадобились наколенники для работы в саду. Я вижу на ваших брюках еле заметные полосы, *Грегор*. Вы что, и в ту ночь были в этих брюках?

— Чушь! — фыркнул мистер Деверо.

— Может быть. Однако мой отец применяет в нашем саду удобрения домашнего изготовления. У них совершенно уникальный состав. Уверен, в полицейской лаборатории смогут доказать, что почва на подошвах ваших ботинок содержит в себе удобрения из нашего сада.

От волнения Деверо обливался потом. Челка упала ему на глаза, и он откинул ее. Пригладил волосы.

— Все это ерунда, — сказал он, обращаясь к залу. — Совершенно ничего не значит. Мало ли что примерещится странноватому парнишке. Всем ведь давно известно, что малыш Минимун не в себе, верно? Ему всегда нравилось играть в расследования. Вот он и доигрался.

В чем-то он был прав. Люди считали меня странным. Они и сейчас не изменили своего мнения. Но от этого истина не перестала быть истиной.

— Давайте вернемся к пропавшему минидиску Мерседес. Мы нашли тот же странный отпечаток под ее окном. И еще было ясно, что там в земле кто-то рылся. Как будто вор что-то потерял. Но что он мог потерять?

ПОСЛЕДНИЙ ФРАГМЕНТ ГОЛОВОЛОМКИ

Сотни кресел закрипели, когда зрители подались вперед, ловя каждое мое слово.

— Я забыл наиглавнейшее правило любого расследования: самое очевидное объяснение обычно и является верным. Единственная вещь, которую вы могли потерять, была та, ради которой вы туда и пришли, — мини-диск. Мерседес о нем всем уши прожужжала.

— Домыслы! — взревел мистер Деверо. — Домыслы, и ничего больше!

Однако что-то в его напряженном взгляде подсказывало мне, что я прав.

— Вы потеряли мини-диск, когда вылезали из окна. Я видел цветочную клумбу под окном Мерседес. Она вся разрыта. Вы ничего не нашли. Оставалось одно — вернуться домой и надеяться, что мини-диск не всплывет до конкурса.

Увы, концовка этой великой речи прозвучала не как раскат грома, а как жалкое дребезжание. Вся моя теория была шита белыми нитками и грозила лопнуть по швам в любой момент. Я понимал это, и все понимали. Требовался козырь, и мистер Деверо сам предоставил мне его. Целеустремленно прошагав по проходу, он вспрыгнул на сцену, испепелил меня взглядом и вырвал из моей руки микрофон. Шарки разбежались с его пути. Ирод, правда, споткнулся о ногу мистера Деверо, на мгновение замешкался и лишь потом бросился вслед за сестрой.

— Долго еще мы будем слушать этот бред? — спросил Деверо. — Все вы хорошо знаете меня. Фрэнк, Симус — мы же вместе играем в сквош. Есть ли хоть капля смысла в том, что тут говорилось? Непонятно, с какой стати вообще я должен оправдываться... Хватит, дорогая, пошли домой.

Я сделал знак Реду, и тот бросил мне свой микрофон.

— Еще одна вещь, мистер Деверо. Мини-диск.

Деверо слетел с катушек.

— Что — мини-диск? — вспыхнул он. — Собираешься, как фокусник, достать его из воздуха? Уймись, урод несчастный! Разве мало ты уже причинил боли? Подумай хотя бы о своих родителях.

— Эти ваши брюки, со странными полосками на вельвете... Черные, с множеством карманов. И с большими отворотами. Специальная экипировка для тайных делишек, правильно я понимаю?

— Это рабочие штаны! — Мистер Деверо закатил глаза. — С какой стати я вообще разговариваю с тобой? Неужели никто не может заставить этого парня заткнуться?

Я подошел поближе к нему.

— Если мини-диск выпадает из чьего-то кармана, он запросто может скользнуть за отворот

ПОСЛЕДНИЙ ФРАГМЕНТ ГОЛОВОЛОМКИ

брюк. Вы правша, значит, и отворот правый. Если мини-диск уцелел после пребывания в стиральной машине, он все еще должен быть здесь.

Отрывистый смех мистера Деверо больше походил на предостерегающий лай цепного пса.

— Руки прочь от меня, Мун! Я не позволю тебе обыскивать себя.

Наши взгляды — мой спокойный, его неистовый — встретились.

— Чтобы отогнуть отворот, требуется одна секунда. Всего одна секунда, и все поймут, что я сумасшедший.

— Отстань от меня со своей секундой, Флетчер! И отстань со своими обвинениями! Мне уже осточертела необходимость быть вежливым с тобой, как положено взрослому человеку. Думаю, я выражу общее мнение, если скажу, что твоим родителям нужно быть с тобой построже.

Мэй подошла к отцу. Он победоносно улыбнулся и протянул ей руку, но девочка не приняла ее.

— Я покажу ему, папочка.

Она опустила руку на колени и быстро нашла за отворотом правой штанины мини-диск.

— Ох, папочка... — Печаль, прозвучавшая в голосе Мэй, заставила мое сердце сжаться от боли.

Деверо был потрясен.

— Это невозможно... Что за чушь?

Я поспешил развить успех.

— Вот он, украденный диск. Объясните это, *Грегор*, если сможете.

Мистер Деверо дрожащей рукой взял у Мэй диск. На лице его было написано непонимание.

— Мэй, ты должна верить мне. Я... это... — Слова застряли у него в горле. Он несколько раз беззвучно открыл рот, пока наконец дар речи не вернулся к нему. — Как ты не понимаешь! Той ночью я вообще был в других брюках!

Тишину, возникшую в зале, пока все переваривали услышанное, нарушил крик Реда, торжественно вскинувшего руки:

— Признание!

Зал словно обезумел. Мое выступление имело успех.

— Вы напали на меня! — попытался я перекричать общий шум.

Деверо в отчаянии огляделся, как будто ожидая, что кто-нибудь выступит в его защиту.

— Я напал на садового гнома! — завопил он. — А ты вдруг вынырнул из-за него! Я никому не хотел причинить вреда. Я хотел лишь разбить гнома и бросить там клюшку Реда, чтобы подозрение пало на него! Вот и все. Мэй, ты должна верить мне.

Дочь отвернулась от него, и из глаз Деверо брызнули слезы. Однако спустя мгновение его взгляд сделался ледяным. Разоблаченный пре-

ПОСЛЕДНИЙ ФРАГМЕНТ ГОЛОВОЛОМКИ

ступник сделал три быстрых шага по сцене и схватил меня за плечи.

— Ты понятия не имеешь, что натворил! — прорычал он. — Мэй такая ранимая! Она все еще не пришла в себя после того, как ее мать бросила нас.

Я извивался, пытаюсь вырваться, но у Деверо были сильные руки садовода. Ред среагировал первым. Метнувшись через всю сцену, он обхватил Деверо за бедра и попытался повалить. Но Реду было всего тринадцать, а при росте в метр девяносто отец Мэй обладал соответствующей силой. Шарки отлетел в сторону, словно птица, ударившаяся об оконное стекло.

— Держись от меня подальше! — предостерег Деверо Реда, поднимая меня над полом. — И вообще никто не подходит. Мне нужно подумать.

Сейчас, по прошествии времени, мне кажется, что в ту минуту рассудок Грегора Деверо слегка помутился. По-моему, отец Мэй даже не сознавал, что мои ноги болтаются над оркестровой ямой.

Тут на сцену пробился Кассиди. Полицейский поднял руки, стремясь успокоить обезумевшего преступника.

— Хватит, Деверо, — примирительно проговорил он. — Видит бог, никто из нас не питает нежных чувств к Минимуму, к этой занозе в зад-

нице. Но поставьте-ка мальчика на пол, пока вы не уронили его.

— Секунду, Кассиди, — с каким-то отрешенным спокойствием ответил Деверо. — Я лишь пытаюсь подобрать слова, чтобы объяснить все Мэй. — Он поморщился. — Вот уж ее мать порадует.

Моя жизнь висела на волоске, и винить за это я мог только себя — не надо было загонять человека в угол.

И тут по залу разнесся совершенно неожиданный звук — резкий стук металла по дереву, повторяющийся снова и снова, чем дальше, тем громче. Вскоре в нем начал проступать определенный ритм.

Деверо слегка ослабил хватку.

— Мэй... — прошептал он.

До меня наконец дошло, что это был за звук. Стук подкованных башмаков. Мэй танцевала. Слезы струились у нее по щекам, но Мэй исполняла свой номер, отвлекая отца.

Деверо застыл, как громом пораженный. Он забыл обо всем на свете, забыл о нашем противостоянии, о том, что его судьба висит на волоске, — сейчас для него существовала только дочь, выступающая на конкурсе.

— Давай, дорогая, — прошептал он. — Подбородок выше, спина прямая...

ПОСЛЕДНИЙ ФРАГМЕНТ ГОЛОВОЛОМКИ

Так хорошо Мэй не танцевала еще никогда. В эти роковые минуты ей каким-то чудом удалось наконец справиться со своими непослушными ногами. Зрители потрясенно умолкли, слушая ровный стук ее подкованных башмаков.

Деверо покачивал головой в такт.

— И два, и три, и четыре, и пять, и шесть, и семь, и-и — поворот. С пятки на носок... А теперь скрести пальцы на удачу, дорогая...

Он затаил дыхание. Башмаки Мэй продолжали выдавать четкое «цок-цок-цок». Ни разу в жизни Мэй это не удавалось, а в тот день — удалось. Ее ноги так и порхали, взлетая на добрый метр над сценой, безупречно прямые в коленях, и стучали каблуком о каблук перед тем, как коснуться сцены. Не теряя ритма, Мэй исполнила весь танец до конца и закончила выступление низким поклоном.

Волоча меня за собой, Грегор Деверо торопливо вышел на середину рампы и требовательно уставился на жюри, сидевшее в первом ряду.

— Ну? — спросил он.

Монахиня Джулия Б. Винтерс, председатель жюри, оглянувшись на своих коллег в поисках поддержки. Не найдя ее, судья с запинкой проговорила:

— Хорошее... в смысле, *превосходное* выступление. Отличная техника, удачно выбранная форма. Чечетка выше всех похвал. Опреде-

ленно... первое место, я бы сказала. Да, первое, никаких сомнений.

Улыбка облегчения осветила лицо Деверо. У него словно гора с плеч свалилась.

— Ты победила, дорогая. Мы победили. Значит, все было не зря. Все твои труды. Вообще... все. — Он снова перевел взгляд на судей. — И где приз? Ведь должен же быть приз!

Сестра Джулия подняла стоящий у ее ног мраморный приз и протянула его Грегору Деверо.

И тот взял его, для чего ему пришлось освободить руки, оттолкнув меня в сторону.

Наверное, после этого Кассиди арестовал бы Деверо, но ему помешала моя мама. Кто-то из взрослых в зале переслал на ее мобильный телефон сообщение о моем появлении на смотре. Она тут же села в машину и помчалась в центр досуга. Так уж совпало, что в тот самый миг, когда Грегор отпустил меня, мама как раз пробилась сквозь толпу за кулисами. Увидев, что творится на сцене, она недолго думая вытащила из своей замечательной сумки модель карниза и накинулась на Грегора Деверо, невзирая на то что тот был на двадцать сантиметров выше и на тридцать килограммов тяжелее.

Не успел Деверо принять из рук монахини приз, как тридцатисантиметровая жердь из вишневого дерева ударила его в висок. Все-таки ма-

ПОСЛЕДНИЙ ФРАГМЕНТ ГОЛОВОЛОМКИ

теринская забота — страшная сила. Деверо сделал пируэт и рухнул на сцену, точно мешок с картошкой.

Мэй, заливаясь слезами, упала ему на грудь.

— Мне очень жаль, — сказал я единственной девочке, к которой когда-либо был неравнодушен. — Но у меня не было другого выхода.

Мэй вскинула голову и произнесла слова, которые с того вечера постоянно вторгаются в мои сны:

— То, что сделал папа, — плохо. — Ее затуманенные болью глаза напоминали темные камни под водой. — Но то, что сегодня вечером сделал ты, еще хуже.

Может, я сумел бы переубедить ее, но тут мама заключила меня в объятия, и момент был упущен.

А теперь уже слишком поздно. Теперь Мэй возненавидела меня на всю жизнь. Впрочем, если она жаждет мести, ей придется занять место в хвосте длинной очереди других недоброжелателей.

Эпилог

Меня зовут Мун. Флетчер Мун. И теперь я не знаю, хочу ли быть детективом.

После злополучного смотра талантов прошел почти месяц. Несколько дней весь город бурлил, обсуждая события того дня, благо сохранилось немало любительских видео- и аудиозаписей. Меня даже упоминали в национальных новостях. Ничего себе работа под прикрытием, да? Впрочем, слава не радует меня. Я покончил с расследованиями. Пострадала Мэй. Я глубоко ранил ее и не хочу обойтись так с кем-нибудь еще. Мэй росла без матери, а из-за меня в каком-то смысле лишилась и отца. Он перестал быть для нее рыцарем на белом коне, каким должен быть всякий отец. И все из-за меня.

Родители дали мне нагоняй и стали следить за каждым моим шагом. Так что, даже если бы я и захотел заняться новым расследованием, из этого ничего бы не вышло. Мама заглядывала в мою комнату по десять раз за вечер, чтобы

убедиться, что я никуда не делся. Папа ежедневно составлял для меня расписание, нагружая всякой черной работой, чтобы у меня даже мыслей не возникало о каких-то там расследованиях. И разумеется, они конфисковали мой значок.

Я симулировал последствия психотравмы, чтобы отбить у людей охоту общаться. Ходил с пустым взглядом, рассчитывая, что это отпугнет желающих поговорить со мной. Эта тактика оказалась успешной. В своем новом качестве я очень нравился Хейзл. Она старательно документировала процесс моего возвращения к нормальной жизни.

В школе меня почти не трогали. Даже остатки «Les Jeunes Étudiantes» опасались тревожить осиное гнездо.

Сержант Март Хориган встал на мою сторону. Ну, точнее, он был ближе к этому, чем кто-либо еще в городе. Он долго сражался со старшим инспектором Куинном, добиваясь, чтобы дело против меня было прекращено. Конечно, Грегор Деверо подал на меня в суд за клевету, но шансов выиграть у него было не больше, чем у соломенного пороссячьего домика — устоять перед большим злобным волком. В особенности после того, как Деверо признался во всем на допросе в полиции. Адвокат посоветовал ему не возбуждать дело против моей матери за на-

падение на него, поскольку сам Деверо непосредственно перед этим угрожал ее сыну.

Когда все более-менее улеглось, Март приехал ко мне домой.

— Ну, как дела, Шерлок? — спросил он, когда родители на короткое время оставили нас одних на кухне.

— Шерлок Холмс — литературный персонаж, — угрюмо ответил я. — По окончании очередного рассказа он переходит к следующему приключению. Я так не могу. Я живу здесь.

Март откинулся в кресле, теребя пуговицу куртки.

— Ловко ты это придумал — сунуть минидиск за отворот брюк Грегора Деверо. К счастью, он ничего не заметил.

— Это была запись Элвиса, из тамошней аудиосистемы. Ирод подбросил диск, когда Деверо оттолкнул его, поднимаясь на сцену. Мы заранее обо всем договорились.

— Что, разумеется, совершенно противозаконно. Знаешь, как это называется? Провоцирование на уголовно наказуемое деяние.

— Меня больше не заботят юридические тонкости. Закон и порядок обойдутся без меня.

Март вздохнул.

— Жил когда-то поэт по имени Китс... — вдруг сказал он.

Да, Март полон сюрпризов.

— И при чем тут Китс?

— Он известен как автор бессмертных стихов. Лично мне больше всего у него нравятся строчки: «В прекрасном правда, в правде — красота. Вот знания земного смысл и суть»*. Понимаешь, что я имею в виду?

— Не совсем. И что же, как вам кажется, вы имеете в виду?

Март закрутил свою чашку на кухонном столе, словно пластмассовую «летающую тарелку».

— Ах, как приятно снова видеть самоуверенного молодого человека, которого мы все так хорошо знаем и любим! *Мне кажется*, я имею в виду, что истина бесценна. Или, выражаясь языком сержанта Марта Хоригана, скажи мне всю правду и ничего, кроме правды, или отправляйся напрямиком в тюрьму. Выведа на чистую воду Грегора Деверо, ты преподнес всем сидящим в зале дар истины.

— Мэй не считает, что это был дар. Она ненавидит меня.

Март взял яблоко из корзины.

— Посмотри. Жизнь подобна яблоку.

До этого я сидел, опустив голову на руки, но теперь выпрямился. Мне стало интересно.

* Джон Китс (1795–1820), «Ода к греческой вазе». Перевод В. Микушевича.

Март несколько мгновений пристально разглядывал яблоко, а потом съел, откусывая крупные куски.

— Ладно, я не знаю, как закончить это сравнение, — сознался он. — Но Китса я процитировал слово в слово, можешь мне поверить. Я его в Интернете нашел.

— Вы бы лучше сменили свой пароль для входа на сайт полиции, — посоветовал я, прислушавшись к голосу совести.

Март удивленно уставился на меня:

— Почему это?

— Я его разгадал, — ответил я, пряча глаза. — Блю-флю. Слишком очевидно.

— Хм-м... Думаю, ты прав. Как бы то ни было, хорошо, что догадался ты, а не какой-нибудь преступный гений. Некоторые люди дорого бы дали за информацию, которая хранится в полицейской базе данных.

Я вяло кивнул.

— Ну же, Флетчер, улыбнись. Да, сейчас Мэй не желает иметь с тобой дела, потому что ей кажется, что без тебя ничего бы не произошло. Но неужели ты и в самом деле винишь во всем себя? Ты поступил правильно, хотя и в свойственной тебе неортодоксальной манере.

Умом я понимал, что Март прав, но сердце не принимало этого.

«В правде — красота». Спустя несколько недель на большой перемене я сидел в школьной столовой в гордом одиночестве. Жизнь текла своим чередом, не обращая внимания на мое уныние. Ребята болтали, флиртовали, дрались и между делом ели.

Догадывались ли они, как тоскливо было у меня на душе? Ведь я добровольно отвернулся от того, что было очень дорого мне, — от своего призвания и от единственного друга. Реда.

После смотра талантов мы не очень-то много общались. Да, одно время мы были напарниками. Может быть, даже друзьями. Но теперь я вернулся в собственный мир, а Ред в свой. Я даже внешне больше не походил на Шарки. Серьгу с меня сняли, искусственный загар стерся сам, как и краска для волос, от которой остались лишь рыжие подпалины. Может быть, Минимун был недостаточно крут, чтобы ходить в друзьях Реда Шарки. Жаль. Я уже почти привык, что у меня есть друг.

И тут, словно в ответ на мои мысли, откуда ни возьмись появился Ред. Он был все тот же: стремительный, неугомонный, лихой. Огненные волосы торчали, точно сталагмиты, веснушки, расплотившиеся за редкостно теплую осень, усеивали всю его физиономию.

— Минимун, — прошептал Шарки, усевшись за стол напротив меня, — у меня неприятности.

Серьезные неприятности. На этот раз мне точно крышка. Ты должен помочь мне.

Надо же! Ред Шарки просит меня о помощи. Видать, дело и впрямь серьезное.

— Что случилось? Мне вообще-то запрещено разговаривать с тобой.

Ред заговорщицки наклонился ко мне, от усердия едва не коснувшись подбородком стола.

— Забудь. О твоих родителях побеспокоимся потом. Это важно. Вопрос жизни и смерти. Ты единственный, кто может помочь мне.

Почувствовав затылком чей-то недобрый взгляд, я обернулся и увидел Хейзл, стоящую у автомата с соками и нацелившую на меня видеокамеру. Ее поза недвусмысленно говорила: «Все маме расскажу!» Но потом наши взгляды встретились, и лицо сестры смягчилось. Она отложила камеру и прикрыла ладонями глаза: «Ничего не вижу». По какой-то причине Хейзл решила дать мне поблажку. Может, почувствовала, как отчаянно мне это нужно.

— Ну, ладно. Вообще-то, привет, — сказал я Реду. — Как вы все поживаете?

— Хорошо. Папа восхищается мной. Как же! Шарки, который и впрямь оказался невиновным! Да, а Родди теперь мечтает стать детективом. Хотя не знаю, насколько его хватит. — Ред нервно оглянулся, как будто опасаясь, что кто-то

следит за нами. — Слушай, давай лучше к делу. Ты мне поможешь?

Я почувствовал, как внутри зашевелился страх.

— Не знаю, Ред. После того расследования...

Ред хлопнул ладонями по столешнице. Ребята, сидевшие на другом конце длинного стола, испуганно подскочили.

— Хватит об этом, Минимум! Мне помощь нужна. Надо выяснить, как все обстоит на самом деле, а ты в этом деле мастак. Не собираешься же ты хандрить всю оставшуюся жизнь?

С этим было трудно спорить. Ред нуждался в моей помощи, и, следовательно, я должен был помочь, чего бы это ни стоило лично мне. Прочь малодушные сомнения!

— Ладно. Рассказывай, только быстро, пока я не струсил.

— Отлично. — Ред одарил меня своей пиратской ухмылкой. — Задача и в самом деле не из простых. Когда-нибудь об этом напишут книгу. В этом году я подрабатывал летом в поместье у одного американца, который унаследовал титул.

— Подрабатывал летом. Американский аристократ. Дальше.

Звучало соблазнительно. Классическая детективная завязка. Я даже на время забыл о своей депрессии.

— Ну вот, — продолжал Ред. — Над этой семьей тяготеет проклятие...

Проклятие. Вообще-то такие материи — это не по части детективов. Но бывает, что слухи о проклятии пагубно влияют на психику суеверных людей...

— А проклятие такое, что владельцев поместья убивает... э-э... лиса.

— Лиса? — фыркнул я.

— Да. Очень большая лиса. Здоровенная такая. Рыщет по торфяным болотам, вынюхивая этого американского типа. И этой лисице до смерти хочется цапнуть американца за попу...

— Постой-ка! — Я невольно улыбнулся. — Ты все это выдумал, точнее, позаимствовал у Артура Конан Дойля. Ты мне тут «Собаку Баскервилей» пересказываешь!

Ред улыбнулся в ответ:

— Поймал! Нет у меня никаких неприятностей. Но признайся, разве впервые за месяц твое сердце не стало биться чаще?

Отпираться не имело смысла. Я и не стал.

— Ты детектив, Флетчер, — сказал Ред. — Расследования — твой конек.

— Папа отобрал у меня значок.

Ред погрозил мне пальцем.

— Только то, что значок не у тебя, не означает, что *значка* у тебя нет.

Это была явная попытка сказать нечто умное.

И, странное дело, я понял, что Ред имел в виду. Он нервно откашлялся.

— Знаешь, как в «Черном красавчике» написано? «Никто не должен равнодушно проходить мимо жестокости и угнетения». А это означает, что ты был чертовски прав, когда припер к стенке Грегора Деверо. Он уж точно вел себя с нами, как жестокий угнетатель.

— Ты что, с Мартом разговаривал? — догадался я.

— Да, — не стал отрицаться Ред. — Даже помог ему в нескольких делах, поскольку ты вышел из игры. Он говорит, я не такой толковый, как ты... Ну, если честно, он говорит, что, может, ты и не слишком крут, но по сравнению со мной просто гений.

— Другого я от Марта и не ждал.

— Я подумал, может, тебе будет приятно узнать, что Эрни вернулся в школу. Значит, не зря мы совали нос не в свои дела, что-то хорошее из этого все-таки вышло.

— Правда?

— Ага, хотя он, дурак, возмущается. Ах да, а Эйприл Деверо, после того как она провела месяц на ферме, родители перевели в частную школу-интернат в Дублине. Под тем предлогом, что

некоторые здешние подружки оказывали на нее дурное влияние.

— Здорово.

— А то!

Мы помолчали. Ред ждал, пока я приму решение.

— Ну так что, ты готов помогать мне в расследовании преступлений? — спросил я наконец.

Ред оскорбился:

— Помогать?! Мы равноправные партнеры, Флетчер. Точнее, были бы партнерами, если бы ты не шарахался от меня весь последний месяц.

— Знаешь, я... Это не потому...

— Ага, незаконченные предложения! — воскликнул Ред. — Несомненный признак вины.

— Прости, Ред. Я был не в себе. Точнее, пытался перестать быть тем, кто я есть, но из этого ничего не вышло.

— Нужно придумать название для нашего агентства.

— *Нашего?*

— Ну да. Ты будешь боссом, в смысле мозгом. А я буду тем симпатичным парнем, на долю которого приходится весь риск.

И тут, впервые за месяц, я снова ощутил вкус к жизни. Конечно, поначалу нам придется работать на малых оборотах, пока мои родители не сменят гнев на милость. Но из нас с Редом

получится отличная команда. Одно раскрытое дело — и нелегкое! — на нашем счету уже есть.

— Как тебе «Охотники за преступлениями»? — спросил Ред. — Или «Люди в черном»?

— Что?

— Название. Для нашего агентства, помнишь? — Ред лукаво подмигнул мне. — Ты ведь уже думал об этом, правда? И у тебя уже есть название. Дай-ка я угадаю. Ага, вот: «Детективное агентство Муна», верно?

Я улыбнулся своему партнеру.

— Почти в яблочко, — сказал я.

СОДЕРЖАНИЕ

1. ПЕРВОЕ ПРАВИЛО ДЕТЕКТИВА	7
2. ЧЕЛОВЕК С ДУБИНКОЙ	38
3. МУН БЕРЕТСЯ ЗА ДЕЛО	49
4. МУН ПОЛУЧАЕТ В ЛОБ	79
5. ВРАЧЕБНЫЙ ТАКТ ДОКТОРА БРЕНДАНА . . .	109
6. ДУРНАЯ СЛАВА	129
7. ПОБЕГ	138
8. В ЛОГОВЕ ШАРКИ	148
9. ДОКАЗАТЕЛЬСТВА ИЛИ РЕЗУЛЬТАТЫ?	184
10. ЮНЫЕ УЧЕНИЦЫ	209
11. СИЛА МАГНЕТИЗМА	239
12. ОБЕЩАНИЕ	268
13. СЛЕД ВЕЛИКАНА	287
14. ЛАРРИ И АДАМ	303
15. ПОСЛЕДНИЙ ФРАГМЕНТ ГОЛОВОЛОМКИ . . .	313
ЭПИЛОГ	352

Литературно-художественное издание

Йон Колфер

ФЛЕТЧЕР МУН — ЧАСТНЫЙ ДЕТЕКТИВ

Ответственный редактор *Н. Аллунан*
Художественный редактор *А. Стариков*
Технический редактор *О. Шубик*
Компьютерная верстка *К. Иванов*
Корректоры *Л. Пищелева, Н. Тюрина*

В оформлении переплета использована иллюстрация В. Остапенко

ООО «ИД «Домино».

191028, Санкт-Петербург, Моховая ул., д. 32.
Тел./факс (812) 329-55-33. E-mail: dominospb@hotmail.ru

ООО «Издательство «Эксмо»

127299, Москва, ул. Клары Цеткин, д. 18/5. Тел. 411-68-86, 958-39-21.
Home page: www.eksmo.ru E-mail: info@eksmo.ru

Подписано в печать 21.05.2007.

Формат 84×108^{1/32}. Печать офсетная. Бумага тип. Усл. печ. л. 19,32.
Тираж 18 100 экз. Заказ № 7533.

Отпечатано в полном соответствии
с качеством предоставленных диапозитивов
в ОАО «Можайский полиграфический комбинат».
143200, г. Можайск, ул. Мира, 93.

Оптовая торговля книгами «Эксмо»:

ООО «ТД «Эксмо». 142700, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное,
Белокаменное ш., д. 1, многоканальный тел. 411-50-74.
E-mail: reception@eksmo-sale.ru

**По вопросам приобретения книг «Эксмо» зарубежными оптовыми
покупателями обращаться в отдел зарубежных продаж ООО «ТД «Эксмо»**
E-mail: foreignseller@eksmo-sale.ru

International Sales:

For Foreign wholesale orders, please contact International Sales Department at
foreignseller@eksmo-sale.ru

**По вопросам заказа книг «Эксмо» в специальном оформлении
обращаться в отдел корпоративных продаж ООО «ТД «Эксмо»**
E-mail: project@eksmo-sale.ru

Оптовая торговля бумажно-беловыми

и канцелярскими товарами для школы и офиса «Канц-Эксмо»:

Компания «Канц-Эксмо»: 142702, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное-2,
Белокаменное ш., д. 1, а/я 5. Тел./факс +7 (495) 745-28-87 (многоканальный).
e-mail: kano@eksmo-sale.ru, сайт: www.kano-eksmo.ru

Полный ассортимент книг издательства «Эксмо» для оптовых покупателей:

■ **Санкт-Петербург:** ООО СЗКО, пр-т Обуховской Обороны, д. 84Е.
Тел. (812) 365-46-03/04.

■ **Нижнем Новгороде:** ООО ТД «Эксмо НН», ул. Маршала Воронова, д. 3.
Тел. (8312) 72-36-70.

■ **Казани:** ООО «НКП Казань», ул. Фрезерная, д. 5. Тел. (843) 570-40-45/46.

■ **Ростове-на-Дону:** ООО «РДЦ-Ростов», пр. Стачки, 243А.
Тел. (863) 268-83-59/60.

■ **Самаре:** ООО «РДЦ-Самара», пр-т Кирова, д. 75/1, литера «Е».
Тел. (846) 269-66-70.

■ **Екатеринбурге:** ООО «РДЦ-Екатеринбург», ул. Прибалтийская, д. 24а.
Тел. (343) 378-49-45.

■ **Киеве:** ООО ДЦ «Эксмо-Украина», ул. Луговая, д. 9.
Тел./факс: (044) 537-35-52.

■ **Во Львове:** ТП ООО ДЦ «Эксмо-Украина», ул. Бузкова, д. 2.
Тел./факс (032) 245-00-19.

■ **Симферополе:** ООО «Эксмо-Крым» ул. Киевская, д. 153.
Тел./факс (0652) 22-90-03, 54-32-99.

Мелкооптовая торговля книгами «Эксмо» и канцтоварами «Канц-Эксмо»:

117192, Москва, Мичуринский пр-т, д. 12/1. Тел./факс: (495) 411-50-78.

127254, Москва, ул. Добролюбова, д. 2. Тел.: (495) 780-58-34.

Полный ассортимент продукции издательства «Эксмо»:

■ **Москва в сети магазинов «Новый книжный»:**

Центральный магазин — Москва, Сухаревская пл., 12. Тел. 937-85-81.

Волгоградский пр-т, д. 78, тел. 177-22-11; ул. Братиславская, д. 12, тел. 346-99-95.

Информация о магазинах «Новый книжный» по тел. 780-58-81.

■ **Санкт-Петербург в сети магазинов «Буквоед»:**

«Магазин на Невском», д. 13. Тел. (812) 310-22-44.

**По вопросам размещения рекламы в книгах издательства «Эксмо»
обращаться в рекламный отдел. Тел. 411-68-74.**

ЙОН КОЛФЕР АРТЕМИС ФАУЛ

**КНИГИ-БЛОКБАСТЕРЫ В НОВОМ,
УЛЬТРАМОДНОМ ОФОРМЛЕНИИ!**

Артемис Фаул
Артемис Фаул. Миссия в Арктику
Артемис Фаул. Код вечности
Артемис Фаул. Секретные материалы
Артемис Фаул. Ответный удар
Артемис Фаул. Затерянный мир

www.ArtemisFowl.ru

Eoin Colfer

www.eksmo.ru

HI-TECH РУЛИТ, МАГИЯ ОТДЫХАЕТ!

Джонатан Страуд

“ПОСЛЕДНЯЯ ОСАДА”

НОВАЯ ЗАХВАТЫВАЮЩАЯ КНИГА

ОТ АВТОРА ЛЕГЕНДАРНОЙ

«ТРИЛОГИИ БАРТИМЕУСА»

Старинному замку предстоит выдержать еще одну, последнюю осаду, хотя защитников будет всего трое, и в современном мире их считают детьми...

**МАЛО ЗАХВАТИТЬ ЗАМОК,
ПОПРОБУЙ ЕГО УДЕРЖАТЬ!**

www.stroud.ru

www.eksmo.ru

Не каждый может стать детективом. Необходим особый склад ума, наметанный глаз, независимый характер, но главное — любопытство. Желание во что бы то ни стало выяснить истину, пусть ради этого придется лазать через заборы, получать по голове и даже рисковать оказаться посмешищем. Флетчеру Муну недавно исполнилось двенадцать. Он блестяще закончил Академию частных сыщиков (через Интернет) и получил самый настоящий значок детектива. Этот значок дает Флетчеру право заниматься частными расследованиями... честно говоря, только после совершеннолетия, но это не важно. Важно то, что порой дело само находит детектива и расследование принимает весьма неожиданный оборот.

В отличие от Артемиса Фаула, другого знаменитого героя книг Йона Колфера, Флетчеру Муну пока не довелось столкнуться с волшебным народцем. Но обладателя по-настоящему незаурядного ума приключения подстерегают даже на школьном дворе!

ISBN 978-5-699-22028-1

9 785699 220281 >